

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

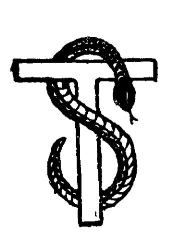
Satyât Nâsti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 октября.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911

№ 10.

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи".

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ изданіе „Тайной Доктрины" Е. П. Блаватской **откладывается**. Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину" и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволятъ сообщить Редакціи свои точные адреса.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати двѣ первыя брошюры: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ" и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій" (Карма). Слѣдующія брошюры выйдутъ въ ближайшемъ времени.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

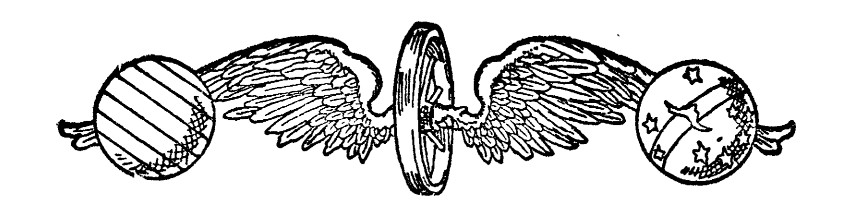
„Вѣстникъ Теософіи" за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

СОДЕРЖАНІЕ

октябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU № OCTOBRE 1911.

Pages.

О Кармѣ.

Этюдъ.

А. Безантъ.

Среди многихъ свѣтлыхъ даровъ, переданныхъ западному міру черезъ посредство Теософическаго Общества, знакомство съ Кармой можно считать послѣ перевоплощенія наиболѣе значительнымъ даромъ. Законъ этотъ переноситъ человѣческую мысль изъ области произвольной случайности въ царство закона, и передаетъ такимъ образомъ контроль надъ будущимъ человѣка въ его собственныя руки, и контроль этотъ будетъ все болѣе расширяться по мѣрѣ расширенія человѣческаго знанія.

Главное положеніе Кармы: *что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ*, не трудно понять. Но приложеніе этого закона къ ежедневной жизни во всѣхъ ея подробностяхъ, методы его выполненія и его далеко захватывающихъ послѣдствій,—все это представляетъ трудности, которыя растутъ все болѣе по мѣрѣ того, какъ знаніе наше увеличивается. Принципы, на которыхъ основывается любая естественная наука, не представляетъ затрудненія для пониманія людей нашего времени, достаточно интеллигентныхъ и воспитанныхъ; но когда изучающій науку переходитъ отъ принциповъ къ практикѣ, отъ общихъ очертаній къ подробностямъ, на него надвигаются со всѣхъ сторонъ затрудненія, и если онъ рѣшитъ овладѣть своимъ предметомъ вполнѣ, онъ будетъ принужденъ спеціализироваться и посвятить все свое время на распутываніе тѣхъ трудностей, которыя будутъ являться ему. Тоже самое и съ наукой о Кармѣ; изучающій ее не можетъ навсегда оставаться въ границахъ общихъ положеній; онъ долженъ хорошо изучить подраздѣленія основного закона, долженъ умѣть примѣнять его ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни, долженъ узнать насколько этотъ законъ связываетъ и насколько возможно освободиться отъ этой связи. Онъ долженъ научиться видѣть въ

Кармѣ всемірный законъ природы и твердо помнить, что какъ по отношенію ко всей природѣ, такъ и по отношенію къ этому закону, побѣда можетъ быть одержана только путемъ послушанія *).

Чтобы вполнѣ понять Карму, изучающій ее долженъ начать съ яснаго усвоенія ея основныхъ принциповъ; недостатокъ такого яснаго усвоенія приводитъ людей къ постоянному смущенію, къ безконечнымъ вопросамъ, которые не могутъ быть разрѣшены безъ основательно заложеннаго фундамента. Вотъ почему я считаю необходимымъ начать съ основныхъ положеній хотя многіе изъ моихъ читателей уже знакомы съ ними.

Основное понятіе, изъ котораго вытекаетъ дальнѣйшее правильное пониманіе Кармы, состоитъ въ томъ, что мы имѣемъ передъ собой законъ—вѣчный, неизмѣнный, непреложный, который *нельзя нарушить* и который существуетъ въ самой природѣ вещей. Только недостатокъ пониманія этой непреложности можетъ вызвать часто встрѣчаемую неосновательную мысль: „Не слѣдуетъ препятствовать его или ея Кармѣ". Но вѣдь всюду, гдѣ дѣйствуетъ естественный законъ, вы препятствуете ему ровно настолько, насколько въ силахъ сдѣлать это. Вы никогда не услышите торжественнаго заявленія: „Не слѣдуетъ препятствовать закону тяготѣнія". Всякому ясно, что съ закономъ тяготѣнія необходимо считаться и что каждый совершенно свободенъ бороться съ нежелательными для него проявленіями этого закона, противопоставляя ему другую силу или защищая отъ него то, что иначе могло бы пострадать подъ его воздѣйствіемъ.

Когда какое-либо естественное условіе мѣшаетъ намъ, мы напрягаемъ нашъ умъ чтобы обойти его, и никому и въ голову не придетъ сказать, чтобы мы ему не „препятствовали" и не измѣняли условія неудобнаго или непріятнаго для насъ. Но мы можемъ „препятствовать" лишь тогда, когда обладаемъ знаніемъ, ибо мы не можемъ ни уничтожить, ни заставить бездѣйствовать естественную силу. Мы можемъ только ослабить или отвести ея дѣйствіе, если имѣемъ въ своемъ распоряженіи иную, достаточную для того силу; и несмотря на то, что она не измѣнитъ для насъ ни одной іоты изъ своей дѣятельности, она можетъ быть направлена, обойдена, нейтрализована другой силой и все это въ точномъ размѣрѣ тѣхъ знаній и того умѣнія, которыми мы располагаемъ. Карма не болѣе „священна", чѣмъ всякій другой есте-

---

*) „Природа побѣждается послушаніемъ".

ственный законъ. Всѣ естественные законы—выраженія божественной природы и всѣ мы живемъ и двигаемся среди нихъ; но они вовсе не обязательныя предписанія, а силы, устанавливающія условія, среди которыхъ мы живемъ и которыя дѣйствуютъ какъ въ насъ самихъ, такъ и внѣ насъ. Мы можемъ приводить ихъ въ дѣйствіе въ мѣру нашихъ знаній, и по мѣрѣ того, какъ развивается разумъ человѣка, онъ все болѣе начинаетъ господствовать надъ ними, пока не станетъ сверхчеловѣкомъ и матеріальная природа не сдѣлается его слугой.

Много путаницы возникло въ сознаніи западныхъ людей благодаря тому, что они видѣли въ „естественныхъ" законахъ нѣчто отдѣльное отъ умственныхъ и нравственныхъ законовъ, тогда какъ послѣдніе являются такою же частью естественнаго закона, какъ напримѣръ, электричество и остальные законы, входящіе въ естественный порядокъ природы. Естественный законъ смѣшивался во многихъ умахъ съ человѣческимъ закономъ, и произвольность человѣческаго законодательства вносилась въ царство естественнаго закона. Законы, относящіеся до физическихъ феноменовъ, были освобождены отъ такой произвольности наукой, но умственная и нравственная области остаются и по сіе время въ хаосѣ беззаконности. Не божественное приказаніе, а самое свойство божественной природы обусловливаетъ наше существованіе, и когда пророки провозглашали нравственные законы, это было каждый разъ прозрѣніемъ неизбѣжныхъ послѣдствій въ нравственномъ мірѣ, видимыхъ пророку, но не вѣдомыхъ для его невѣжественныхъ слушателей. И только благодаря своей невѣжественности слушатели пророка принимали его провозглашеніе за произвольное приказаніе божественнаго законодателя, говорящаго черезъ пророка; они не видѣли что это—лишь утвержденіе неизбѣжной послѣдовательности въ ряду нравственныхъ феноменовъ изъ области, столь же закономѣрной, какъ и физическая.

Законъ, въ второстепенномъ соціальномъ смыслѣ, есть приведеніе законодательства, предписанное авторитетомъ, который признанъ законнымъ. Это можетъ быть указомъ самодержца или актомъ законодательнаго собранія; въ обоихъ случаяхъ сила закона зависитъ отъ признанія авторитета того, кто издаетъ законъ. У индусовъ мы находимъ обѣ идеи, и человѣческаго, и естественнаго закона. Король, по понятіямъ Ману, есть самодержецъ, и подданный долженъ слушаться его; но *надъ* Королемъ есть законъ, которому онъ въ свою очередь долженъ подчиняться, который дѣйствуетъ непреложно и заключенъ въ самой природѣ вещей.

Несмотря на свое самодержавіе, Король также связанъ высшимъ закономъ, который раздавитъ его, если онъ вздумаетъ пренебрегать имъ. Угнетеніе слабыхъ—самый страшный врагъ королей; слезы угнетенныхъ подрываютъ самое основаніе троновъ, а страданіе народа губитъ повелителей. Физическій и сверхфизическій міры проникаютъ другъ друга и причины, порождаемыя въ одномъ, вызываютъ соотвѣтствующія послѣдствія въ другомъ. Короли и ихъ Совѣты составляли законы для государства, но это искусственные, а не естественные законы; они имѣютъ связывающее значеніе для подданныхъ и проводятся они съ помощью наказаній. Такіе законы не имѣютъ ничего общаго съ естественнымъ закономъ. Можно пожалѣть, что одно и то же слово употребляется для такихъ различныхъ понятій, какъ „естественный“ и „искусственный“ законы, такъ ясно различающихся своими характерными чертами.

Искусственные законы измѣнчивы; составители могутъ и измѣнять, и упразднять ихъ. Естественные законы неизмѣнны; они не могутъ быть ни измѣнены, ни упразднены и коренятся въ самой природѣ вещей. Искусственные законы мѣстнаго происхожденія, тогда какъ естественные—всеміpны. Законъ противъ грабежа можетъ въ любой странѣ видоизмѣняться по произволу законодателя: въ одномъ мѣстѣ за грабежъ отрѣзали руку, въ другомъ—грабитель заключался въ тюрьму, иногда—его вѣшали. Болѣе того, наложеніе наказанія зависитъ отъ раскрытія преступленія. Наказаніе, которое можетъ измѣняться и котораго можно избѣжать, ни въ какомъ случаѣ не можетъ стоять въ причинной связи съ тѣмъ преступленіемъ, которое оно караетъ. Естественный законъ не наказываетъ, въ немъ одно условіе слѣдуетъ неизмѣнно за другимъ. Если человѣкъ воруетъ, его природа становится все болѣе вороватой, наклонность къ безчестности усиливается и трудность вести честную жизнь все болѣе увеличивается. *Это* послѣдствіе проявляется во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ странахъ, и то обстоятельство, что другіе знаютъ или *не* знаютъ о воровствѣ, не составитъ никакой разницы въ его неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ. Наказаніе, которое измѣнчиво, не всеобще, и котораго можно избѣжать, есть признакъ, что налагающій его законъ искусственъ, а не естественъ.

Естесственный законъ есть послѣдствіе извѣстныхъ условій; если одно условіе на лицо, другое условіе послѣдуетъ за нимъ неизбѣжно. Если вы желаете вызвать условіе № 2-й, вы должны вызвать условіе № 1-й и тогда второе условіе послѣдуетъ какъ

неизбѣжное послѣдствіе перваго, и послѣдствіе это никогда не измѣнится, если не вмѣшаются новыя условія. Такъ, вода течетъ внизъ по наклонному каналу, согласуясь съ силой тяготѣнія, и если вы нальете воды въ верхнюю часть, вода неизбѣжно побѣжитъ внизъ по наклону; но вы можете задержать теченіе, поставивъ препятствіе, и въ этомъ случаѣ сопротивленіе, которое препятствіе ставитъ силѣ тяготѣнія, уравновѣшиваетъ ее, но сила тяготѣнія остается дѣятельной и проявляется въ видѣ давленія на препятствіе. Первое условіе называется причиной, вытекающее изъ него условіе называется послѣдствіемъ, и одна и та же причина вызоветъ всегда одно и то же послѣдствіе, если не вносится новая причина; въ послѣднемъ случаѣ послѣдствіе будетъ составной силой обѣихъ причинъ.

Карма является естественнымъ закономъ въ полномъ смыслѣ слова; это—Всемірная Причинность, Законъ причины и послѣдствія. Можно сказать, что Карма лежитъ въ основаніи всѣхъ частныхъ законовъ, всѣхъ причинъ и послѣдствій. Она—естественный законъ во всѣхъ своихъ видахъ и во всѣхъ подраздѣленіяхъ. Карма не частный законъ, а всемірное условіе, отъ котораго зависятъ всѣ другіе законы, являющіеся лишь частичнымъ выраженіемъ этого единаго закона. Бхагавадъ-Гита говоритъ, что ничто воплощенное не можетъ избѣжать его:—Лучезарные, человѣческія существа, животные, растенія, минералы, всѣ развиваются подъ вліяніемъ этого всемірнаго закона. Даже самъ Логосъ, воплотившись во Вселенную, вступаетъ въ широкій кругъ этого Закона всякаго проявленія. Пока существуетъ какое-либо отношеніе къ матеріи, до тѣхъ поръ воплощенный въ матерію остается въ предѣлахъ Кармическаго закона.

Этотъ всемірный законъ Причинности связываетъ въ одно цѣлое все, что происходитъ въ границахъ проявленной Вселенной, ибо законъ этотъ является всемірнымъ *взаимо-отношеніемъ*. Взаимо-отношеніе всего, что существуетъ, вотъ что такое Карма. Слѣдовательно, Карма есть нѣчто одновременное, со-существующее съ каждой появляющейся вселенной. Поэтому Карма также вѣчна, какъ и всемірное Я *). Взаимо-отношеніе всего существуетъ вѣчно. Оно никогда не начинается; оно никогда не прекращается. „Нереальное не имѣетъ бытія, реальное никогда не перестаетъ быть **). Нѣтъ ничего обособленнаго, нѣтъ ничего внѣ отношенія къ остальному, и Карма есть то, что соединяетъ все существу-

*) Всемірное сознаніе. *Прим. переводч.*

**) Бхагавадъ-Гита II, 16.

ющее во едино. Она проявляется во время проявленія вселенной, а при ея распаденіи она переходитъ въ состояніе скрытое (по отношенію къ *этой* вселенной).

Въ великомъ Все всякое бытіе существуетъ всегда; все что было, все что есть, все что будетъ и все, что можетъ быть, всѣ возможности и все, уже приведенное въ дѣйствіе, все это пребываетъ вѣчно въ великомъ Все. Все что снаружи, все выступающее, все раскрывающееся, есть проявленная вселенная, все же остающееся внутри, все скрытое, есть непроявленная вселенная. Но Внутреннее, Непроявленное такъ же реально какъ и Внѣшнее, Проявленное. Взаимо-отношеніе существъ *внутри* или *внѣ* проявленія есть вѣчная Карма. И такъ же, какъ бытіе не имѣетъ конца, также не имѣетъ конца и Карма. Когда часть того, что пребываетъ одновременно въ великомъ Все, проявляется какъ вселенная, вѣчное взаимо-отношеніе становится послѣдовательнымъ и выражается какъ причина и послѣдствіе. Въ единой Сущности, заключающей всякое бытіе, все связано со всѣмъ остальнымъ, все имѣетъ отношеніе ко всему остальному, и въ феноменальной проявленной вселенной всѣ эти связи и отношенія выявляются какъ послѣдовательныя событія, причинно связанныя въ порядкѣ ихъ слѣдованія во времени.

Можетъ быть многимъ читателямъ чужда подобная метафизическая точка зрѣнія, но пока идея вѣчной Сущности, въ которой вѣчно пребываетъ всякое бытіе, не будетъ усвоена, смыслъ Кармы не раскроется во всей ея глубинѣ. Пока мы думаемъ лишь на поверхности, всегда возникаютъ новые вопросы послѣ каждаго отвѣта, безконечныя „почему"? послѣ каждаго новаго объясненія. Если изучающій вопросъ желаетъ избѣжать этого, онъ долженъ терпѣливо искать центральной истины и углублять представленіе о великомъ *Все* до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается вѣчно присущей частью его умственнаго содержанія, и тогда выступающія на окружности круга вселенныя становятся понятными и всемірное взаимо-отношеніе между всѣми вещами, *видимо одновременно изъ центра*, явится какъ причина и послѣдствіе въ послѣдовательныхъ проявленіяхъ на окружности круга. Было сказано, что Предвѣчный *) подобенъ океану, выбрасывающему вселенныя подобно волнамъ. Океанъ символизируетъ бытіе безъ формы. Волна—въ силу того, что она представляетъ собою часть цѣлаго,—

---

*) Его индусское имя—Браманъ или точнѣе Ниргуна Браманъ, т. е. Браманъ безъ атрибутовъ.

имѣетъ форму и атрибуты. Волны поднимаются и падаютъ; онѣ разбиваются въ пѣну, и брызги ихъ тоже, что міры во вселенной.

Или мы можемъ представить себѣ большой водопадъ, подобный Ніагарѣ, въ которомъ вся масса его стремнины едина, пока она не упадетъ и не разобьется въ безчисленныя капли, каждая изъ которыхъ въ отдѣльности отражаетъ солнечный свѣтъ; и всѣ эти капли подобны мірамъ, а радуга, играющая въ нихъ, представляетъ собою многоцвѣтную жизнь. Но вода едина, тогда какъ капель множество, и жизнь едина, хотя живыхъ существъ, безчисленное количество. Богъ, и проявленный и непроявленный—одинъ и тотъ же, хотя въ проявленіи Онъ являетъ свои атрибуты, а въ непроявленномъ состояніи—отсутствіе атрибутовъ. Логосъ и Его вселенная—едины, хотя Онъ есть единство, а вселенная—разнообразіе, Онъ есть жизнь, а вселенная—форма. Внѣ проявленія Карма остается въ скрытомъ состояніи, ибо проявленныя существа въ періодъ непроявленный являются лишь идеями; въ періодъ же проявленія Карма дѣятельна, ибо всѣ части даннаго міра, системы или вселенной, связаны взаимно. Наука говоритъ, что ни одно движеніе частицы не происходитъ безъ того, чтобы не отразиться на цѣломъ, и всѣ соглашаются съ этимъ. Тоже относится и ко всей вселенной, и ни одно взаимо-отношеніе не можетъ быть нарушено, ибо нарушеніе одного нарушило бы единство цѣлаго. Нерушимость естественнаго закона, основана на его всемірности, и нарушеніе закона въ какой-бы то ни было части, повело бы за собой всемірной хаосъ.

Мы видѣли, что какъ проявленіе вселенной вызываетъ послѣдовательность феноменовъ, такъ и всемірное взаимо-отношеніе становится рядомъ причинъ и послѣдствій. При этомъ каждое послѣдствіе становится въ свою очередь причиной, и такъ безъ конца, причемъ причина и послѣдствіе различаются не по существу, а только относительно. Взаимо-отношенія, существующія въ мысляхъ Предвѣчнаго, становятся взаимо-отношеніями между феноменами проявленной вселенной,—точнѣе говоря, той части Его мысли, которая выявляется какъ вселенная. Проявленію каждой данной вселенной должна предшествовать мысль Предвѣчнаго объ этой вселенной и о ея взаимо-отношеніяхъ. То, что нынѣ существуетъ одновременно, внѣ времени и пространства, въ Предвѣчномъ, то выявляется постепенно во времени и пространствѣ, какъ послѣдовательные феномены. Какъ только вы начинаете мыслить вселенную какъ состоящую изъ феноменовъ, вы принуждены думать объ этихъ феноменахъ послѣдовательно, какъ о

чередующихся одинъ за другимъ; но въ мысляхъ Предвѣчнаго, они существуютъ неограниченные послѣдовательнымъ чередованіемъ.

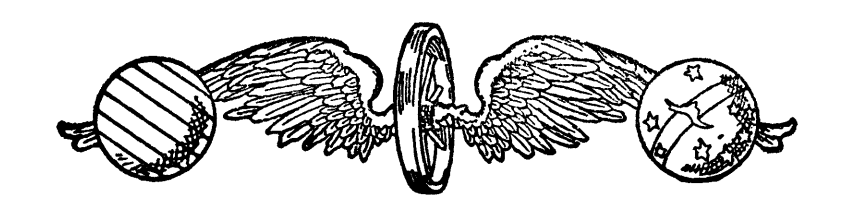
Даже и въ низшихъ мірахъ, гдѣ мѣра времени такъ отличается одна отъ другой,—мы все же улавливаемъ растущее ограченіе плотной матеріи. Моцартъ разсказываетъ намъ о состояніи сознанія, когда онъ получалъ цѣлое музыкальное сочиненіе какъ единое впечатлѣніе, хотя въ обыденномъ бодрствующемъ сознаніи, онъ могъ воспроизвести это единое впечатлѣніе лишь какъ послѣдовательные ряды нотъ. Или возьмемъ картину, которую мы воспринимаемъ, какъ единое впечатлѣніе ландшафта или сраженія; но муравей, ползущій по этой картинѣ, не могъ бы увидать ея цѣлаго, онъ имѣлъ бы лишь послѣдовательныя впечатлѣнія отъ тѣхъ частей, черезъ которыя онъ передвигался.

Посредствомъ этой аналогіи мы можемъ получить нѣкоторое представленіе о томъ, какъ вселенная представляется Логосу, и какъ она представляется намъ. Для Него—единое впечатлѣніе, совершенное цѣлое; для насъ—необъятный рядъ послѣдовательныхъ впечатленій, медленно раскрывающихся. Такимъ образомъ то, что для Него взаимо-отношеніе, для насъ становится послѣдованіемъ. Вмѣсто того, чтобы видѣть дѣтство, юность и старость, какъ одно цѣлое, мы видимъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, день за днемъ, годъ за годомъ. То, что одновременно и всеобще, становится послѣдовательнымъ и частичнымъ для нашихъ ограниченныхъ умовъ, ползающихъ по вселенной, какъ муравей по картинѣ. Поднимитесь на гору и посмотрите на разстилающійся городъ, и вы увидите какъ дома соединяются въ кварталы, улицы и т. д. вы увидите ихъ какъ нѣчто цѣлое, но когда вы спуститесь въ городъ, вы должны будете переходить изъ улицы въ улицу, воспринимая каждую отдѣльно и послѣдовательно. Также воспринимаемъ мы и въ Кармѣ одно отношеніе за другимъ, даже не представляя себѣ ихъ послѣдовательной связи, настолько ограниченъ нашъ кругозоръ.

Такія сравненія могутъ помочь намъ понять невидимыя вещи и послужатъ помощью для нашего недостаточнаго воображенія. Изъ всего выше изложеннаго мы сдѣлаемъ краеугольный камень для нашего изслѣдованія Кармы.

И такъ, Карма есть всемірное взаимо-отношеніе и она является въ проявленномъ мірѣ какъ Законъ Причинности, вслѣдствіи *послѣдовательнаго* появленія феноменовъ въ возникающей вселенной.

Переводъ **Е. П.**

Сила мысли.

А. Безантъ.

(*Продолженіе* *).

Глава VI.

Начало мышленія.

Немногіе внѣ небольшого круга спеціалистовъ по психологіи задавали себѣ вопросъ: откуда происходитъ мысль?“ Когда мы снова приходимъ въ міръ, мы являемся обладателями большого количества уже готовыхъ мыслей, огромнаго запаса, такъ называемыхъ, „врожденныхъ идей“. Эти понятія, которыя мы приносимъ съ собою при рожденіи, являются какъ бы сокращенными выводами, общими итогами опытовъ нашихъ предыдущихъ жизней.

Съ этимъ умственнымъ запасомъ мы начинаемъ дѣйствовать въ *этомъ* воплощеніи, и поэтому психологъ не въ состояніи прослѣдить начало мышленія путемъ непосредственнаго наблюденія.

Но нѣчто онъ можетъ узнать изъ своихъ наблюденій надъ ребенкомъ, потому что, какъ физическое тѣло новорожденнаго быстро повторяетъ въ своей до-родовой жизни всю долгую физическую эволюцію прошлаго, такъ и новое ментальное тѣло проходитъ черезъ всѣ ступени своего долгаго предыдущаго развитія.

Это вѣрно, что „ментальное тѣло“ вовсе не тождественно „съ мыслью“ и поэтому изучая новое ментальное тѣло, мы совсѣмъ не изучаемъ начало мышленія. Это становится еще понятнѣе, когда мы примемъ во вниманіе тотъ фактъ, что весьма немногіе способны къ непосредственному наблюденію ментальнаго

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 9, стр. 37.

тѣла, что большинству приходится ограничиваться наблюденіемъ надъ послѣдствіями воздѣйствія ментальнаго тѣла на его болѣе плотныхъ спутниковъ: физическій мозгъ и нервную систему. „Мысль" настолько же отличается отъ ментальнаго тѣла, насколько и отъ физическаго; мысль принадлежитъ сознанію, жизни, тогда какъ и ментальное, и физическое тѣла являютъ собой другую сторону проявленія, форму, матерію, и служатъ лишь временными проводниками или орудіями. Слѣдуетъ постоянно помнить о разницѣ между Познающимъ и умомъ, который не болѣе, какъ его орудіе познаванія, и не забывать, что подъ умомъ мы подразумѣваемъ „ментальное тѣло въ соединеніи съ манасомъ".

Мы можемъ, однако, изучая первоначальныя воздѣйствія мысли на эти тѣла, когда они только что появились на свѣтъ, сдѣлать по аналогіи нѣкоторыя заключенія о началахъ мышленія, возникающихъ тогда, когда „въ проявленномъ мірѣ „Я" впервые соприкасается съ „Не—я". Наблюденія эти могутъ помочь намъ въ силу той истины, что „какъ наверху, такъ и внизу". Все здѣсь—лишь отраженіе и, изучая отраженія, мы можемъ узнать кое-что и о томъ, что порождаетъ эти отраженія.

Наблюдая внимательно ребенка, мы замѣтимъ, что ощущенія —отвѣтъ на возбужденія, вызываемыя чувствомъ удовольствія или страданія, и прежде всего страданія—предшествуютъ всякому признаку пониманія. То есть, что неопредѣленныя ощущенія предшествуютъ опредѣленнымъ познаваніямъ. До своего рожденія ребенокъ существовалъ благодаря жизненнымъ силамъ, притекавшимъ къ нему черезъ тѣло матери. Когда же настаетъ время для его самостоятельнаго существованія, эти силы какъ бы отрѣзаются отъ него. Источникъ жизни удаляется изъ его тѣла, и вновь не возобновляется; когда же жизненныя силы уменьшаются, настаетъ нужда въ нихъ, и эта нужда вызываетъ страданіе. Удовлетвореніе ея приноситъ облегченіе, удовольствіе, и ребенокъ снова погружается въ безсознательность. Въ скоромъ времени зрительныя и слуховыя впечатлѣнія пробуждаютъ ощущенія, но признаковъ разумности еще не замѣтно. Первый признакъ разумности появляется тогда, когда голосъ или видъ матери, или кормилицы начинаетъ соединяться съ чувствомъ удовлетворенія постоянно возобновляющейся нужды въ пищѣ и того удовольствія, которое доставляется питаніемъ. Здѣсь уже происходитъ ассоціація въ памяти цѣлой группы повторяющихся ощущеній съ однимъ опредѣленнымъ внѣшнимъ объектомъ, который воспринимается отдѣльно отъ этихъ ощущеній и при томъ какъ источникъ ихъ.

Мысль есть познаванiе соотношенiя между многими ощущенiями и тѣмъ однимъ, которое ихъ соединяетъ въ одно цѣлое. Это есть первое выраженiе разумности, первая мысль, первое „воспрiятiе“. Сущность воспрiятiя есть возникновенiе вышеприведеннаго соотношенiя между единицей сознанiя—Jiva—и объектомъ; вездѣ, гдѣ установилось такое соотношенiе,—возникаетъ мысль.

Этотъ простой и всегда подлежащiй провѣркѣ фактъ можетъ служить общимъ примѣромъ того, какъ начинается мышленiе въ отдѣльномъ „Я“,—т. е. въ тройственномъ „Я“, заключенномъ въ матерiю, какъ бы она ни была тонка *). Въ этомъ отдѣльномъ „Я“ ощущенiя предшествуютъ мышленiю; вниманiе „Я“ пробуждается впечатлѣнiемъ, на которое онъ отвѣчаетъ ощущенiемъ. Массивное чувство нужды, вызванное уменьшенiемъ жизненной энергiи, само по себѣ не пробуждаетъ мысль; но эта нужда удовлетворяется соприкосновенiемъ съ молокомъ, что вызываетъ опредѣленное мѣстное впечатлѣнiе, сопровождаемое чувствомъ удовольствiя. Послѣ многократнаго повторенiя этого явленiя, „Я“—неопредѣленно и ощупью—достигаетъ внѣшняго мiра; оно входитъ въ соприкосновенiе съ внѣшнимъ мiромъ, благодаря извнѣ приходящему впечатлѣнiю. Жизненная энергiя вливается такимъ образомъ, въ ментальное тѣло и оживляетъ его, благодаря чему оно отражаетъ—сначала слабо—тотъ предметъ, соприкосновенiе котораго съ тѣломъ произвело данное ощущенiе. Это измѣненiе въ ментальномъ тѣлѣ, многократно повторяемое, возбуждаетъ познавательную силу, и оно начинаетъ соотвѣтственно вибрировать. Оно испытало потребность, испытало соприкосновенiе и удовольствiе, и въ связи съ соприкосновенiемъ передъ нимъ возникаетъ образъ, производившiй воздѣйствiе и на глаза, и на губы,—два ощущенiя, которыя въ немъ слились. Въ силу присущей ему природы, „Я“ сливаетъ эти три вещи въ одно: потребность, соприкасающiйся образъ и удовольствiе; это слiянiе и полагаетъ начало мышленiю. До тѣхъ поръ, пока „Я“ не способно отвѣчать такимъ образомъ,—мысли не можетъ быть, ибо „Я“ и есть Познающiй, ничто иное не можетъ познавать.

Упомянутое воспрiятiе дѣлаетъ желанiе опредѣленнымъ: желанiе перестаетъ быть неопредѣленной жаждой чего то, и становится опредѣленнымъ влеченiемъ къ опредѣленной вещи, въ данномъ случаѣ—къ молоку. Но воспрiятiе требуетъ провѣрки, ибо Познающiй связалъ въ одно три явленiя, а одно изъ нихъ потреб-

---

*) „Я“—индивидуализованное, въ противоположность единому мiровому „Я“.

ность—должно быть выдѣлено. Замѣчательно, что въ ранній періодъ видъ дающей молоко пробуждаетъ потребность: Познающій вызываетъ ее, когда является образъ, связанный съ потребностью. Ребенокъ, не чувствуя голода, требуетъ грудь при видѣ матери. Позднѣе, эта неправильная ассоціація прерывается, и образъ кормящей соединяется съ чувствомъ удовольствія, какъ съ его причиной; онъ является объектомъ удовольствія. Влеченіе ребенка къ матери устанавливается такимъ образомъ и дѣлается съ этихъ поръ дальнѣйшимъ возбудителемъ мысли.

Связь между ощущеніемъ и мыслею.

Во многихъ сочиненіяхъ по психологіи, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, ясно установлено, что каждая мысль коренится въ ощущеніи, что до тѣхъ поръ, пока не скопилось большаго количества ощущеній, не можетъ быть мысли. „Умъ, каковымъ мы его знаемъ“, говоритъ Е. П. Блаватская „сводится къ состояніямъ сознанія, разнящимся по своей продолжительности, напряженію, сложности и т. д., но всѣ они, въ концѣ концовъ, основываются на ощущеніи *) Нѣкоторые писатели пошли далѣе, утверждая, что ощущенія—не только матеріалъ, изъ котораго строятся мысли, но что мысли производятся ощущеніями, и что слѣдовательно нѣтъ никакого Мыслителя, никакого Познающаго. Другіе, наоборотъ, смотрятъ на мысль, какъ на результатъ дѣятельности Познающаго, возникшей изнутри, а не получившей толчка извнѣ; ощущенія, по мнѣнію этой школы психологовъ, являются не необходимымъ условіемъ его дѣятельности, а матеріаломъ, къ которому Мыслитель примѣняетъ свои собственныя, присущія ему способности.

Обѣ точки зрѣнія, и та, которая считаетъ, что мысль есть чистый продуктъ ощущеній и та, которая признаетъ мысль чистымъ продуктомъ Познающаго—владѣютъ только долей истины; полная истина лежитъ посреди обоихъ. Хотя для пробужденія Познающаго и необходимо, чтобы ощущенія дѣйствовали на него извнѣ, и хотя первая мысль является вслѣдствіе воздѣйствія со стороны ощущенія, слѣдовательно ощущеніе есть необходимый предшественникъ мысли, тѣмъ не менѣе, если бы не было присущей способности связывать явленія между собою, если бы природѣ „Я“ не было присуще познаваніе,—ощущенія могли бы даваться ему безпрерывно и все-таки не возникло бы ни единой мысли. Утвержде-

---

*) Secret Doctrine, I. 31. Примѣчаніе.

ніе, что начало мысли кроется въ ощущеніяхъ, вѣрно только на половину; должна существовать еще сила, которая бы дѣйствовала на ощущенія, которая бы ихъ организовала и установила связующія звенья какъ между самими ощущеніями, такъ и между ними и внѣшнимъ міромъ. Мыслитель—отецъ, ощущеніе—мать, а мысль—*ихъ* дитя.

Если начало мысли кроется въ ошущеніяхъ и если эти ощущенія вызываются впечатлѣніями внѣшняго міра, въ такомъ случаѣ точное наблюденіе за природой и продолжительностью возникшаго ощущенія представляетъ огромное значеніе. Первымъ дѣломъ Познающаго является наблюденіе; если бы не было предмета для наблюденія, Познающій пребывалъ бы всегда во снѣ. Но когда передъ нимъ является предметъ, и онъ, какъ „Я", сознаетъ соприкосновеніе, тогда, какъ Познающій, онъ производитъ наблюденіе. Отъ точности его наблюденія зависитъ мысль, которую онъ образуетъ изъ множества наблюденій, соединенныхъ вмѣстѣ. Если его наблюденія неточны, если онъ устанавливаетъ невѣрную связь между предметомъ, вызвавшимъ впечатлѣніе, и собою, наблюдающимъ за этимъ впечатлѣніемъ, тогда изъ этой ошибки въ его собственной работѣ произойдетъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ ошибокъ, исправить которыя онъ можетъ, только возобновивъ наблюденія съ самаго начала.

Разсмотримъ теперь, какъ ощущеніе и понятіе дѣйствуютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Предположимъ, что я чувствую прикосновеніе къ моей рукѣ; прикосновеніе вызываетъ ощущеніе; распознованіе породившаго ощущеніе предмета есть мысль. Когда я чувствую прикосновеніе, я чувствую, и больше ничего, насколько это касается самого ощущенія; но если отъ ощущенія я перейду къ вызвавшему его предмету, я восприму этотъ предметъ, а воспріятіе это есть мысль. Воспріятіе это означаетъ, что какъ Познающій, я сознаю связь между собой и предметомъ, насколько послѣдній произвелъ извѣстное ощущеніе въ моемъ „Я". Это однако еще не все, потому что я испытываю и другія ощущенія отъ цвѣта, формы, мягкости, теплоты, строенія ткани и эти ощущенія передаются мнѣ, какъ Познающему, при помощи воспоминанія объ аналогичныхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ ранѣе, т. е. сравнивая прежніе образы съ образомъ прикасающагося къ моей рукѣ предмета, я заключаю о природѣ этого предмета.

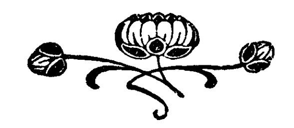
Въ этомъ воспріятіи вещей, пробуждающихъ въ насъ извѣстное чувство, лежитъ зародышъ мысли; выражаясь метафизически, воспріятіе того, что „Не—Я", какъ причины извѣстныхъ ощущеній

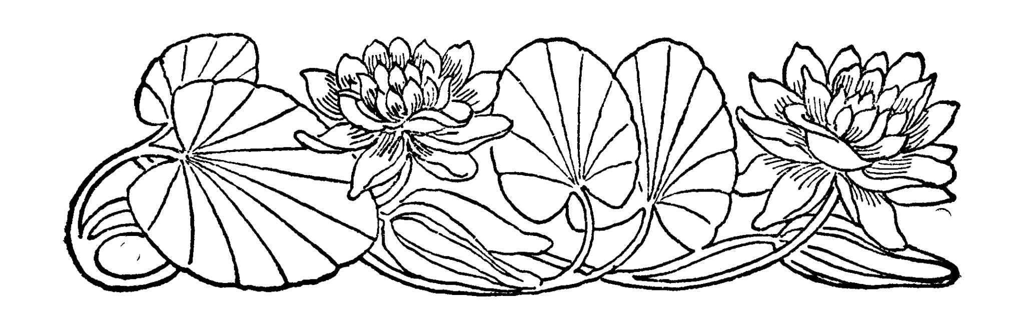
въ моемъ „Я“—есть начало Познаванія. Одно чувство, если бы можно было ограничиться имъ, не могло бы дать намъ сознанія „Не-Я“; оно пробудило бы только чувство удовольствія или страданія въ нашемъ „Я“, сознаніе расширенія или сжиманія. Никакая высшая эволюція не была бы возможна, если бы человѣкъ не былъ способенъ къ чему-либо бо̀льшему, чѣмъ одно только чувство; только когда онъ начинаетъ различать предметы, какъ причины удовольствія или страданія,—возникаетъ его развитіе. Отъ установившагося сознательнаго отношенія между „Я“ и „Не-Я“ зависитъ вся будущая эволюція, и эта эволюція будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ увеличеніи количества этихъ отношеній, въ ихъ растущей сложности и все большей точности со стороны Познающаго. Познающій начинаетъ раскрываться тогда, когда пробуждающееся сознаніе, испытывая удовольствіе или страданіе, обращаетъ свой взглядъ на внѣшній міръ и говоритъ: „этотъ предметъ доставилъ мнѣ удовольствіе, а тотъ—страданіе“.

Большое количество ощущеній должно быть испытано прежде, чѣмъ „Я“ вообще будетъ въ состояніи отвѣчать на нихъ извнѣ. Затѣмъ настанетъ темное, смутное исканіе удовольствій, возникающее изъ желанія „Я“ испытать повтореніе испытаннаго удовольствія. Это хорошій примѣръ того факта, что не существуетъ ни абсолютно чистой мысли, ни абсолютно чистаго ощущенія, ибо „желаніе повторить удовольствіе“ свидѣтельствуетъ о томъ, что картина испытаннаго удовольствія сохранилась—хотя бы слабо, въ сознаніи, а это ужъ память и принадлежитъ къ области мысли. Въ теченіе долгаго времени на половину пробужденное „Я“ мечется отъ одного предмета къ другому, слѣпо ударяясь о „Не-Я“, не руководствуясь въ этихъ движеніяхъ никакимъ сознательнымъ направленіемъ и испытывая при этомъ удовольствіе и страданіе, не понимая причины того и другого. И только послѣ долгаго опыта вышеупомянутое воспріятіе становится возможнымъ и тогда возникаетъ связь между Познающимъ и познаваемымъ.

Пер. **Н. Т.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

О человѣческой аурѣ.

Д-ра Р. Штейнера.

Одно изреченіе Гете, въ тонкой формѣ выясняющее отношеніе человѣка къ міру, гласитъ: „мы совершенно напрасно стараемся выразить сущность той или другой вещи. Мы воспринимаемъ лишь ея дѣйствія, и полная исторія этихъ дѣйствій обнимаетъ всю суть вещей. Тщетно стараемся мы описать характеръ того или другого человѣка; но стоитъ лишь соединить всѣ его поступки и всѣ его дѣйствія, какъ передъ нами появится вся картина его подлиннаго характера. Краски суть дѣйствія свѣта, его дѣйствія и страданія... Хотя цвѣтъ и свѣтъ и стоятъ въ совершенно опредѣленномъ отношеніи одинъ къ другому, но мы должны мыслить ихъ какъ принадлежность всей природы; ибо вся природа въ цѣломъ стремится съ помощью того и другого открыться нашему чувству зрѣнія. Точно такъ же природа раскрывается и для другихъ чувствъ... Такъ говоритъ природа и *другимъ чувствамъ, извѣстнымъ, непризнаннымъ, и неизвѣстнымъ*; *) такъ говоритъ она и сама съ собой, и съ нами посредствомъ тысячи явленій. *Для внимательнаго* она не бываетъ ни мертвой, ни нѣмой".

Чтобы понять все значеніе сказаннаго, нужно представить себѣ до чего иначе чѣмъ намъ, долженъ представляться міръ низшимъ существамъ, которыя состоятъ всѣ изъ одного чувства осязанія, распространеннаго на всю поверхность ихъ тѣла. Для нихъ свѣтъ, цвѣтъ и звукъ не могутъ существовать въ томъ смыслѣ, какъ для существъ, одаренныхъ зрѣніемъ и слухомъ.

---

*) Очевидно, Гете говоритъ здѣсь о тѣхъ атрофированныхъ чувствахъ, которыя были у человѣка прежде и теперь не признаются наукой, а также о будущихъ органахъ болѣе тонкихъ чувствъ, которыя еще разовьются у человѣка.

Прим. перев.

Колебанія воздуха, произведенныя ружейнымъ выстрѣломъ, могутъ оказать и на нихъ свое вліяніе, если они встрѣтятся на пути этихъ колебаній. Но для того, чтобы эти воздушныя колебанія обнаружились какъ звукъ выстрѣла, для этого необходимо ухо. И чтобы извѣстныя явленія въ тонкой матеріи, называемой эфиромъ, проявились, какъ свѣтъ и цвѣтъ, для этого необходимъ глазъ. Именно въ этомъ смыслѣ нужно читать положенія философа Лотце: „Безъ воспринимающаго свѣтъ глаза и безъ воспринимающаго звукъ уха весь міръ былъ бы теменъ и нѣмъ.

Свѣтъ и звукъ были бы въ немъ также невозможны, какъ невозможна зубная боль безъ воспринимающаго боль зубного нерва".

Поэтъ Робертъ Хамерлингъ говоритъ въ своей философской книгѣ „Atomistik des Willens" по этому же поводу слѣдующее: „Если тебѣ это, любезный читатель, непонятно и твой разумъ становится передъ такой дѣйствительностью на дыбы, какъ испуганная лошадь, не читай далѣе ни одной строки: оставь всѣ книги, въ которыхъ встрѣчается философія, ибо у тебя не хватаетъ способности воспринимать смѣло и безъ предубѣжденія".

Съ внутренней необходимостью слѣдуетъ изъ этого положенія выводъ, который такъ прекрасно выразилъ Гете: „Глазъ обязанъ своимъ существованіемъ свѣту. Изъ безразличныхъ животныхъ вспомогательныхъ органовъ свѣтъ вызываетъ къ жизни органъ, уподобляющійся ему; такъ образуется глазъ черезъ свѣтъ для свѣта, чтобы внутренній свѣтъ шелъ внѣшнему свѣту на встрѣчу." Смыслъ этого изреченія въ томъ, что внѣшнія явленія, которыя человѣкъ съ помощью глаза воспринимаетъ какъ свѣтъ, существовали бы и безъ глаза, но послѣдній создаетъ изъ нихъ *ощущеніе свѣта*. Въ виду этого, человѣку не слѣдовало бы никогда говорить, что существуетъ лишь то, что онъ можетъ воспринимать; онъ долженъ признать, что изъ всего существующаго, онъ можетъ воспринимать лишь то, для чего у него есть органы, и такимъ образомъ съ каждымъ новымъ органомъ міръ долженъ раскрывать передъ нимъ новыя и новыя стороны своей сути. Превосходно говоритъ по этому поводу естествоиспытатель Тиндаль: „Дѣйствіе свѣта въ животномъ царствѣ есть, повидимому, такое же измѣненіе въ химическомъ составѣ, какое мы наблюдаемъ въ листьяхъ растенія. Постепенно это дѣйствіе сосредоточивается въ отдѣльныхъ пигментныхъ клѣткахъ, которыя оказались чувствительнѣе для свѣта, чѣмъ окружающая ткань. *Возникаетъ глазъ*. Вначалѣ онъ способенъ различать свѣтъ и тѣнь лишь

въ наиболѣе близкихъ предметахъ, такъ какъ прекращеніе свѣта слѣдуетъ почти всегда за прикосновеніемъ непрозрачнаго тѣла; изъ этого можно заключить, что зрѣніе соединилось вначалѣ съ общимъ чувствомъ осязанія. Приспособленіе идетъ далѣе у высшихъ животныхъ. Въ верхней части пигментной клѣтки образуется незначительное утолщеніе; начинаетъ образовываться хрусталикъ и, путемъ безконечнаго множества приспособленій, зрѣніе достигаетъ той остроты, которая подъ конецъ поднимается до совершенства соколинаго и орлинаго глаза. Тоже самое и съ другими чувствами". Изъ этого слѣдуетъ, что все то, что міръ раскрываетъ для насъ путемъ нашего воспріятія, зависитъ отъ органовъ чувствъ, которые развились въ насъ. Несомнѣнно, что человѣкъ не воспринимаетъ многаго изъ окружающихъ его явленій потому, что у него не хватаетъ органовъ для такого воспріятія. Люди, которые признаютъ за дѣйствительность лишь то, что они въ состояніи воспринять своими органами чувствъ, напоминаютъ тѣхъ низшихъ животныхъ, которыя вздумали бы отрицать краски и звуки потому, что они неспособны воспринимать ихъ.

Но и помимо того, каждому человѣку извѣстенъ *дѣйствительный* міръ, который не подлежитъ воспріятію его физическихъ чувствъ. Это его собственный внутренній міръ; его чувства и стремленія, его страсти и мысли вполнѣ дѣйствительны. Онѣ живутъ въ немъ. Но никакое ухо не можетъ ихъ слышать, и никакой глазъ не можетъ ихъ видѣть. Онѣ для другого „темны и нѣмы", какъ, по выраженію Лотце, „безъ свѣта воспринимающаго глаза и безъ звука воспринимающаго уха весь міръ былъ бы теменъ и нѣмъ". И міръ этотъ перестаетъ быть темнымъ и нѣмымъ, какъ только появляются воспринимающіе глаза и уши. И только то существо можетъ знать, что изъ темнаго нѣмого міра возникаетъ міръ красокъ и звуковъ, которое въ состояніи при помощи глазъ и ушей—пережить явленія этого міра. Рѣшающимъ является лишь непосредственный опытъ.

Имѣетъ ли право тотъ, кто неспособенъ воспринимать несомнѣнно существующій міръ другого человѣка—утверждать, что воспріятіе этого міра вообще невозможно? Кто способенъ понять все выше изложенное, тотъ никогда не сдѣлаетъ этого. Онъ принужденъ будетъ сказать себѣ: „Возможно ли это, или нѣтъ, объ этомъ могутъ знать лишь тѣ, которые способны на такое воспріятіе, а не тѣ, которые на это неспособны. Ибо лишь одаренные зрѣніемъ, а не безглазыя существа могутъ судить о дѣйствительности міра красокъ".

Къ этой мысли должна присоединиться слѣдующая, которую Хамерлингъ блестяще выражаетъ въ такихъ словахъ: „*Нашъ чувственный міръ есть міръ дѣйствій.* Дѣйствующее въ каждомъ существѣ вызываетъ въ другихъ представленіе подобно тому, какъ прикосновеніе къ струнѣ вызываетъ звукъ. Каждое существо играетъ, какъ на арфѣ, на чужихъ струнахъ и въ тоже время является арфой для чужихъ пальцевъ".

И совершенно такъ же, какъ внѣшняя природа „безразличные вспомогательные органы" преобразуетъ, по словамъ Гете, въ глаза, такъ же возможно для человѣка выработать въ себѣ органы, посредствомъ которыхъ чувства, стремленія, инстинкты, страсти, мысли и т. д. преобразятся въ *міръ дѣйствій*; подобно тому, какъ воздушныя колебанія, пройдя черезъ ухо, превращаются въ ощущеніе звука, а колебанія эфира, пройдя черезъ глазъ, въ ощущеніе свѣта. О путяхъ, по которымъ душа должна направляться, чтобы развить такія чувства, мы говорили въ другомъ мѣстѣ; *) здѣсь же мы будемъ говорить лишь о воспріятіяхъ „духовныхъ чувствъ".

Что только часть человѣка видна физическому глазу, это ясно и безъ объясненій. Это—та часть, которую обозначаютъ какъ физическое тѣло. Тѣло это состоитъ изъ тѣхъ же составныхъ частей, изъ какихъ состоятъ и всѣ остальныя тѣла въ природѣ. И въ немъ дѣйствуютъ тѣ же физическія и химическія силы, которыя дѣйствуютъ и въ минералахъ. Изъ этого каждый мыслящій человѣкъ увидитъ, что, исходя изъ такого матеріала и изъ его явленій, нельзя объяснить душевной жизни человѣка. Естествоиспытатель Дюбуа-Реймондъ высказывается объ этомъ такъ: „При поверхностномъ наблюденіи кажется, что знаніе матеріальныхъ процессовъ въ мозгу *можетъ* объяснить духовные процессы человѣка; къ послѣднимъ я причисляю память, ассоціаціи представленій, результаты упражненій, опредѣленные таланты и т. д. Но даже небольшого размышленія достаточно, чтобы убѣдиться насколько это невѣрно; только относительно нѣкоторыхъ условій духовной жизни, совпадающихъ съ внѣшними условіями, можемъ мы нѣчто узнать такимъ путемъ, но никакъ не объ осуществленіи духовной жизни путемъ этихъ условій. Какое отношеніе суще-

---

*) Въ рядѣ статей, которыя были помѣщены въ „Вѣстникѣ Теософіи" въ 1908 и 1909 годахъ, подъ названіемъ „Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ". Статьи эти, съ прибавленіемъ новой главы и біографическаго очерка д-ра Штейнера, выйдутъ въ скоромъ времени отдѣльной книгой подъ названіемъ „Путь къ посвященію" или „Какъ достигнуть познанія высшихъ міровъ". Прим. Ред.

ствуетъ между движеніями атомовъ въ моемъ мозгу съ одной стороны, а съ другой стороны основными, не поддающимися дальнѣйшему опредѣленію, неоспоримыми фактами, что я чувствую боль, чувствую удовольствіе, вкушаю сладкое, обоняю ароматъ розы, слышу звуки органа, вижу красное и отсюда убѣждаюсь, что я существую? Навсегда непонятнымъ останется, почему для извѣстнаго числа углеродистыхъ, водородистыхъ, азотныхъ и кислородныхъ атомовъ можетъ имѣть значеніе *какимъ* образомъ они расположены и *какъ* они двигаются, какъ они располагались и какъ двигались въ прошломъ, и какъ они будутъ располагаться въ будущемъ".—Несомнѣнно, что Дюбуа-Реймондъ неправъ въ своихъ выводахъ, но самый фактъ подмѣченъ вѣрно. *) Нужно ясно понимать, *что* лежитъ въ основѣ такихъ умозаключеній. Естествоиспытатель пользуется для своихъ изслѣдованій физическими чувствами. И хотя онъ увеличиваетъ ихъ силу посредствомъ инструментовъ, связываетъ обнаруженныя физическими чувствами явленія своимъ разумомъ и устанавливаетъ ихъ количественныя соотношенія, тѣмъ не менѣе, *основой* для всѣхъ его выводовъ является внѣшнее чувственное наблюденіе. А между тѣмъ, такое наблюденіе достаточно только въ мірѣ матеріи, да и въ этомъ мірѣ, какъ только дѣло идетъ о неуловимо малыхъ величинахъ, оно дополняется гипотезами; но оно совершенно недостаточно тамъ, гдѣ проявляется душевная или духовная жизнь. Сущность словъ Дюбуа-Реймонда состоитъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ матеріальный процессъ переходитъ въ духовный, наблюденіе съ помощью внѣшнихъ чувствъ неизбѣжно прекращается. Какимъ образомъ располагаются и двигаются углеродные, кислородные и т. д. атомы, можно легко себѣ представить по аналогіи съ видимыми матеріальными процессами. Но, какъ я чувствую страданіе и какъ я чувствую радость, „этого физическими чувствами уловить нельзя." Для этого необходима *высшая способность воспріятія*; такъ же, какъ для глаза появится необходимость въ высшей способности воспріятія, какъ только міръ осязательныхъ ощущеній низшаго животнаго долженъ будетъ пополниться міромъ красокъ.

И для такой высшей способности воспріятія существуетъ переходъ отъ физическихъ процессовъ къ „неоспоримымъ фактамъ, что я чувствую боль, чувствую удовольствіе, обоняю ароматъ розы" и т. д.; такой же переходъ, какъ отъ движенія катящагося по билліардной доскѣ костяного шара къ состоянію дру-

*) Ср. съ книгой Штейнера „Welt-und Lebensanshauungen im 19 Jahrhundert" Berlin, II Banb. 5. 78).

гого шара, переведеннаго благодаря столкновенію съ первымъ изъ покоя въ движеніе. Относительно этой высшей способности воспріятія физическое тѣло человѣка является лишь средней частью болѣе обширнаго тѣла, въ которое оно окутано какъ въ облако.

И такъ же, какъ эфирныя колебанія, высылаемыя физическимъ тѣломъ, воспринимаются физическимъ глазомъ какъ его краски, также воспринимаетъ и духовный глазъ чувства, наклонности, страсти и представленія, которыя столь же „неоспоримые факты“, какъ и движеніе углерода, водорода и т. п. въ мозгу.

Путемъ особаго процесса превращенія, который будетъ выясненъ ниже, внутренній міръ человѣка является для „духовнаго зрѣнія“ такимъ же міромъ красочныхъ впечатлѣній, какимъ физическіе процессы тѣла являются для физическаго глаза. Видимые для „духовнаго зрѣнія“ различные цвѣта, которые излучаются вокругъ физическаго человѣка и окружаютъ его подобно облаку (приблизительно яйцевидной формы), называются *человѣческой аурой.* Послѣдняя принадлежитъ къ человѣческой сущности такъ же, какъ и физическое тѣло. У различныхъ людей величина этой ауры различна, но все же—въ среднемъ—можно съ достовѣрностью сказать, что *весь* человѣкъ вдвое длиннѣе и вчетверо шире, чѣмъ физическій.

Въ этой аурѣ переливаются самые разнообразные цвѣтовые оттѣнки, и это переливаніе представляетъ собою вѣрную картину внутренней человѣческой жизни. Отдѣльные цвѣтовые оттѣнки также измѣнчивы, какъ эта внутренняя жизнь. Но постоянныя свойства человѣка, какъ: таланты, привычки, особенности характера, выражаются въ болѣе или менѣе неподвижныхъ основныхъ тонахъ.

Сильно различается аура людей различныхъ темпераментовъ и различныхъ наклонностей; а также стоящихъ на различныхъ ступеняхъ духовнаго развитія. Совершенно иная аура у человѣка, придающагося животнымъ страстямъ, и у человѣка сильно живущаго умомъ. Существенно отличается аура религіозно настроеннаго человѣка отъ ауры, живущаго мелкими интересами повседневной жизни. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ мѣняющіяся настроенія, всѣ наклонности, всѣ радости и страданія ясно отражаются въ аурѣ. Чтобы понять все значеніе цвѣтовыхъ оттѣнковъ, нужно сравнить ауры, принадлежащія различнымъ человѣческимъ типамъ. Возьмемъ прежде всего людей, отличающихся сильно выраженными аффектами. Ихъ можно раздѣлить на два различные вида: на такихъ, у которыхъ эти аффекты вызываются

преимущественно животными инстинктами, и на такихъ, у которыхъ они принимаютъ утонченную форму, у которыхъ мысль сильно вліяетъ на аффекты. У первой категоріи, въ опредѣленныхъ мѣстахъ ауры проносятся коричневатые и коричнево-красные цвѣтовые потоки. У второй категоріи, отличающейся болѣе утонченными аффектами, выступаютъ на тѣхъ же мѣстахъ оттѣнки болѣе свѣтлаго, краснаго и зеленаго цвѣта. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что съ ростомъ интеллекта зеленые тона появляются все чаще. Очень умные люди, но ищущіе удовлетворенія своимъ животнымъ инстинктамъ, имѣютъ много зеленыхъ тоновъ въ своей аурѣ, но на этомъ зеленомъ замѣчаются болѣе или менѣе сильные налеты коричневыхъ и коричнево-красноватыхъ оттѣнковъ. У неинтеллигентныхъ людей большая часть ауры имѣетъ видъ коричнево-красныхъ и даже кроваво-темно-красныхъ потоковъ.

Существенно отличается аура спокойныхъ разсчетливыхъ, наклонныхъ къ размышленію людей. Въ ихъ аурѣ коричневатые и красные тона отступаютъ, а различные оттѣнки зеленаго выступаютъ впередъ.

У людей съ привычкой мыслить, аура представляетъ собой пріятный зеленый основной тонъ; такой же видъ имѣетъ она у людей, про которыхъ можно сказать, что они сумѣютъ найтись въ каждомъ жизненномъ положеніи.

Голубые оттѣнки выступаютъ у преданныхъ натуръ. Здѣсь я долженъ замѣтить, что наблюденія на этомъ полѣ только еще начинаются, и въ нихъ могутъ вкрасться неточности. Но вѣдь то же самое существуетъ и при изслѣдованіяхъ на физическомъ полѣ, какъ это хорошо знаютъ ученые.

Предлагаю читателямъ сравнить мои наблюденія съ изложенными въ книгѣ Ледбитера: *„Man visible and invisible“*. Чѣмъ болѣе человѣкъ жертвуетъ собой и становится сверхличнымъ, тѣмъ болѣе появляется въ его аурѣ голубыхъ оттѣнковъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ двѣ категоріи людей. Есть натуры съ слабой способностью мышленія, пассивныя души, которымъ не сотворить ничего новаго, которыя даютъ міру только свою „добрую душу“. Ихъ аура свѣтится прекраснымъ голубымъ цвѣтомъ. Такая же аура и у набожныхъ, религіозныхъ натуръ, и у сострадательныхъ душъ, отличающихся дѣлами милосердія. Если у такихъ людей кромѣ того и развитой интеллектъ, въ ихъ аурѣ перемежаются зеленые и голубые потоки, или же голубой цвѣтъ принимаетъ зеленоватый оттѣнокъ. Тѣмъ собственно и отличаются активныя души отъ пассивныхъ, что въ ихъ аурѣ голубой цвѣтъ прони-

кается изнутри идущими свѣтлыми цвѣтовыми оттѣнками. Изобрѣтательныя натуры, у которыхъ много плодотворныхъ мыслей, отличаются излученіемъ какъ бы изъ одной опредѣленной точки различныхъ свѣтлыхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Вообще, все указывающее на духовную активность, выражается болѣе всего лучами, которые распространяются изнутри, тогда какъ все, имѣющее животное происхожденіе, принимаетъ форму неправильныхъ облаковъ, носящихся внутри ауры.

Смотря по тому, чему служатъ представленія, исходящія изъ активной души: собственному эгоизму и своимъ животнымъ инстинктамъ, или же идеальнымъ сверхличнымъ интересамъ, сообразно этому окрашиваются и различныя очертанія въ его аурѣ. Изобрѣтатель, который всѣ свои желанія направляетъ на удовлетвореніе своихъ страстей, имѣетъ темные красно-синіе оттѣнки, тогда какъ безкорыстный изобрѣтатель отличается свѣтлыми красно-голубыми оттѣнками. Жизнь въ духѣ, соединенная съ благороднымъ самоотверженіемъ, вызываетъ розовую или свѣтло-фіолетовую окраску.

Но не только основной строй души и преходящія впечатлѣнія, настроенія, и другія внутреннія переживанія имѣютъ свои цвѣтовыя волны въ аурѣ. Внезапный взрывъ сильнаго гнѣва вызываетъ красныя волны; оскорбленное чувство внезапно потрясенной чести проявляется въ темно-зеленыхъ облакахъ.

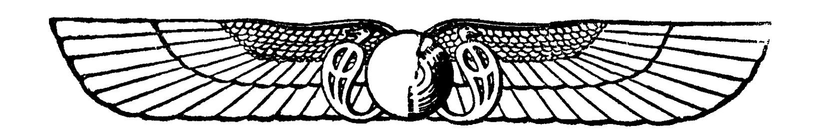
Но цвѣтовыя явленія выражаются не только въ неопредѣленныхъ облачныхъ образованіяхъ, а и въ правильно очерченныхъ образахъ. Напр., припадокъ страха выражается въ аурѣ въ видѣ волнистыхъ полосъ голубоватаго цвѣта, пронизаннаго красноватымъ блескомъ.

У человѣка, съ напряженіемъ ожидающаго какого-либо событія, можно увидать красновато-голубыя полосы, исходящія изъ одной точки и устремляющіяся по радіусамъ ауры.

Для развитого духовнаго воспріятія каждое мимолетное впечатлѣніе, получаемое человѣкомъ извнѣ, отражается въ его аурѣ. У людей съ сильной возбудимостью, замѣчается постоянное вспыхиваніе маленькихъ красноватыхъ точекъ и пятенъ въ аурѣ. У людей, возбуждающихся менѣе сильно, пятна эти получаютъ оранжевый или даже желтый оттѣнокъ. Аура „разсѣянныхъ“ людей обнаруживаетъ голубоватыя пятна болѣе или менѣе мѣняющихся очертаній.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Перев. Е. П.

Іога-Сутра.

Патанджали.

(Переводъ Двиведи—съ санскритскаго, переводъ съ англійскаго

С. Татариновой).

*(Продолженіе *).*

I. *Предварительная Іога заключается въ умерщвленіи плоти, въ проникновенномъ ученіи и въ покорности Ишварѣ.*

Въ первой главѣ говорилось о Самадхи и его отличительныхъ чертахъ. Этотъ же отдѣлъ предназначается для тѣхъ, кто не въ состояніи его достигнуть. Здѣсь говорится о правилахъ, которымъ должны слѣдовать ученики, и потому этотъ отдѣлъ называютъ Кріяіогой или предварительной Іогой **).

Подъ умерщвленіемъ плоти разумѣются всѣ посты, покаянія, обряды и пр., о которыхъ говорится въ Дхарма-Шастрахъ. Въ ученіе входитъ повтореніе пранавы, или какой-нибудь священной мантры, о чемъ была уже рѣчь раньше (аф. XXVIII, отд. I), а также постоянное проникновенное чтеніе книгъ религіознаго содержанія. О покорности Ишварѣ было подробно изложено въ XXIII аф. (отд. I). Все это вмѣстѣ взятое и составляетъ предварительную часть Іоги.

II. *Чтобы достигнуть Самадхи требуется постоянное упражненіе въ предварительной Іогѣ, а также погашеніе всего, что ведетъ къ разсѣянію.*

Здѣсь описывается значеніе предварительной Іоги; она ведетъ ученика къ Самадхи, сперва ослабляя причины, отвлекающія умъ, а затѣмъ окончательно уничтожая ихъ.

---

*) См. „Вѣсникъ Теософіи“ 1911 г. № 9 стр. 23.

**) Выраженіе практическая Іога ведетъ къ недоразумѣніямъ и потому не употребляется серьезными мыслителями.

III. *Причинъ разсѣянія пять, а именно: невѣжество, ощущеніе бытія, желаніе, отвращеніе и привязанность.*

Всѣмъ будетъ дано опредѣленіе.

IV. *Невѣжество есть источникъ всего, что перечисляется далѣе, будетъ ли оно въ состояніи скрытомъ, ослабленномъ, подавленномъ или вполнѣ проявившемся.*

Хотя причинъ разсѣянія пять, но всѣ онѣ имѣютъ источникомъ невѣжество, поэтому оно и есть настоящее великое разсѣяніе. Всякое разсѣяніе—зло. Разсѣяніе, т. е. причины его бываютъ, какъ здѣсь и говорится, четырехъ родовъ. Оно можетъ быть въ скрытомъ состояніи, т. е. не развившимся за недостаткомъ подходящихъ условій, какъ это бываетъ у тѣхъ, которые описаны подъ именемъ Videha и Praktilaya (аф. XXX отд. I). Ученики этого типа еще не освободились и потому не имѣютъ права на названіе „мукта" (освободившіеся). Разсѣяніе ослаблено у тѣхъ, кто упражняется въ предварительной Іогѣ. Сила разсѣянія доведена у нихъ до крайняго минимума и поэтому оно рѣдко мѣшаетъ имъ. Подавленнымъ или наоборотъ проявленнымъ—разсѣяніе является у тѣхъ, кто ведетъ обычный образъ жизни. Эти термины имѣютъ значеніе лишь относительное, потому что разсѣяніе подавлено, т. е. временно задержано, когда возникаетъ противоположный импульсъ и наоборотъ. Примѣромъ можетъ служить человѣкъ, разгнѣванный на любимый имъ предметъ. Сперва царила любовь, но она подавляется, когда мѣсто ея заступаетъ гнѣвъ. Тѣ, у кого разсѣяніе доведено до нуля, подходятъ къ состоянію Самадхи, и не надо забывать, что всѣ виды разсѣянія должны быть доведены до нуля, прежде чѣмъ можно мечтать о Самадхи. Предохранительная Іога очень помогаетъ этому.

V. *Невѣжество состоитъ въ отождествленіи не вѣчнаго, не чистаго, дурнаго и не—атма съ вѣчнымъ, чистымъ, благимъ и атмой.*

Кратко опредѣлить невѣжество можно такъ: невѣжество заключается въ томъ, что считаешь предметъ не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Однако, надо замѣтить, что это не означаетъ простое отсутствіе знанія, какъ это выражаетъ слово Авидія (не-вѣдѣніе). Невѣжество есть положительное состояніе ума, при которомъ предметъ принимается не за то, что онъ есть. Это не есть одно изъ орудій знанія и не отсутствіе ихъ, но нѣчто совершенно отличное отъ того и другого. Когда отсутствуетъ Авидія, тогда орудія знанія, предметы познанія и всѣ подобныя

разсѣянія сводятся на нѣтъ и возникаетъ одно единое полное знаніе и блаженство. Отсюда ясно, что невѣжество не есть ни одно изъ орудій знанія, ни что-либо отличное отъ нихъ; это въ сущности есть то, посредствомъ чего начальное единое проявляется трояко, какъ познающее, познаваемое и орудіе познанія.

VI. *Ощущеніе бытія—есть отождествленіе силы познающей съ ея орудіемъ.*

Хорошо извѣстно, что основной источникъ знанія, истинный зритель,—это сокровенный Пуруша. Когда орудія, съ помощью которыхъ видитъ Пуруша, умъ или чувства, посредствомъ которыхъ работаетъ умъ, отождествляются съ Пурушей, и все представляется какъ бы слившимся въ одно, то процессъ этотъ именуется „ощущеніемъ Бытія". Когда, въ силу невѣжества, внутреннее „я", такъ сказать, отождествляется съ внѣшними предметами, тогда и является это чувство, причина всякаго страданія и разсѣянія. Это будетъ вполнѣ выяснено въ афоризмахъ XVII—XXIII.

VII. *То, что мысленно пребываетъ въ наслажденіи—есть желаніе.*

VIII. *То, что мысленно пребываетъ въ страданіи—есть отвращеніе.*

Смыслъ этихъ двухъ афоризмовъ ясенъ.

IX. *Сильное желаніе жизни, проявляющееся даже въ ученомъ, и постоянно поддерживаемое собственной силой, составляетъ привязанность.*

Дѣйствительно желаніе жить является причиной всѣхъ видовъ привязанности и истинной причиной, лежащей въ основѣ всей скорби міра. Это чувство присуще всѣмъ, начиная съ низшаго червяка и кончая высшимъ мудрецомъ; отъ него не свободна даже, такъ-называемая, безжизненная природа. Оно не внѣдряется въ творенія посредствомъ воспитанія или примѣра, оно врожденное, и ребенокъ настолько же имъ исполненъ, насколько и дряхлый старикъ. Изъ этого мы заключаемъ, что всякое существо рождается съ этимъ чувствомъ, составляющимъ плодъ опыта прежней жизни и служащимъ косвеннымъ доказательствомъ этой прежней жизни. Такимъ образомъ потокъ этого „желанія жить" имѣетъ начало въ вѣчности. Поэтому и сказано, что оно всегда поддерживается своей собственной силой. Желаніе жить рождаетъ страхъ въ тысячѣ различныхъ видахъ; оно прекрасно характеризуется популярными мистическими писателями въ образѣ „охранителя порога", врача всѣхъ жаждущихъ сокровеннаго знанія.

Пять видовъ разсѣянія носятъ и другія имена. Невѣжество (авидія) называется иначе мракомъ (тамасъ); это признаніе душой того, что не есть душа, т. е. пяти: танматры, магатъ, аханкара и авіакта. Второй видъ—эгоизмъ (асмита) именуется заблужденіемъ (мога); это отождествленіе самой личности Іога съ той формой, которую онъ принимаетъ вслѣдствіе обладанія тайными силами (сиддіа), каковы атомистическая, эфирная и пр. Третій—желаніе (рагга) именуется великимъ заблужденіемъ (магамока); это есть погруженіе личности въ высшія наслажденія, для испытанія тончайшихъ чувственныхъ наслажденій черезъ слухъ, вкусъ и пр. Четвертый—отвращеніе (двеза) именуется затменіемъ (тамисра), потому что это великое отвращеніе ко всему, что является препятствіемъ на пути полнаго наслажденія исатвой, властью надъ *всѣмъ*. Послѣдній видъ—привязанность (абхинивеза) именуется ослѣпленіемъ (андхатамисра)—это страхъ потерять пріобрѣтенныя способности. Это краткое описаніе показываетъ, что даже по достиженіи величайшихъ оккультныхъ силъ, пять видовъ разсѣянности не вполнѣ оставляютъ Іога, и онъ все еще далекъ отъ истинной мокши (свободы).

X. *Тончайшія должны быть преодолѣны противоположными имъ.*

Описавъ природу разсѣяній, авторъ указываетъ путь къ ихъ преодолѣнію. Они дѣлятся на два вида—тонкія и грубыя. Первыя тѣ, которыя существуютъ въ скрытомъ состояніи, въ формѣ впечатлѣній; вторыя-же явно вліяютъ на умъ. Первыя могутъ быть вполнѣ уничтожены только черезъ достиженіе полнаго господства надъ тѣмъ, что ихъ поддерживаетъ, т. е. надъ мысленнымъ началомъ. Въ текстѣ указывается путь. Тончайшія разсѣянія должны быть преодолѣны противоположнымъ имъ потокомъ, и если они находятся въ состояніи зачаточномъ, то ничѣмъ инымъ, какъ погруженіемъ ума въ чистый смыслъ существованія, въ корень бытія.

XI. *Ихъ видоизмѣненія должны быть уничтожены углубленнымъ размышленіемъ* (медитаціей).

Другіе виды разсѣянія,—грубые—видны по ихъ результатамъ, т. е. по измѣненіямъ мыслящаго начала. Они уничтожаются медитаціей (отд. I) и упражненіями, указанными въ началѣ этого отдѣла.

XII. *Впечатлѣнія отъ дѣйствій имѣютъ свои корни въ разсѣяніяхъ и испытываются въ видимомъ или невидимомъ.*

Описавъ разсѣяніе и способъ ихъ устраненія, остается показать, почему они называются разсѣяніемъ. Они именуются раз-

сѣяніемъ, причиной несчастія, потому что всѣ Кармы происходятъ отъ нихъ и ведутъ къ счастью или несчастью. Кармы или дѣйствія, т. е. причины, руководящія положеніемъ въ мірѣ существъ, не имѣютъ начала и продолжаются тѣмъ, что мы называемъ впечатлѣніями, оставленными прежними кармами. Эти впечатлѣнія зрѣютъ, чтобы принести хорошій или дурной плодъ, когда наступитъ ихъ время. Результатъ Кармы ощущается или въ видимомъ, т. е. въ этой жизни, или въ невидимомъ, т. е. въ будущихъ перевоплощеніяхъ, въ зависимости отъ сдѣланнаго усилія. Необходимо, однако, помнить, что для тѣхъ, кто совершенно уничтожилъ разсѣяніе, не предстоитъ новаго перевоплощенія; ибо кармы имѣютъ корни въ разсѣяніяхъ; если же ихъ нѣтъ, то и кармы становятся безплодными. Всякая Карма приноситъ плоды не тотчасъ, и одна Карма не слѣдуетъ за другой; таинственный законъ дѣйствуетъ неисповѣдимыми путями и тѣ части составныхъ Кармъ, которыя созрѣли, даютъ плоды при благопріятныхъ условіяхъ. Раздѣленіе Кармъ на санчита, прарабдха, кріямака, согласно ученію Адваитовъ, очень важно для объясненія (хотя бы и приблизительнаго) дѣйствія этого таинственнаго закона законовъ *).

XIII. *Разъ здѣсь находится корень, плодомъ его является классъ, жизнь и опытъ.*

Корень означаетъ корень въ формѣ разсѣянія. Если онъ есть, отъ него неминуемо произойдетъ Карма ихъ, т. е. Кармы. Результатъ или плодъ Кармы будетъ состоять изъ трехъ данныхъ, двухъ или одного: класса, жизни, опыта. Слово классъ не передаетъ вполнѣ смыслъ слова Жати, которое обозначаетъ общественные сословія, классъ, происхожденіе или то, что называется общественнымъ положеніемъ. Впрочемъ смыслъ ясенъ. Достиженіе опредѣленнаго положенія является результатомъ Кармы, какъ и продолжительность или краткость жизни, и благопріятность или неблагопріятность жизненныхъ опытовъ. Поэтому результаты Кармы трояки.

XIV. *Плодомъ ихъ является наслажденіе или страданіе, смотря по тому, что послужило ихъ причиной, добродѣтель или порокъ.*

Ихъ, т. е. класса, жизни и опыта. Смыслъ ясенъ.

XV. *Для просвѣтленнаго есть несчастіе, въ силу послѣдствій, безпокойства и впечатлѣній, такъ же, какъ и вслѣдствіе сопротивленія дѣйствію качествъ.*

---

*) См. мою статью Монизмъ или Адваитизмъ? Отдѣлъ Карма.

Для „просвѣтленнаго“, т. е. для того, кто достигъ нѣкотораго успѣха въ Іогѣ, и потому пріобрѣлъ ту острую интуицію, которая способна сразу отличать вѣчное отъ иллюзіи, „*Все*“, т. е. всякая вещь конкретная или абстрактная, не только полна несчастій,—она сама по себѣ несчастіе. Совершенно такъ же, какъ глазное яблоко не можетъ выносить прикосновенія тончайшей шерстяной нити, которую другія части тѣла даже не ощущаютъ, такъ и утонченный умъ не выноситъ соприкосновенія со всѣмъ мірскимъ. Для него все—страданіе и несчастіе, хотя болѣе грубая часть человѣчества и не замѣчаетъ этого.

Указывается на четыре причины страданія міра. Первая—послѣдствія. Даже когда было испытано нѣчто хорошее, дурное или безразличное, самый опытъ вызываетъ желаніе новаго опыта, что при возможности его невыполненія ведетъ къ тревогѣ, разочарованію и несчастію. Вторая—тревога. Стремленіе удержать предметъ любви и наслажденія и защитить ихъ отъ всякихъ внѣшнихъ осложненій безконечно сильно. Третья—впечатлѣніе. Всякій опытъ оставляетъ за собой впечатлѣніе, которое, хотя на время скрытое и слабое, со временемъ, навѣрное проснется въ полной силѣ и создастъ желаніе наслажденія; а это послѣднее, будетъ ли оно удовлетворено или нѣтъ, навѣрное поведетъ къ страданію, какъ это было указано выше. Кромѣ этихъ трехъ есть еще одна важная причина: это природное противодѣйствіе, которое существуетъ между особыми дѣйствіями каждаго изъ этихъ трехъ свойствъ. Результатомъ покоя являются удовольствіе и счастье; результатомъ мятежности являются отвращеніе и несчастье, грубости—заблужденіе. Едва ли существуетъ нѣчто, не состоящее изъ этихъ трехъ свойствъ, такъ какъ нѣтъ ничего, что не служило бы источникомъ удовольствія, страданія или заблужденія у разныхъ лицъ, или вызывало бы ихъ всѣхъ три у одного лица.

Поэтому просвѣтленный долженъ взирать на все, какъ на несчастье, и освободиться отъ всякаго прикосновенія.

XVI. *То несчастье, которое еще не случилось, должно быть предотвращено.*

„Предотвратить“ не есть точное выраженіе санскритскаго слова heya, которое означаетъ и предотвратить, и самую возможность предотвращенія. Предотвращено можетъ и должно быть то несчастье, которое еще не наступило. То, что испытывается, уже не можетъ быть отвращено, такъ какъ оно уже наступило. Какъ въ терапевтикѣ главное вниманіе сосредоточивается на четырехъ вопросахъ,—болѣзни, ея причинѣ, выздоровленіи и его

причинѣ, такъ и здѣсь нужно разслѣдовать, что нужно предотвратить—причину заболѣванія, освобожденія а также пути и средства для этого. Въ этомъ порядкѣ и начинается разсмотрѣніе этого вопроса въ слѣдующемъ афоризмѣ.

XVII. *Причина того, что должно быть предотвращено, есть сліяніе взирающаго съ видимымъ.*

Зритель—это Пуруша, а видимое все, что мы можемъ видѣть съ помощью зрѣнія, такъ же, какъ и орудіе, посредствомъ котораго оно видимо, т. е. буддхи, результатъ саттвы. Буддхи или творческій разумъ очень близокъ къ Пурушѣ и дѣйствуетъ посредствомъ его, хотя и не совсѣмъ черезъ него. Ложное соединеніе ихъ, въ силу того впечатлѣнія, что они составляютъ одно, и есть то сліяніе, о которомъ говорится въ афоризмѣ. Это является причиной всякаго несчастья. Доказательство можетъ быть распространено отъ интеллекта и на чувства, а отсюда и на познаваемые предметы и на пракрити, корень всего. Это выясняетъ мысль, что отождествленіе зрителя съ видимымъ есть причина всякаго несчастья. Полное блаженство заключено въ Пурушѣ и исходитъ изъ него, зрителя вѣчно чистаго и свободнаго; несчастье проистекаетъ отъ смѣшенія Пуруши съ предметами, которые не суть Пуруша.

XVIII. *Зримое, состоя изъ элементовъ и органовъ, подлежитъ просвѣтленію, дѣйствію и положенію, и полезно постольку, поскольку оно касается опыта и освобожденія.*

Необходимо хорошо помнить, что по ученію Санкхіа весь міръ создался путемъ эволюціи, и поэтому все является прямымъ или косвеннымъ видоизмѣненіемъ первоначальной пракрити, которая опять-таки нисколько не разнится отъ того, „въ чемъ три свойства находятся въ равновѣсіи „Trigunasamyavastha“. Три гуны—Саттва, Раджасъ и Тамасъ, ведутъ соотвѣтственно къ просвѣтленію, дѣйствію и простому положенію или пребыванію въ состояніи непросвѣтленія. Эти три являются причиной всего, что мы видимъ, и весь міръ ничто иное, какъ видоизмѣненіе ихъ и существуетъ въ томъ или другомъ изъ этихъ трехъ состояній. Поэтому афоризмъ правильно замѣчаетъ, что все зримое является по своей природѣ просвѣтленіемъ, дѣйствіемъ и положеніемъ. Система эволюціи санкхіа хорошо извѣстна, поэтому въ афоризмѣ и сказано прямо, что все зримое (видимое) состоитъ, т. е. существуетъ, въ видѣ пяти грубыхъ элементовъ вмѣстѣ съ танматрами и одиннадцатью органами, внутренними и внѣшними, а также и съ буддхи и Аханкарой. Вся эта эволюція первоначальной суб-

станціи въ разныхъ ея видахъ и троякомъ состояніи помогаетъ нашему конечному освобожденію полнымъ опытомъ наслажденій и страданій, сопровождающихъ все, что соединено съ эволюціей. Надо помнить, что *Онъ*, т. е. истинный знающій, не заключается въ этомъ всемъ и поэтому онъ познаетъ себя на основаніи своего собственнаго знанія. Весь этотъ рядъ измѣненій пракрити, совершается ради Пуруши, и поэтому они суть пути къ извѣстной цѣли. Ибо когда Пуруша познается, тотчасъ прекращается дѣйствіе пракрити. Поэтому въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что эволюція совершается ради него, какъ настойчиво заявляетъ Санкхіа.

XIX. *Стадіи гунъ бываютъ опредѣленныя, неопредѣленныя, растворимыя и нерастворимыя.*

Смыслъ этого афоризма будетъ ясенъ, если его читать вмѣстѣ съ аф. XIV, отд I. Четыре степени описаны тамъ, подъ именемъ грубыхъ, тонкихъ, разумныхъ и нерастворимыхъ.

XX. *Зритель есть чистое познаніе (gnosis), но хотя и чистый, онъ представляется смотрящимъ черезъ умъ.*

Зритель, т. е. Пуруша, есть полное знаніе (gnosis) или то, что составляетъ неописуемую причину и сущность сознанія. Онъ не подлежитъ процессу эволюціи и никогда не смѣшивается съ видоизмѣняющейся частью природы, съ ея нераздѣльной половиной— пракрити. Поэтому онъ чистъ. Но все же, тѣмъ не менѣе, тутъ происходитъ работа зрѣнія, пониманія, и поэтому объясняется, какъ Пуруша, будучи вѣчно чистымъ, все же кажется познающимъ черезъ умъ, который, по своей близости къ нему, заимствуетъ искру жизни и производитъ всѣ дѣйствія, связанныя съ процессомъ познанія. Черезъ умъ Пуруша является какъ бы смотрящимъ на міръ, хотя въ сущности онъ никогда не смотритъ и не дѣлаетъ ничего. Онъ единый и вѣчно блаженный.

XXI. *Сущность зрѣнія предназначается ему.*

Слово атма, находящееся въ оригиналѣ, гдѣ афоризмъ гласитъ „атма зрѣнія предназначается ему“, послужило поводомъ ко многимъ недоразумѣніямъ, несмотря на разъясненія почти всѣхъ комментаторовъ, что оно означаетъ Сварупа или его сущность. Слово сущность выражаетъ мысль почти вполнѣ.

Если все видимое, т. е. пракрити и ея видимые образы представляются какъ бы существующими, то это происходитъ не съ какой-нибудь присущей ей цѣлью или по присущей ей причинѣ, а, такъ сказать, для того, чтобы проявить себя Пурушѣ или душѣ, которая хотя и всегда заключается въ ней, но не составляетъ ея части и не есть причина, приводящая ее въ дѣйствіе. Философія

санкхіа прекрасно иллюстрируетъ примѣрами это дѣйствіе пракрити ради Пуруши и только для него.

Подобно тому, какъ молоко, не ощущая себя течетъ въ извѣстномъ смыслѣ съ помощью теленка и для него, такимъ же образомъ пракрити работаетъ черезъ Пурушу и для него, зрителя вѣчно свободнаго и блаженнаго. Если бы не было Пуруши, не было бы и пракрити. О пользѣ послѣдней для Пуруши уже было упомянуто въ аф. XVIII.

XXII. *Хотя пракрити и уничтожена у того, кто выполнилъ свое назначеніе, она все же еще не погибаетъ, потому что она присуща и другимъ, кромѣ него.*

Доказательство предыдущаго афоризма здѣсь логически доведено до конца. Санкхіа считаетъ, что хотя пракрити, или неодушевленная природа, одна, но Пурушъ, изъ-за которыхъ и для которыхъ она существуетъ—много. Отсюда ясно, что хотя дѣйствіе пракрити и прекращается на Пуруши, которыя стали способны познать себя, но, вліяніе ея на остальныя Пуруши должно продолжаться. Слово *она* въ афоризмѣ относится къ видимому, къ пракрити (матерія). Этотъ афоризмъ служитъ отвѣтомъ на то возраженіе, что освобожденіе одной души предполагаетъ освобожденіе всѣхъ, и отсюда происходитъ будто бы полное уничтоженіе пракрити или природы, которая вѣчна и неразрушима.

XXIII. *Сліяніе есть причина самопознанія силы ея, а также и ея владыки.*

Сліяніе зрителя и зримаго, отъ котораго предостерегалъ аф. XVII, тутъ опредѣляется точно. Изъ афоризмовъ XVI и XXII явствуетъ, что Пуруша—зритель и пракрити—зримое отъ вѣка нераздѣльно связаны между собой. Эта связь, являющаяся причиной всякаго опыта, будетъ онъ пріятнымъ или нѣтъ, есть въ то же время причина, заставляющая Пурушу познавать себя самое, т. е. достигнуть состоянія мокша. То же самое говорится и въ афоризмѣ въ особыхъ выраженіяхъ іоги-сутры. Сила ея, т. е. зримаго или пракрити, заключается въ томъ, что хотя она и мертва, но кажется живой и производитъ разные опыты. Сила ея владыки, т. е. зрителя или Пуруши, черезъ кого, отъ кого и для кого она и существуетъ, заключается въ чистомъ знаніи (гнозисѣ) и блаженствѣ. Отъ соединенія пракрити съ Пурушей, начинающейся въ безконечности, зависитъ существованіе пракрити и самопознаніе Пуруши или другими словами опытъ и освобожденіе. Тотъ, кто постигаетъ сущность этого соединенія и такимъ образомъ осуществляетъ свою (т. е. Пуруши) истинную сущ-

ность—освобождается. Поэтому то и предостерегаютъ отъ этого соединенія, какъ отъ зла, ведущаго къ ложному знанію.

XXIV. *Причина его—невѣжество.*

Его, т. е. соединенія зрителя и зримаго. Невѣжество опредѣляется въ аф. V.

XXV. *Нарушеніе связи черезъ уничтоженіе невѣжества—это то, къ чему надо стремиться; это Кайваліа Зрителя.*

Нарушеніе связи не можетъ быть матеріальнымъ разрывомъ, какъ это явствуетъ изъ аф. XXIII. Когда невѣжество разрушено настоящимъ знаніемъ, то слѣдствіемъ этого является истинное знаніе, ведущее къ истинному распознаванію. Оно заключается въ пониманіи всего въ его истинномъ свѣтѣ; въ пониманіи того, что гуны не имѣютъ никакого отношенія къ Пурушѣ-Зрителю, вѣчно свободному и блаженному. Только въ силу этой связи свободная отъ вѣка душа считаетъ себя связанной и несчастной, и разъ причина этой связи будетъ разрушена настоящимъ знаніемъ, душа непремѣнно познаетъ себя. Вѣчно свободная и блаженная природа души именуется Кайваліа,—разобщеніемъ, состояніемъ не ограниченнымъ никакими условіями. Это и будетъ Мокша, высшее и конечное освобожденіе.

XXVI. *Способы нарушенія (связи) заключаются въ постоянномъ распознаваніи.*

Распознаваніе уже было опредѣлено въ предыдущемъ афоризмѣ; можно прибавить, что когда достигается истинное распознаваніе, всѣ чувства углубляются въ себя и ничего не воспринимаютъ, кромѣ внутренней души, истинной сущности всего. Распознаваніе будетъ безполезно, если оно будетъ проявляться лишь по временамъ; оно должно стать опредѣленной, постоянной, живой привычкой, не прекращающейся ни на одно мгновеніе. Это упражненіе въ распознаваніи и есть способъ уничтожить невѣжество, причина связи (съ зримымъ), ведущей къ разнымъ опытамъ.

XXVII. *Просвѣтленіе, являющееся послѣдней стадіей, происходитъ въ немъ въ семи видахъ.*

Въ немъ, т. е. у того, въ комъ произошло просвѣтленіе, описанное въ аф. XVII. Это просвѣтленіе и есть послѣдняя ступень Іоги, ибо это есть условіе истиннаго Самадхи (или Вриттинородха). Семь ступеней указаны въ порядкѣ приближенія къ желаемой цѣли, которая является послѣдней ступенью. Онѣ раздѣлены на двѣ группы изъ четырехъ и трехъ; первыя относятся ко всему объективному, остальныя къ субъективному: 1) Я по-

зналъ все, что должно знать, и мнѣ не остается болѣе ничего познать. 2) Я освободилъ себя отъ всевозможныхъ узъ. 3) Достигнувъ Кайваліа, я достигъ всего, и мнѣ не остается достигать ничего другого. 4) Я выполнилъ свой долгъ вполнѣ. 5) Умъ мой спокоенъ. 6) Всѣ гуны отпали, подобно камнямъ съ горной вершины, куда они никогда уже не поднимутся. 7) Свободный отъ гунъ „я есмь то, что я есмь", вѣчно свободный и блаженный.

Вотъ тѣ семь ступеней, которыя описаны съ небольшими варіантами въ разныхъ видахъ и выраженіяхъ, различными комментаторами. Смыслъ же ихъ ясенъ, ибо каждая изъ этихъ ступеней заключаетъ въ себѣ полное прекращеніе каждаго соотвѣтствующаго ей состоянія ума, а именно: 1) стремленія къ знанію 2) желанія свободы; 3) желанія блаженства; 4) желанія выполнить свой долгъ; 5) скорбь; 6) страхъ и 7) сомнѣніе.

XXVIII. *Путемъ упражненія во всемъ, что относится къ Іогѣ (возникаетъ) черезъ уничтоженіе нечистоты просвѣтленія, ведущаго къ распознаванію.*

Этотъ афоризмъ указываетъ путь къ просвѣтленію, ведущему къ распознаванію, посредствомъ уничтоженія нечистоты, т. е. причинъ разсѣянія.

XXIX. *Воздержаніе, соблюденіе правилъ, положеніе тѣла, управленіе дыханіемъ, отвлеченное мышленіе, созерцаніе, углубленіе, трансъ—суть восемь состояній, сопровождающихъ Іогу.*

Все это будетъ объяснено далѣе, а также указано и на дѣленіе этихъ состояній на внутреннія и внѣшнія. Они переименованы въ порядкѣ ихъ значенія и необходимой послѣдовательности.

XXX. *Воздержаніе заключается въ воздержаніи отъ убійства, лжи, кражи, невоздержанности и корысти.*

Воздержаніе означаетъ такую власть надъ умомъ, тѣломъ и рѣчью, которая даетъ возможность ученику не впасть въ одно изъ выше указанныхъ заблужденій. Первое и самое важное изъ нихъ—убійство. Трудно передать однимъ словомъ значеніе слова Химза, и я перевожу его убійствомъ за неимѣніемъ лучшаго термина. Оно означаетъ желаніе зла кому-нибудь словомъ, дѣломъ или помышленіемъ, и воздержаніе отъ такого рода убійства—первое, что строго требуется. Сюда очевидно включается и требованіе воздерживаться отъ мясной пищи, такъ какъ таковую нельзя достать безъ прямой или косвенной химза, какого-нибудь рода. Избѣжаніе мясной пищи усиленно рекомендуется еще и потому, что она вызываетъ въ человѣкѣ ростъ животной его при-

роды до полнаго затменія или даже уничтоженія интуиціи и духовности. Чтобы быть всегда съ природой, а не противъ природы, пребывать въ любовномъ единеніи съ нею, и запрещается убійство.

Слѣдующее требованіе заключается въ воздержаніи отъ лжи, т. е. выраженія того, чего мы не знаемъ или не считаемъ за истинное положеніе вещей. Слово воровство, заключаетъ въ себѣ кромѣ беззаконнаго присвоенія себѣ чужого, также и всякую мысль о подобномъ пріобрѣтеніи. Точно также невоздержаніе,— четвертая опасность на пути къ цѣли, заключаетъ въ себѣ кромѣ физическаго наслажденія, даже похотливые разговоры, взгляды или мысли о существѣ другого пола.

Послѣдняя — корысть,— заключается не только въ желаніи получить больше необходимаго, но также и въ сохраненіи у себя чего-либо сверхъ необходимаго для жизни.

Извѣстно, что нѣкоторые, практикующіеся въ Іогѣ подвижники доводили это требованіе до того, что даже не принимали ничего отъ другихъ.

XXXI. *Соблюденіе всего этого безъ различія класса, мѣста, времени и пользы, называется великимъ обѣтомъ, такъ какъ такіе обѣты всеобщи.*

Нѣкоторые начинаютъ упражняться въ воздержаніи въ узкомъ смыслѣ этого слова, напримѣръ, когда рѣшаютъ, что не будутъ убивать коровы или человѣка, или же будутъ воздерживаться отъ произнесеніи лжи въ нѣкоторые дни и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, или не будутъ совершать такихъ то поступковъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ польза, т. е. когда цѣль оправдываетъ средства. Всѣ такіе частные обѣты нехороши: истинно велики и хороши только тѣ, которые соблюдаются всегда безъ всякаго отношенія къ классу, мѣсту, времени или видимой пользы.

XXXII. *Соблюденіе правилъ заключается въ чистотѣ, довольствѣ, умерщвленіи плоти, изученіи Св. писанія и покорности Ишварѣ.*

Описанныя ранѣе требованія носятъ характеръ отрицательный или не-совершенія; тѣ, о которыхъ говорится здѣсь—положительны и подлежатъ выполненію. Чистота требуется одинаково, какъ для тѣла, такъ и для ума; послѣдняя заключается въ любви ко всѣмъ и въ душевномъ спокойствіи. Довольство—это удовлетвореніе своей долей въ жизни. Остальныя три были описаны въ началѣ этого отдѣла.

XXXIII. *Когда умъ затемненъ неподходящими мыслями, необходимо все время останавливаться на противоположныхъ мысляхъ.*

Bhojavritti не ясно излагаетъ этотъ афоризмъ. Поэтому здѣсь приводится толкованіе Bhasya и Maniprabhâ. Если какая-нибудь изъ десяти указанныхъ обязанностей или всѣ онѣ при yama (воздержаніи) и niyama (соблюденіи) не выполняются вполнѣ изъ-за неподходящихъ мыслей, то лучшій способъ избѣгнуть этого, это размышлять о противоположныхъ имъ мысляхъ. Напримѣръ, если воздержаніе отъ убійства нарушается желаніемъ убить, то мѣшающій элементъ можетъ быть устраненъ мыслью о противоположномъ, т. е. о любви, которою долженъ обладать истинный іогъ, и отсутствіе которой ведетъ лишь къ безконечному несчастью. То же и по отношенію ко всему остальному. Правило, изложенное здѣсь, имѣетъ громадное практическое значеніе для начинающихъ.

XXXIV. *Неподходящія мысли суть: убійство и пр., при чемъ безразлично думаемъ мы о совершенномъ злѣ или о томъ, что служитъ причиной его, или мысленно оправдываемъ его, возникаютъ ли такія мысли вслѣдствіе корыстолюбія, гнѣва или обмана, будутъ ли онѣ слабы, умѣренны или сильны,—всегда онѣ ведутъ къ безконечному страданію и невѣжеству. Отсюда и вытекаетъ необходимость останавливаться на мысляхъ противоположныхъ (opposites).*

Этотъ афоризмъ подчеркиваетъ смыслъ предыдущаго. Неподходящими мыслями, какъ уже было сказано, будутъ убійство и пр., т. е. десять вещей противоположны тѣмъ, которыя предписываются намъ. Каждая изъ нихъ можетъ быть въ 27-ми видахъ, смотря по своей сущности, причинѣ и степени; увеличивая эти подраздѣленія, можно довести ихъ до безконечности. Въ обыденной жизни мы видимъ, какъ каждое изъ этихъ золъ дѣлаетъ свое дѣло тысячами различныхъ способовъ. Но главная цѣль подраздѣленія—показать, что всѣ дѣйствія, прямыя или косвенныя, истекающія изъ себялюбія или чувства мщенія, понимаемъ или нѣтъ ихъ значеніе,—всѣ будутъ неподходящими, и плодомъ ихъ будетъ лишь безконечное несчастье и невѣжество. Думать объ этихъ послѣдствіяхъ—тоже своего рода размышленіе о противоположномъ, и въ немъ тоже надо упражняться. Главной цѣлью такого размышленія должно быть укрѣпленіе привычки мыслить объ „оппозитахъ“ (противоположныхъ) неподходящихъ мыслей, т. е. о воздержаніи отъ убійства и пр.

XXXV. *Если будетъ достигнуто твердое воздержаніе отъ убійства, оно повлечетъ за собой прекращеніе всякаго враждебнаго чувства въ присутствіи такого человѣка* (достигшаго полнаго воздержанія).

Воздержаніе, о которомъ здѣсь упоминается, есть не только отрицательное состояніе неубиванія, но положительное чувство любви ко всему, какъ это было объяснено въ аф. XXX. Если кто прочно усвоитъ себѣ эту привычку, то даже врожденная антипатія будетъ сдерживаться въ его присутствіи; никто не можетъ ему повредить или нанести оскорбленіе. Всѣ существа: люди, животныя, птицы приближаются къ нему безъ страха и безбоязненно остаются въ его обществѣ.

XXXVI. *Если укоренится правдивость, явятся и послѣдствія отъ плодовъ поступковъ* (*у того, кто пріобрѣлъ эту добродѣтель*).

Когда человѣкъ достигаетъ полной и непоколебимой правдивости, всѣ мысли и слова его становятся дѣйственными. Того, чего другіе достигаютъ дѣлами и большими жертвами, такой человѣкъ достигаетъ просто мыслью или словомъ.

XXXVII. *Кто окрѣпъ въ воздержаніи отъ кражи, къ тому приблизятся всѣ сокровища.*

Кто отказался отъ себялюбія и поэтому отъ желанія неправеднаго пріобрѣтенія, будетъ на каждомъ шагу встрѣчаться съ богатствомъ, не ища его.

XXXVIII. *Сила достигается укрѣпленіемъ въ цѣломудріи.*

Это хорошо извѣстный физіологическій законъ, что сѣмя находится въ большой связи съ интеллектомъ, и, прибавимъ мы, съ духовной стороной человѣка. Воздержаніе отъ расходованія этого важнаго элемента, даетъ въ результатѣ силу, истинную оккультную силу. Не было примѣра, серьезнаго успѣха въ Іогѣ безъ соблюденія этого правила, какъ существеннаго предварительнаго условія.

XXXIX. *Когда укрѣпится воздержаніе отъ корысти, возникаетъ знаніе причинъ и цѣлей жизни.*

Когда уничтожено всякое желаніе, когда ученикъ отказался даже отъ послѣдняго, тончайшаго и непреодолимаго желанія жить, тогда возникаетъ знаніе причинъ и цѣли существованія.

XL. *Отъ чистоты происходитъ чувство отвращенія къ собственному тѣлу и къ сношенію съ другими тѣлами.*

Здѣсь говорится о внѣшней или физической чистотѣ. Объ умственной или внутренней будетъ рѣчь въ слѣдующемъ афо-

ризмѣ. Тотъ, кто постигъ чистоту, естественно взираетъ съ отвращеніемъ на свое собственное тѣло, полное нечистоты, и поэтому не ощущаетъ желанія соприкасаться съ другими тѣлами.

XLI. *Кромѣ того (появляются) ясная пассивность *), пріятное настроеніе, сила вниманія, власть надъ всѣми чувствами и способность единенія съ душой.*

Перечисленные результаты являются слѣдствіемъ (ментальной) чистоты. Смыслъ ясенъ.

XLII. *Высшее счастье происходитъ отъ довольства **).*

XLIII. *Слѣдствіемъ умерщвленія плоти, послѣ уничтоженія нечистоты, являются оккультныя силы въ тѣлѣ и чувствахъ.*

Хорошо извѣстно, что внутреннее чувство развивается соотвѣтственно умерщвленію плоти; для этого во всѣхъ религіяхъ примѣняются различные, болѣе или менѣе строгіе методы. Оккультныя силы (тѣла и чувствъ), о которыхъ говорится здѣсь, состоятъ въ томъ, что обыкновенно называется ясновидѣніемъ, левитаціей (подъемъ на воздухъ силою воли) и пр. Эти свойства хотя и служатъ началомъ и признакомъ истинной силы (Yogabala), тѣмъ не менѣе не составляютъ истинной цѣли.

XLIV. *Путемъ изученія ***) достигается единеніе съ Божествомъ.*

Постоянное молчаливое и набожное повтореніе нѣкоторыхъ формулъ считается дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы установить родъ медіумическаго сношенія съ высшими духами природы (элементами) и пробудить внутреннее зрѣніе.

XLV. *Беззавѣтной отдачей себя Ишварѣ достигается Самадхи.*

Смыслъ будетъ ясенъ, если мы вникнемъ въ значеніе словъ „подчиненіе Ишварѣ“.

XLVI. *Положеніе тѣла должно быть устойчивое и спокойное.*

Описавъ Yam'у и Niyam'у, два необходимыхъ условія Іоги, предстоитъ описать и третье Asano'у или положеніе тѣла.

Хотя въ разныхъ книгахъ и указаны разные способы, какъ держаться во время упражненій въ Іогѣ, самое общее и болѣе

---

*) Пассивность употребляется здѣсь въ смыслѣ полной готовности нести все, что будетъ послано и открытіе себя вліянію свыше безъ примѣси какихъ бы то ни было личныхъ стремленій. *Прим. ред.*

**) Довольство своей судьбой и отсутствіемъ всякихъ личныхъ желаній. *Прим. ред.*

***) Изученіе Св. Писаній и поученій подвижниковъ. *Прим. ред.*

подходящее опредѣленіе этого положенія будетъ то, что оно должно быть устойчивымъ и не причинять болѣзненнаго ощущенія, все равно въ какомъ видѣ.

XLVII. *Мягкимъ* *) *усиліемъ и размышленіемъ о безконечномъ.*

Этотъ афоризмъ слѣдуетъ понимать, какъ часть предыдущаго. Устойчивое и удобное положеніе тѣла достигается умѣреннымъ усиліемъ и размышленіемъ о безконечномъ. Всякое чрезмѣрное усиліе, сдѣланное, чтобы принять то или другое положеніе, вызываетъ боль, и поэтому не будетъ устойчивымъ. Медленнымъ и умѣреннымъ усиліемъ можно пріобрѣсти привычку ко всякому положенію тѣла, и принять требуемую позу будетъ легко, какъ только подумаешь о ней, а также легко будетъ остаться въ ней долгое время. Послѣ того, что принято какое-нибудь положеніе, хорошо мысленно отрѣшиться отъ всякаго положенія и остановить мысль на безконечномъ, напр., на Ишварѣ или, какъ рекомендуется въ нѣкоторыхъ спискахъ, на Анантѣ, обозначающемъ большого змѣя, на которомъ держится земля **) и пр. Эти условія сдѣлаютъ положеніе тѣла совершенно безболѣзненнымъ.

XLVIII. *Тогда уже не будетъ натиска противоположностей (оппозитовъ).*

Пары противоположностей (оппозиты) это: жаръ и холодъ, наслажденіе и страданіе, любовь и скорбь и т. д., входящіе въ составъ всего нашего жизненнаго опыта. Когда мы вполнѣ овладѣемъ положеніемъ тѣла, мы уже не ощущаемъ дѣйствія противуположностей. Необходимо вполнѣ овладѣть имъ, прежде чѣмъ идти далѣе.

XLIX. *Когда это достигнуто, должна слѣдовать пранаяма или прекращеніе неправильныхъ вдыханій и выдыханій.*

Пранаяма состоитъ въ прекращеніи естественнаго хода дыханія, т. е. вдыханій и выдыханій.

L. *Она можетъ быть внѣшняя, внутренняя и устойчивая; опредѣляется мѣстомъ, временемъ и числомъ; продолжительная и краткая.*

Пранаяма бываетъ четырехъ родовъ. Три изъ нихъ описываются здѣсь, а четвертый въ слѣдующемъ афоризмѣ. Когда воздухъ выдыхается или, выражаясь технически, выдѣляется, тогда

---

*) Т. е. безъ ощущаемаго напряженія. *Прим. ред.*

**) Символъ Господа Вседержителя. *Прим. ред.*

это будетъ *речака* или первая пранаяма. Когда онъ вдыхается— это вторая, именуемая *пурака*. Когда же дыханіе задержано вполнѣ—это третья, *кумбнака*. Каждая изъ нихъ регулируется мѣстомъ, временемъ и пр. Подъ мѣстомъ разумѣется пребываніе внутри или внѣ тѣла его, и продолжительность вздоха во время самаго акта дыханія. Время—это продолжительность каждаго изъ этихъ трехъ видовъ дыханія; оно измѣряется обыкновенно матрой, мѣрою, соотвѣтствующею почти нашей секундѣ. Когда всѣ три вида пранаямы соединены въ одномъ актѣ, то время измѣняется, какъ 1, 4, 2. Числа обозначаютъ число сдѣланныхъ пранаямъ. Это упражненіе пробуждаетъ извѣстную силу, называемую Кундалини. Эта сила—источникъ всѣхъ оккультныхъ силъ. Пранаяма бываетъ продолжительная или краткая, смотря по тому, сколько времени длится упражненіе *).

LI. *Четвертая относится и къ внутренней и къ внѣшней.*

LII. *Тогда исчезаетъ сокрытіе свѣта.*

Подъ свѣтомъ тутъ разумѣется свѣтъ чистой пассивности, совпадающій со свѣтомъ души, вѣчно свободной и блаженной. Сокрытіе—это міръ явленій, являющійся результатомъ Кармы. Упражненіемъ въ пранаямѣ **) это сокрытіе устраняется и постигается сразу и навѣки истинная природа души.

LIII. *Умъ становится способнымъ къ поглощенію.*

Умъ становится способнымъ быть вполнѣ поглощеннымъ предметомъ размышленія (дхарана). Пранаяма открываетъ путь къ этой ступени ***), но прежде чѣмъ описать ее, авторъ описываетъ пратіахару или абстракцію, немедленно слѣдующую за ней.

LIV. *Абстракція есть, такъ сказать, подражаніе посредствомъ чувствъ мыслящему началу, путемъ отвлеченія ихъ отъ предметовъ ихъ воспріятія.*

Абстракція состоитъ въ томъ, что чувства вполнѣ претворяются или контролируются умомъ. Ихъ нужно отвести отъ предметовъ ихъ воспріятія и, направивъ на умъ, претворить ихъ въ немъ такъ, что когда устраняются всякія измѣненія мыслящаго

---

*) Хотя Пранаяма широко распространена на Востокѣ, гдѣ наслѣдственность и весь строй жизни являются благопріятными условіями, тѣмъ не менѣе и тамъ постоянно даются указанія, что приступать къ упражненіямъ дыханія можно лишь послѣ предварительнаго нравственнаго очищенія и подъ руководствомъ знающаго гуру. *Прим. ред.*

**) Если ей предшествовала глубокая работа духа, полное нравственное очищеніе.

***) Idem.

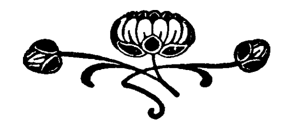
начала и чувства, то они слѣдуютъ за умомъ и немедленно подчиняются ему Послѣ этого они готовы будутъ во всякую минуту совокупно придти на помощь углубленному размышленію (медитаціи).

LV. *За этимъ слѣдуетъ полнѣйшая власть надъ своими чувствами.*

Въ аф. LIV намекается на то, какова эта власть. Выгоды, являющіяся результатомъ такой власти для Іога слишкомъ очевидны, чтобы требовались разъясненія.

Пер. **С. Т.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

То, что спокойно, легко удержать; что еще не появилось, легко предупредить; нѣжное легко сломать; мелкое легко разсѣять.

Дѣлай, пока еще легко дѣлать.

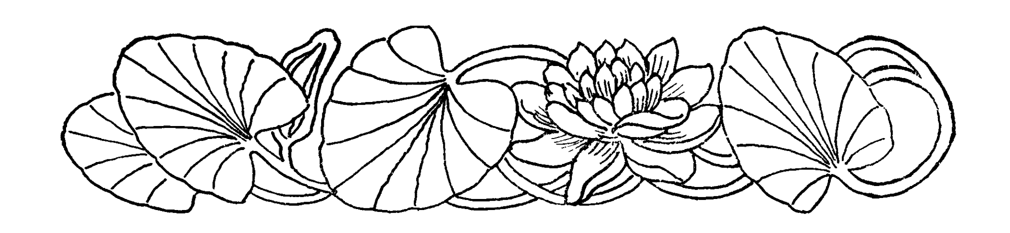
Успокаивай, пока еще не возмутилось.

Когда высшіе ученые узнаютъ о Тао, они старательно исполняютъ его.

Когда средніе ученые узнаютъ о Тао, они то соблюдаютъ, то теряютъ его.

Когда низшіе ученые узнаютъ о Тао, они смѣются надъ нимъ. Если бы они не смѣялись надъ нимъ, оно бы не заслуживало имени Тао.

(Изреченія Китайск. Мудр. Лао-Тзе).

Гермесъ Трисмегистъ.

*(Продолженіе *).*

Священное Слово Гермеса (Ἑρμοῦ λόγος ἱερός).

Во славу всего сущаго, Бога, божественности и природы божественной. Начало бытія—Богъ, Разумъ, природа и вещество. Мудрость являетъ вселенную, божественность же есть ея начало, природа, сила (ἐνέργεια), необходимость, конецъ и возобновленіе.

Былъ мракъ безпредѣльный надъ бездной, и вода, и духъ тонкій и разумный, содержимые въ хаосѣ божественной мощью. Тогда заструился свѣтъ святой, и подъ прахомъ стихіи вышли изъ влажнаго естества, и всѣ Боги прояснили плодоносную природу. Вселенная была въ смятеніи и неустройствѣ, и вознеслись легкія стихіи, а болѣе тяжелыя легли основою подъ влажнымъ прахомъ, и было все раздѣлено огнемъ и чаяло вознесенія въ духѣ. И небо явилось въ семи кругахъ, и проявились Боги подъ видомъ свѣтилъ со всѣми ихъ свойствами, и сочтены были свѣтила съ Богами, сущими въ нихъ. И воздухъ окуталъ внѣшній кругъ, несомый въ круговомъ теченіи своемъ божественнымъ духомъ. Каждый Богъ, сообразно мощи своей, свершилъ дѣяніе, ему предначертанное. И звѣри четвероногіе родились, и гады, и звѣри водные, и звѣри крылатые, и всякое зерно плодоносное, и трава, и зелень всякаго цвѣтка, въ себѣ несущаго сѣмя произрожденія.

И посѣяли они также племена людскія, да познаютъ божественныя дѣянія и свидѣтельствуютъ о силахъ природы; и множество людей, да владычествуютъ надо всѣмъ, что подъ небомъ, и познаютъ благо, да возрастаютъ въ великости и умножаются во множествѣ; и всякую душу, облеченную плотью теченіемъ круговыхъ Боговъ, да созерцаетъ небо, теченіе небесныхъ Боговъ, божественныя дѣянія и силы природы, и да различаетъ блага, да увидитъ божественное могущество, да на-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г. № 9, стр. 19.

учится различать добро и зло, и откроетъ всѣ полезныя искусства. Ихъ жизнь и ихъ мудрость изначала направлены ходомъ круговыхъ Боговъ и тамъ же приходятъ къ разрѣшенію.

И будутъ великіе и памятные труды на землѣ, оставляющіе разрушеніе въ обновленіи временъ. И всякій родъ одушевленной плоти и плодоваго зерна и всѣ дѣла тлѣна возобновляемы будутъ необходимостью и обновленіемъ Боговъ и періодическимъ и правильнымъ ходомъ природы. Ибо божественнность—строй міра и его природное возобновленіе, и природа установлена въ божественности.

Гермесъ къ Тату. Кратеръ*) или Монада (Ἑρμοῦ πρὸς Τάτ; ὁ Κρατὴρ ἢ Μονάς).

Гермесъ. Строитель міръ построилъ не рукотворно, но словомъ Своимъ. Нужно Его представлять себѣ, какъ вездѣ и всегда сущаго, какъ начинателя всего, какъ одного и единаго, тварей создавшаго волей Своею. Тѣло Его ни ощутимо, ни зримо, ни измѣримо, ни протяженно, ни подобно какому либо иному тѣлу. Онъ—ни огонь, ни вода, ни воздухъ, ни духъ, но все отъ него исходитъ. Будучи благъ, Онъ восхотѣлъ создать міръ для себя и украсить землю. Украшеніемъ божественнаго тѣла поставилъ Онъ человѣка, душу безсмертную и смертную. Человѣкъ преобладаетъ надъ животными разсудкомъ и разумомъ; онъ рожденъ для созерцанія дѣяній Бога, восхищенія ими и познанія Творца. Богъ распредѣлилъ всѣмъ людямъ разсудокъ, но не разумъ, не потому, что инымъ позавидовалъ, ибо чужда Ему зависть, она рождается въ душахъ людей неразумныхъ.

Татъ. Почему же, о отецъ, не распредѣлилъ Богъ разума всѣмъ?

Г. Онъ хотѣлъ, о сынъ мой, поставить его среди душъ, какъ цѣль для достиженія.

Т. И гдѣ Онъ поставилъ его?

Г. Онъ наполнилъ имъ великій кратеръ и вручилъ его посланцу, повелѣвая ему такъ взывать къ сердцамъ людей: „Креститесь, если мо-

---

*) Въ буквальномъ значеніи—Чаша, сосудъ въ которомъ смѣшивалось древними вино съ водою. Чаша разума гдѣ, погружаясь душа принимаетъ крещеніе, есть образъ заимствованный изъ орфическихъ посвященій, подобный крещенію и возрожденію въ духѣ христіанства, у греческихъ писателей часто встрѣчаются упоминанія мистическихъ обрядовъ: Платонъ говоритъ о кратерѣ, въ которомъ Богъ смѣшалъ стихіи міра; преданіе объ Эмпедоклѣ, погрузившемся въ кратеръ Этны—вѣроятно метафора въ томъ же родѣ. Можно также сдѣлать сопоставленіе со словами Еванг. Іоанна: кто будетъ пить воду которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣки; та вода, которую Я дамъ ему сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную (IV, 14).

жете, въ кратерѣ, вы вѣрующіе въ возвращеніе свое къ Пославшему его, вы, знающіе зачѣмъ вы родились". И тѣ, что отвѣтили на призывъ и крещены были въ Разумѣ, обрѣли Вѣдѣніе и стали посвященными Разума, людьми совершенными. Тѣ, что не поняли его, обладаютъ разсудкомъ, но не разумомъ и не знаютъ для чего и кѣмъ они образованы. Ощущенія ихъ подобны ощущеніямъ безразсудныхъ животныхъ. Состоя лишь изъ страстей и желаній, они не восторгаются достойнымъ созерцанія, они предаются удовольствіямъ и влеченіямъ тѣла: и мнятъ въ этомъ цѣль человѣка. Но получившіе даръ Божій, тѣ, о Татъ, судя по дѣяніямъ ихъ, безсмертны и не смертны болѣе. Разумомъ объемлютъ они все, что на землѣ и на небѣ, и то, что можетъ быть превыше неба. На достигнутой ими высотѣ они созерцаютъ благо, и это зрѣлище заставляетъ ихъ считать невзгодою ихъ земное пребываніе. Презирая все плотское и безплотное, стремятся они къ Одному и Единому. Таково, о Татъ, наущенье разума: созерцать божественное и постигать Бога. Таково благодѣйствіе божественнаго кратера.

Т. Я также хочу креститься въ немъ, о отецъ.

Г. Если не станешь ненавидѣть тѣла своего, о сынъ мой, не можешь ты возлюбить самого себя. Возлюбивъ самого себя, обрѣтешь разумъ и тогда получишь знаніе.

Т. Что хочешь ты сказать, о отецъ?

Г. Невозможно, о сынъ мой, быть приверженнымъ вкупѣ къ смертному и къ божественному. Естества бываютъ тѣлесными или безплотными; тѣмъ и отличается смертное отъ божественнаго; нужно избрать то, или другое, ибо нельзя примкнуть къ обоимъ купно. Когда выборъ сдѣланъ, отвергнутое являетъ силу другого; избравъ лучшее, сперва получаютъ прекрасную награду и къ тому же являютъ свое благочестіе къ Богу. Дурной выборъ—гибель для человѣка, но безъ вины Бога; лишь подобно праздно-гуляющимъ на дорогахъ проходятъ міромъ, влекомые наслажденьями тѣла.

А потому, о Татъ, благо, отъ Бога исходящее, въ нашей волѣ, да примемъ мы его безъ замедленія. Зло идетъ не отъ Бога, оно исходитъ отъ насъ самихъ, предпочитающихъ его добру. Ты видишь, о сынъ мой, сколько тѣлъ намъ нужно пройти, сколько демонскихъ хоровъ и звѣздныхъ обращеній, чтобы придти къ Богу Одному и Единому. Благо недоступно, безконечно и безпредѣльно; само по себѣ оно не имѣетъ начала, но для насъ оно какъ бы имѣетъ его въ Вѣдѣніи. Вѣдѣніе не есть, въ сущности, начало блага, но чрезъ него мы приходимъ къ тому. Примемъ же его руководителемъ—мы пройдемъ чрезъ всѣ преграды. Трудно покинуть настоящее и привычное, чтобы вернуться на

старые пути. Призраки обольщаютъ насъ, отказываемся вѣрить въ незримое; дурныя вещи явны, благо—незримо очамъ, ибо не имѣетъ ни вида, ни облика; оно подобно лишь себѣ самому и отъ всего прочаго отлично. Безплотное не можетъ проявиться тѣлу. Вотъ въ чемъ самоподобное отличается отъ разновиднаго и чѣмъ разновидное ниже самоподобнаго.

Единство, начало и корень всѣхъ вещей существуютъ во всемъ, какъ начало и корень. Нѣтъ ничего безначальнаго; начало ни отъ чего не происходитъ, какъ только отъ самаго себя, ибо все отъ него происходитъ. Оно самоначально, ибо не имѣетъ начала иного. Единица, она же есть начало, содержитъ всѣ числа и ни въ одномъ не содержима; она порождаетъ ихъ всѣхъ и не порождаема ничѣмъ инымъ. Все рожденное несовершенно, раздѣлимо, подвержено приросту и убыванью. Совершенное вовсе не имѣетъ этихъ свойствъ. Все возрастающее возрастаетъ черезъ единицу и гибнетъ отъ собственной немощи, если не можетъ больше принять единицы.

Вотъ, о Татъ, образъ Божій, поскольку можно его представить себѣ. Если ты вглядишься въ него внимательно и постигнешь его очами сердца, вѣрь мнѣ, сынъ мой, ты найдешь тропу восхожденія, или, скорѣе, самъ этотъ образъ тебя поведетъ; ибо таково свойство созерцанія: оно плѣнитъ и привлекаетъ, какъ магнитъ привлекаетъ желѣзо.

Свидѣтельство Гермеса сыну Тату о томъ, что незримый Богъ весьма явенъ (Ἑρμοῦ πρὸς Τὰτ υἱόν, ὅτι (ὁ δοκῶν) ἀφανὴς Θεὸς φανερώτατός ἐστιν).

Это слово къ тебѣ, о Татъ, да не пребудешь ты непосвященнымъ во имя всепревышняго Бога. Если уразумѣешь ты Его, то, что большинству мнится незримымъ, станетъ для тебя весьма явнымъ. Если бы Онъ былъ явнымъ, Его бы не стало; всякая видимость сотворена, будучи проявленной; но незримое пребываетъ всегда, не имѣя нужды въ проявленіи. Оно пребываетъ всегда и видимыми творитъ всѣ вещи. Незримый, ибо Онъ вѣченъ, Онъ все творитъ явнымъ, Самъ не появляясь, — Несотворенный, Онъ проявляетъ всѣ вещи въ видимомъ; видимость принадлежитъ лишь рожденному; она—ничто иное, какъ рожденіе. Тотъ, Кто одинъ лишь несотворенъ, тѣмъ самымъ и неразоблачимъ, и незримъ, но, проявляя всѣ сущности, Онъ разоблачается въ нихъ и чрезъ нихъ, особенно тѣмъ, кому Онъ волитъ разоблачиться.

Итакъ, о сынъ мой Татъ, моли сначала Господа и Отца, одного, единаго, откуда вышло единое, да будетъ Онъ къ тебѣ благосклоненъ,

и да возможешь ты постигнуть Бога. Нужно для этого, чтобы одинъ изъ Его лучей озарилъ твою мысль. Одна лишь мысль зритъ незримое, ибо сама она незрима. Если ты сможешь, узришь ты Его очами разума, о Татъ, ибо нескуденъ Господь, разоблачается Онъ во всей вселенной. Ты можешь понять Его, увидѣть, охватить твоими руками и лицезрѣть образъ Божій. Но какъ бы могъ Онъ проявиться очамъ твоимъ, если то, что (находится) въ тебѣ, для тебя самого незримо. Если ты хочешь узрѣть Его, подумай о солнцѣ, подумай о ходѣ луны, подумай о строѣ свѣтилъ. Кто этотъ строй содержитъ? ибо всякій строй обусловленъ числомъ и мѣстомъ. Солнце—величайшій изъ Боговъ неба, всѣ небесные Боги признаютъ его своимъ владыкою и главою; и это свѣтило, оно же больше земли и моря, допускаетъ катиться надъ собою гораздо меньшимъ свѣтиламъ. Какое благоговѣніе, какая покорность понуждаютъ его къ тому, о сынъ мой? Теченія каждаго изъ свѣтилъ на небѣ различны и неравны; кто опредѣлилъ каждому изъ нихъ направленіе и долготу его теченья? Медвѣдица вращается вокругъ себя самой и влечетъ вселенную за собою; кто же пользуется ею, какъ орудіемъ? Кто опредѣлилъ границы моря? Кто положилъ основы земли?

Вѣдь есть же, о Татъ, творецъ и владыка всей этой вселенной. Мѣсто, число, мѣра не могли бы сохраняться безъ творца. Не можетъ установиться строй безъ мѣста и мѣры, вѣдь нуженъ владыка, о сынъ мой. Нестроеніе нуждается въ немъ, чтобы придти къ строю; оно повинуется тому, кто его пока не устроилъ. Если бы могъ ты, имѣя крылья, взлетѣть на воздухъ, и оттуда, между землею и небомъ, обозрѣть крѣпость земли, текучее море, струи рѣчныя, легкость воздуха, тонкость огня, ходъ свѣтилъ и движенье облегающаго ихъ неба, о сынъ мой, дивное зрѣлище! Въ одно мгновенье увидѣлъ бы ты движеніе незыблемаго, явленье незримаго въ строѣ и красотѣ міра!

Если хочешь ты созерцать Творца даже въ смертномъ, въ томъ, что на землѣ или въ глубинахъ, подумай, о сынъ мой, о созданіи человѣка въ чревѣ матери его; тщательно разгляди искусство Строителя, научись познавать Его по божественной красотѣ Его творенья. Кто округлилъ шаровидныя очи? кто продѣлалъ отверстія ноздрей и ушей? кто раскрылъ уста? кто натянулъ и сплелъ нервы? кто означилъ проходы жилъ? кто отвердилъ кости? кто облекъ кожею мясо? кто раздѣлилъ пальцы и члены? кто раздвинулъ стопу ноги? кто продѣлалъ поры? кто растянулъ селезенку? кто образовалъ пирамиду сердца? кто простеръ утробу? кто расширилъ печень? кто образовалъ отверстія легкихъ, впадину чрева? кто поставилъ наружу почетныя части тѣла, а прочія скрылъ? Взгляни, сколько искусства лишь для одного веще-

ства, сколько труда надъ однимъ издѣліемъ; всюду красота, всюду соразмѣрность, всюду разнообразіе. Кто сдѣлалъ все это? кто же мать кто отецъ, если не единый и незримый Богъ, все создавшій волею Своею?

Никто не подумаетъ, что изваяніе или картина можетъ возникнуть безъ ваятеля или художника, а развѣ это твореніе не имѣетъ Творца? О слѣпота, о нечестіе, о невѣжество! Остерегись, сынъ мой Татъ, лишать издѣліе мастера; лучше дай Богу имя, наиболѣе Ему подобающее, назови Его Отцомъ всего сущаго, ибо Онъ единъ, и свойственное Ему отправленіе—быть Отцомъ; и если хочешь выраженія болѣе смѣлаго: въ естествѣ Его—порождать и творить. И какъ ничто не можетъ существовать безъ творца, такъ самъ Онъ не существовалъ бы, если бы не творилъ непрестанно, въ воздухѣ, на землѣ, въ глубинахъ, во вселенной, въ каждой части вселенной, въ томъ, что есть и въ томъ, чего нѣтъ. Ибо нѣтъ ничего въ цѣломъ мірѣ, что бы не было Имъ, Онъ-- что есть, и чего нѣтъ; ибо то, что есть—проявлено Имъ, то, чего нѣтъ—содержится Имъ въ Себѣ.

Таковъ Богъ, превыше имени Своего, незримый и явный, разоблачается же Онъ духу, разоблачается же Онъ и очамъ, не имѣющій тѣла и имѣющій много тѣлъ, или, вѣрнѣе, всѣ тѣла, ибо нѣтъ ничего, что бы не было Имъ, и все есть Онъ одинъ. Вотъ почему имѣетъ Онъ всѣ имена, ибо Онъ—единый Отецъ, и почему Онъ не имѣетъ имени, ибо Онъ Отецъ всего. Что можно изрѣчь о Тебѣ, что можно молвить Тебѣ? Куда обращу взоръ мой, да благословлю Тебя—ввысь, внизъ, во внутрь, наружу? Нѣтъ пути, нѣтъ мѣста внѣ Тебя, нѣтъ бытія иного, все въ Тебѣ, все отъ Тебя исходитъ, Ты все даруешь и ничего не пріемлешь, ибо Ты обладаешь всѣмъ, и нѣтъ ничего, не принадлежащаго Тебѣ.

Когда восхвалю Тебя, о Отецъ? ибо не уловить ни времени Твоего ни часа. За что восхвалю Тебя? за сотворенное ли Тобою, или за несотворенное? за то, что открыто Тобою, или за то, что скрыто? Какъ восхвалю Тебя? Какъ самъ по себѣ и имѣющій нѣчто личное, или какъ кто либо иной? ибо Ты—все то, чѣмъ я могу быть, Ты—все, что я могу совершить, Ты—все, что я могу молвить, ибо Ты—все, и нѣтъ ничего, что бы не было Тобою. Ты—все рожденное и нерожденное, разумъ, мысль, Отецъ создатель, Богъ дѣйствующій, благо и зачинатель всѣхъ вещей. Тоньше всего въ веществѣ—воздухъ, въ воздухѣ—душа, въ душѣ—разумъ, въ разумѣ—Богъ [1]).

---

[1]) Сравн. Bhagavad-Gîta, XI, 18, 38, 40.

Благо въ одномъ лишь Богѣ и ни въ чемъ иномъ.

(ὅτι ἐν μόνῳ τῷ θεῷ τὸ ἀγαθόν ἐστιν, ἀλλαχόθι δὲ οὐδαμοῦ).

Благо, о Асклепій, нигдѣ, кромѣ единаго Бога, или, вѣрнѣе, благо—всегда самъ Богъ. Итакъ, это естество непреложное, несотворенное, вездѣсущее, въ себѣ обладающее дѣятельностью постоянною, совершенною, полною и неистощимою. Единство—начало всего, благо—источникъ всего. Говоря: благо, я разумѣю то, что всецѣло и всегда добро. Такое же совершенное благо нигдѣ не находится, кромѣ какъ въ одномъ Богѣ, ибо нѣтъ въ Немъ порока, ни желанія, могущаго сдѣлать Его дурнымъ; Онъ ничего не можетъ утратить и скорбѣть объ утратѣ: печаль—одинъ изъ видовъ зла. Нѣтъ ничего сильнѣе Его, и что могло бы Его одолѣть; нѣтъ ничего Ему равнаго, и что могло бы Ему повредить или внушить желаніе. Ничто, при ослушаніи, не могло бы возбудить Его гнѣва, ничему наимудрому не могъ бы Онъ позавидовать.

Такъ какъ все это чуждо Его естеству, остается Ему только благо, и такъ какъ въ естествѣ этомъ нѣтъ ничего дурного, благо не можетъ оказаться ни въ чемъ иномъ. Разность пребываетъ во всѣхъ отдѣльныхъ существахъ, малыхъ или великихъ, даже въ наибольшемъ и сильнѣйшемъ изъ всѣхъ живущихъ. Всякая тварь подвержена страсти, даже рожденіе—отъ страсти. Гдѣ же страсть, тамъ не бываетъ блага, и гдѣ благо—нѣтъ страсти, какъ день не бываетъ ночью, и ночь днемъ. И благо не можетъ пребывать въ твари, но лишь въ нетворномъ. Суть всѣхъ вещей участвуетъ въ благѣ какъ въ бытіи, въ этомъ смыслѣ и міръ благъ, ибо производитъ все сущее; онъ благъ, пока творитъ, въ остальномъ онъ не благъ, ибо подлежитъ страсти, колебанію и производитъ страстныхъ существъ.

Въ человѣкѣ благо—лишь сравнительное зло; здѣсь все не слишкомъ дурное—благо, и благо есть лишь наименьшее зло. Но земное благо не можетъ быть всецѣло чистымъ отъ зла; оскверненное примѣсью зла, оно перестаетъ быть благомъ и становится зломъ.

Итакъ, благо существуетъ въ одномъ лишь Богѣ, или Богъ есть благо. Среди людей, о Асклепій, благо существуетъ лишь по имени, но ничуть на дѣлѣ. Благо несовмѣстимо съ вещественнымъ тѣломъ, одержимымъ отовсюду сквернами, муками, желаньями, гнѣвомъ, заблужденіями, суевѣрьями. Но самое худшее, о Асклепій, въ томъ, что благомъ считается любое изъ золъ, которыхъ надлежало бы избѣгать, излишества чрева, порокъ, влекущій за собою всякое зло и удаляющій насъ отъ блага.

Я же воздаю благодареніе Богу, вложившему въ мой разумъ познаніе блага, ибо самое благо не можетъ пребывать въ мірѣ; ибо міръ исполненъ зла, Богъ же—исполненіе блага, или благо исполнено Бога. Прекрасное сіяетъ вкругъ естества, и такъ, быть можетъ, является оно въ своемъ самомъ прозрачномъ и чистѣйшемъ обликѣ. Не убоимся сказать, о Асклепій: естество Божіе, если, однако, Богъ имѣетъ естество,—это красота. Прекрасное и благое не могутъ быть въ мірѣ; всѣ видимые предметы—лишь отраженія, и какъ бы тѣни. Помимо доступнаго чувству нужно искать прекрасное и благое, и око не можетъ увидѣть ихъ, ибо не можетъ зрѣть Бога; они—Его неотъемлемыя части, присущія свойства, неразлучимыя и многожеланныя, возлюбленыя Имъ или любящія Его.

Если можешь ты постигнуть Бога, постигнешь ты прекрасное и благое, чистое сіяніе Бога, несравненную красоту, благо безподобное, какъ самъ Богъ. Сколько ты понимаешь Бога, столько понимаешь прекрасное и благое; они не могутъ сообщаться другимъ существамъ, ибо не отдѣлимы отъ Бога. Взыскуя Бога, взыскуешь ты красоту. Единый путь, ведущій туда—благочестіе купно съ Вѣдѣніемъ. Невѣжды не идущіе путемъ благочестія, дерзаютъ называть человѣка прекраснымъ и благимъ, его, не видѣвшаго, даже въ грезѣ, что такое благо, окутаннаго скверною отовсюду; зло онъ считаетъ добромъ, зломъ питается неутолимо, боится его утраты и силится не только сохранить его, но и увеличить. Того, что люди считаютъ благимъ и прекраснымъ, о Асклепій, не можемъ мы ни избѣжать, ни ненавидѣть, ибо, что тяжелѣе всего, мы нуждаемся въ немъ и не можемъ безъ него жить.

Наибольшее зло для людей—невѣдѣніе Бога.

(ὅτι μέγιστον κακὸν ἐν τοῖς ἀνθρώποις ἡ περὶ τοῦ θεοῦ ἀγνωσία).

Куда стремитесь вы, опьяненные люди? Вы упивались виномъ невѣдѣнія и не можете его стерпѣть, уже извергаете вонъ. Отрезвитесь и откройте очи вашего сердца, если не всѣ изъ васъ, то хоть тѣ, что могутъ. Ибо бѣдствіе невѣдѣнія затопляетъ всю землю, сквернитъ душу, замкнутую въ тѣлѣ, и препятствуетъ ей войти въ пристань спасенія! Не допускайте потоку унести васъ; вернитесь, если можете, въ пристань спасенія! Ищите кормчаго, да поведетъ васъ къ вратамъ Вѣдѣнія, гдѣ блещетъ сверкающій неомраченный свѣтъ, гдѣ никто не пьянѣетъ, гдѣ всѣ трезвы и обращаютъ очи сердца къ Тому, Кто хочетъ быть созерцаемымъ, неслыханный, неисповѣдимый, незримый очамъ, видимый разуму и сердцу.

Прежде всего разорвать нужно одежду, носимую тобою, это одѣяніе невѣдѣнія, начало всякой злобы, оковы порока, облаченье мрака, живую смерть, чувствующій трупъ, могилу, что ты носишь съ собою, домашняго татя, враждебнаго въ любви, рьянаго въ ненависти. Таково враждебное одѣянье, облекающее тебя; оно влечетъ тебя внизъ къ себѣ, опасаясь, да не заставитъ тебя зрѣлище правды и блага возненавидѣть злобу его, открыть построенные тебѣ ковы, помрачая предъ тобою все, что намъ кажется свѣтлымъ, удушая тебя въ веществѣ, опьяняя нечестивыми усладами, да не услышишь ты того, что долженъ слышать, и не увидишь того, что долженъ видѣть. *)

Ничто не исчезаетъ, лишь по заблужденію, перемѣны зовутся смертью и уничтоженіемъ.

(ὅτι οὐδεν τῶν ὄντων ἀπόλλυται, ἀλλὰ τὰς μεταβολὰς ἀπωλείας και θανάτους πλανώμενοι λέγουσιν).

Побесѣдуемъ теперь, о сынъ, о душѣ и о тѣлѣ, о безсмертіи души о составѣ тѣла и его разложеніи. Ибо смерти не существуетъ; слово *смертное* безсмысленно, либо есть ничто иное, какъ слово *безсмертное*, утратившее первый слогъ. Смерть была бы уничтоженіемъ, въ мірѣ же ничто не гибнетъ. Если міръ—второй Богъ, душа безсмертная, то ни одна часть естества живого и безсмертнаго не можетъ умереть. Частью же міра является все, особливо человѣкъ, душа разумная. Въ бытіи первый—вѣчный, несотворенный всесоздатель Богъ. Второй сотворенъ по образу Его; это міръ, Имъ порожденный, содержимый и питаемый; онъ воспринялъ отъ Отца безсмертіе и, значитъ, навѣки живъ. Безсмертіе отличается отъ вѣчности: вѣчное не рождено никѣмъ инымъ; оно произошло само собою, или вѣрнѣе, созидается вѣчно. Кто говоритъ, вѣчное, говоритъ—всемірное. Отецъ вѣченъ самъ по Себѣ, міръ воспринялъ отъ Отца непрестанную жизнь и безсмертіе.

Изъ всего вещества, подвластнаго Ему, сотворилъ Отецъ тѣло вселенной, далъ ему округлый обликъ, назначилъ ему присущности и сдѣлалъ его безсмертнымъ и вѣчно вещественнымъ. Обладая полнотою обликовъ, Отецъ разсѣялъ присущности въ сферѣ и заключилъ ихъ тамъ, какъ въ вертепѣ, желая украсить всячески созданіе свое. Онъ облекъ безсмертіемъ тѣло вселенной, да не войдетъ вещество, стремясь

*) Сравн. посланія ап. Павла къ Римлянамъ, VII, 23, 24.... Въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ.—Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?

къ растворенію, въ свойственное ему нестроеніе. Ибо, въ пору своей безтѣлесности, безпорядочнымъ было вещество. Оно хранитъ и понынѣ отъ этого слабый слѣдъ въ свойствѣ возрастанья и убыли, то, что люди зовутъ смертью. Это нестроеніе происходитъ лишь въ жизни земной: тѣла небесныя хранятъ единый строй, изначала воспринятый отъ Отца, сохраняемый нерушимо возстановленіемъ каждаго изъ нихъ. Возстановленіе хранитъ тѣла земныя, распаденіе же таковыхъ претворяетъ ихъ въ тѣла безсмертныя, и таким образомъ является лишеніе ощутимости, а не уничтоженіе тѣла.

Третье живущее—человѣкъ, созданный по образу міра; волею Отца, онъ обладаетъ разумомъ больше прочихъ земныхъ животныхъ; черезъ ощущенье онъ въ соотношеніи со вторымъ Богомъ, мыслью—съ Первымъ; одного постигаетъ, какъ тѣлесное, Другого, какъ безплотное естество, разумъ и благо.

Т.—Итакъ, это живущее не умираетъ?

Г.—Скажи лучше, о сынъ, и уразумѣй Бога, міръ, жизнь безсмертную, жизнь, подверженую растворенью. Пойми, что міръ исходитъ отъ Бога и пребываетъ въ Богѣ, что человѣкъ исходитъ отъ міра и пребываетъ въ мірѣ. Начало, совершенство и постоянное пребываніе всего—Богъ.

О мысли и ощущеніи; Красота и благо въ одномъ лишь Богѣ и нигдѣ кромѣ Него.

(περὶ νοήςεως καὶ αἰςθήςεως, ὅτι ἐν μόνῳ τῷ θεῷ τὸ και καλὸνκαι ἀγαθόν ἐςτι, αλλαχόθι δέ οὐδαμοῦ).

Вчера, о Асклепій, преподалъ я слово посвященія. Нынѣ считаю необходимымъ сопроводить его другимъ и говорить объ ощущеніи. Между ощущеніемъ и мыслью та разница, что одно (принадлежитъ) веществу, другая—сущности. У прочихъ животныхъ ощущеніе, у человѣка же мысль—прирожденны. Мысль отличается отъ разума, какъ божественность отъ Бога; божественность рождается отъ Бога, мысль—отъ разума; она сродна слову, и оно служитъ ей. Всякое слово выражаетъ мысль, и всякая мысль проявляется въ словѣ. Ощущеніе и мысль въ человѣкѣ имѣютъ взаимное вліяніе и связаны нерасторжимо. Невозможна мысль безъ ощущенія, ни ощущеніе безъ мысли. Можно, однако, предположить мысль безъ ощущенія, какъ прихотливые образы сновидѣній, но мнится мнѣ, что оба дѣйствія происходятъ во снѣ, и что возбужденное ощущеніе отъ сна переходитъ въ явность. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Когда обѣ стороны ощущенья согласованы—выражается мысль,

зачатая разумомъ. Ибо разумъ зачинаетъ всѣ мысли, благія, если онѣ зарождены Богомъ, иныя—подъ вліяніемъ бѣсовскимъ. Ни одна часть міра не свободна отъ демоновъ—я говорю о демонахъ, отпавшихъ отъ Бога; вселяющійся въ насъ (демонъ) засѣваетъ тамъ зерно свойственной ему силы, и разумъ, принявъ это зерно, зачинаетъ блудъ, убійства, отцеубійства, кощунства, нечестіе, насилія, сверженія въ бездны и всѣ другія дѣянія злыхъ демоновъ.

Сѣмена Бога, немногочисленныя, но великія, прекрасныя и благія—добродѣтель, воздержаніе и благочестіе. Благочестіе—познаніе Бога; обладающій имъ исполненъ всѣхъ благъ: онъ зачинаетъ божественныя мысли, отличныя отъ мыслей толпы. Вотъ почему пребывающіе въ Знаніи не любы толпѣ, и не люба имъ толпа. Ихъ считаютъ безумными, ихъ осмѣиваютъ, они ненавидимы и презираемы; по возможности ихъ предаютъ даже смерти; ибо, какъ сказано, зло обитаетъ здѣсь, это его вмѣстилище. Земля его область, но не міръ, какъ скажутъ иные хулители. Но праведный человѣкъ все превышаетъ обладаніемъ Вѣдѣнія. Все благо для него, даже то, что оказалось бы дурнымъ для другихъ. Его размышленія все примѣняютъ къ Вѣдѣнію, и, о чудо, онъ одинъ претворяетъ зло въ добро.

Возвращаюсь къ моей рѣчи объ ощущеніи. Тѣсная связь ощущенія и мысли свойственны человѣку. Не всѣ люди, какъ сказано мною, располагаютъ разумомъ; одни принадлежатъ веществу, другіе—сущности. Злые вещественны и воспринимаютъ отъ демоновъ сѣмя ихъ мысли; единосущные съ благомъ—спасаются Богомъ. Богъ—создатель всего и всѣ свои созданья творитъ подобными Себѣ, но эти благія творенья неплодны въ дѣйствіи. Движенье міра рождаетъ разнообразныя произведенія, одни оскверненныя зломъ, другія очищенныя благомъ. Міръ, о Асклепій, обладаетъ ощущеніемъ и мыслью, несходными съ человѣческими, ни такими многообразными, но высшими и болѣе простыми. У міра одно лишь чувство, одна лишь мысль—творить всѣ вещи и возвращать ихъ въ себя. Онъ—орудіе Божіей воли, и его удѣлъ—воспринимать божественныя сѣмена, хранить ихъ, производить всѣ вещи, растворять ихъ и возобновлять. Подобно доброму оратаю жизни, онъ возобновляетъ свои произведенья, преображая ихъ; онъ порождаетъ всякую жизнь, вноситъ всѣ живыя естества, онъ одновременно и вмѣстилище, и строитель жизни.

Тѣла различны по веществу: одни образованы землею, другія водою, иныя воздухомъ, иныя огнемъ. Всѣ сложны, но одни въ большей степени, другія же проще; первыя тяжелѣе, вторыя легче. Быстрота мірового движенія производитъ многообразіе видовъ; его многократное дыханіе навѣваетъ тѣламъ многообразныя свойства, при полномъ единообразіи

жизни. Богъ—отецъ міра, міръ—отецъ сущаго въ немъ; міръ—сынъ Божій, сущее въ мірѣ подвластно ему. Справедливо называютъ міръ κόςμος, отъ κοςμέω—украшать, ибо онъ краса всего и все устрояетъ многообразіемъ видовъ, (въ немъ) жизнь неизсякаемая, дѣятельность постоянная, необходимость движенія, сочетаніе стихій и строй твореній. Да наречется же онъ κόςμος, это имя ему подобаетъ.

У всѣхъ животныхъ ощущеніе, мысль приходитъ извнѣ, изъ среды окружающей; міръ воспринялъ ихъ разъ навсегда при рожденіи—отъ Бога. Богъ не лишенъ ни чувства, ни мысли, какъ думаютъ иные: это хула суевѣрія. Все бытіе, о Асклепій, пребываетъ въ Богѣ, произведенное и зависимое отъ Него; все, что дѣйствуетъ тѣлами, что движетъ душевной сущностью, что оживляетъ духомъ, что служитъ вмѣстилищемъ мертвымъ тварямъ, все это въ Богѣ. И не только. говорю, что Онъ вседержитель, но, что, воистину, Онъ есть Все. Онъ не извлекаетъ ничего извнѣ, но все изъ Себя производитъ. Чувство, мысль Божія—это вѣчное движеніе вселенной; никогда, ни въ какое время не погибнетъ ни одно существо, т. е. частица Бога, ибо Богъ—вседержитель, нѣтъ ничего внѣ Его, и Онъ не пребываетъ внѣ чего бы то ни было.

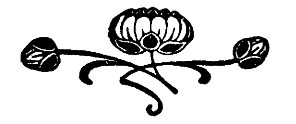
Все это истинно, о Асклепій, для того, кто уразумѣетъ; невѣжда не вѣритъ этому, ибо разумъ—вѣра; не вѣрить—значитъ не разумѣть. Слово мое достигаетъ истины, разумъ великъ и можетъ, если указать ему путь, придти къ истинѣ. Когда размышляетъ онъ надъ вещами, находя ихъ согласными съ толкованьями слова, онъ вѣритъ и покоится въ этой блаженной вѣрѣ. Разумѣющіе божественныя слова имѣютъ вѣру, не разумѣющіе—не вѣруютъ. Вотъ, что имѣлъ я сказать объ ощущеніи и мысли.

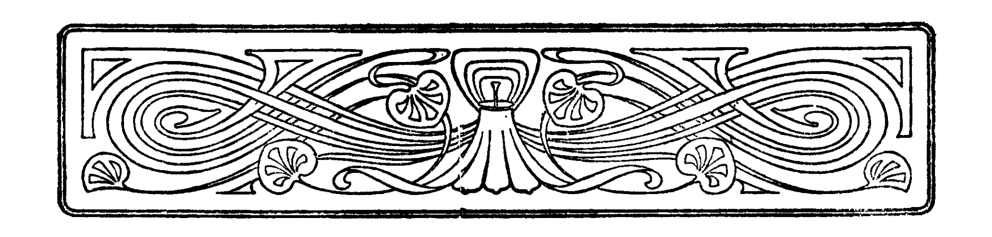
NB. Опечатки въ предыдущихъ статьяхъ, мѣняющія смыслъ:

Въ ст. „Пэмандръ“ („В. Т.“ № 7—8) на стр. 60, 7-я строка снизу, слѣд. читать „Кого назвать можетъ одно молчаніе“.

Въ ст. „Веселенское Слово“ („В. Т.“ № 9) на стр. 20, 8-я строка сверху слѣд. читать: „Богъ постигаемъ нами, но не Самимъ Собою“ и стр. 9 сверху: „Богъ же не постигаемъ“.... ibid стр. 12, строка 13 сверху, слѣд. читать: „надлежитъ чтить Бога“

A. W.

Охранитель Города.

Разсказъ.

Во времена оныя, которыя могутъ быть и близки, и далеки, и которыя даютъ простымъ людямъ и маленькимъ дѣтямъ почувствовать ту, туманами обвѣянную тропинку, ведущую къ мѣсту успокоенія душъ, называемому учеными и мудрыми „Вѣчное Теперь",—въ такія времена жилъ человѣкъ, которому снился великій сонъ, несравненно болѣе великій, чѣмъ онъ думалъ. Его сонъ шелъ изъ Страны Сновидѣній, но онъ былъ изъ тѣхъ, которые жаждутъ, чтобы ихъ грезы проявлялись въ мірѣ, называемомъ иными „Страной Реальностей", а иными—„Страной Тѣней". Онъ мечталъ о расѣ боговъ, которая бы управляла землею, а такъ какъ самъ онъ происходилъ изъ царскаго дома, то онъ и стремился къ тому, чтобы превратить свою мечту въ дѣйствительность. Я разскажу сейчасъ, какъ онъ дѣлалъ это; но разсказъ этотъ идетъ не отъ царственнаго мечтателя, котораго люди называли „человѣкомъ дѣйствія", разсказъ этотъ идетъ отъ одного изъ его подданныхъ, который оказался неудачникомъ въ глазахъ всего міра. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ прозрѣніе въ Мечту Короля и до того влюбился въ эту Мечту, что даже благодарилъ Бога за свою неудачу, ибо его стыдъ и его грѣхъ были частью той цѣны, которою онъ уплатилъ за прозрѣніе въ Мечту Короля. И до того безуменъ былъ этотъ человѣкъ, что Мечта казалась ему ближе къ истинѣ, чѣмъ та дѣйствительность, въ которую Король облекъ ее, чтобы она стала явственной для тѣхъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть. На самомъ дѣлѣ, и самъ Король не могъ ясно припомнить своего видѣнія, но такъ какъ оно сохранялось въ Странѣ Грезъ, оно не переставало имѣть силу надъ нимъ и побуждало его къ дѣйствіямъ, полнаго значенія которыхъ онъ и самъ ясно не видѣлъ.

Король основалъ городъ, чтобы подготовить въ немъ Богоподобную расу, о которой онъ мечталъ; изъ этого маленькаго го-

рода совершенные люди должны были распространиться по всей землѣ и господствовать надо всѣми. Онъ окружилъ себя благочестивыми и учеными людьми и съ ихъ помощью составилъ законы. Тамъ были гимназіумы, коллегіи и школы философіи, науки и этики; были тамъ также храмы, чтобы совершать обряды Государственной Религіи, правила которой были тщательно составлены въ общемъ Совѣтѣ, дабы въ нее не проникло ничто, могущее оскорбить разумъ или нравственность.

Были тамъ и парки, и купальни для плаванья; чистота и порядокъ господствовали всюду; дома были построены по правиламъ, одобреннымъ Комитетомъ Врачей; ни одинъ человѣкъ съ наслѣдственной наклонностью къ заболѣваніямъ физическимъ, умственнымъ или нравственнымъ не могъ быть гражданиномъ этого города. Личности съ нервнымъ и неуравновѣшаннымъ темпераментомъ были изгоняемы. Былъ тамъ также „Комитетъ для Обнаруженія Вырожденія“ и члены его принудили большинство художниковъ, музыкантовъ и поэтовъ, а также всѣхъ ясновидцевъ и мечтателей покинуть городъ. Уголовное законодательство было замѣчательное: въ предѣлахъ города преступленія не наказывались и не существовало никакихъ попытокъ исправлять преступниковъ. Въ городѣ не было тюрьмъ. Въ десяти миляхъ отъ города былъ поселокъ нарушителей закона, сумасшедшихъ и неизлѣчимо больныхъ; туда ихъ перевозили и они уже не могли возвратиться въ городъ. „Глава Медицины“ желалъ, чтобы нѣкоторымъ докторамъ было позволено навѣщать этотъ поселокъ; и „Старшій Профессоръ Физіологіи“ желалъ того же; но Первый Министръ, очень рѣшительный человѣкъ, возразилъ, что въ такомъ случаѣ они должны и жить тамъ, и передавать городу условными сигналами свои наблюденія. Его дѣло—создать расу, въ которой не будетъ ни преступниковъ, ни сумасшедшихъ, ни больныхъ, и онъ не можетъ позволить никакихъ сношеній между городомъ и Поселкомъ Осужденныхъ, какъ назвали это мѣсто. Всѣ, жившіе тамъ носили одежду изъ грубаго сѣраго сукна для отличія отъ здоровыхъ людей. Молодой человѣкъ, о которомъ я упомянулъ, былъ сыномъ Перваго Министра; отецъ далъ ему отвѣтственный постъ, ибо, хотя онъ и былъ очень молодъ, онъ съ дѣтства готовился для участія въ намѣреніяхъ Короля и въ планахъ его Совѣтниковъ. Молодой человѣкъ былъ серьезенъ и молчаливъ; никто не зналъ его истиннаго настроенія и не замѣчалъ, что тревожило его мысли. Его огорчало многое, что онъ слышалъ. Были большія разногласія въ мнѣніяхъ Главы Медицинскаго Пра-

вленія и Главы Церкви; между ними были горячія столкновенія и они часто обвиняли другъ друга. Старшій Профессоръ Физіологіи былъ въ недоумѣніи, а главный сатирикъ, прикомандированный къ Комитету для Обнаруженія Вырожденія, отмѣчалъ ихъ разногласія и вносилъ въ свои сатиры.

Глава Церкви думалъ, что Первый Министръ заблуждался, уединяя такъ строго преступниковъ; Глава Церкви былъ изъ тѣхъ, которые охотно жертвуютъ святымъ въ пользу грѣшника, здоровымъ въ пользу больного, ученымъ въ пользу невѣжественнаго. Этимъ онъ подрывалъ законъ, который, по мнѣнію многихъ, составляетъ самый корень всякаго городского строительства. Глава Медицины относился къ вопросу болѣе здраво.

„Эти люди—по сравненію съ нами—низшій продуктъ эволюціоннаго процесса“, говорилъ онъ; они научатся, благодаря заблужденіямъ своего разума (благодаря тому, что многіе почтенные люди называютъ ихъ „преступленіями“), а путемъ вытекающаго отсюда страданія, они поднимутся постепенно до пониманія истинной причины добра и зла. Составляя теоретическую концепцію о конечной природѣ и о чистой сущности ихъ естества“...

„А практически“,—сухо перебилъ Глава Церкви, — „не зная ровно ничего объ этой сути Скажите пожалуйста, вы предлагаете довести ваше опредѣленіе до ихъ свѣдѣнія?“

„Н-нѣтъ“, сказалъ Представитель Медицины съ осторожностью. „Не вполнѣ, но мы могли бы сказать имъ, что эволюціонный процессъ чрезвычайно длиненъ и у нихъ есть еще время сознать свои ошибки“.

„Вы не скажете имъ ничего подобнаго“, рѣшилъ Первый Министръ. „Я не желаю никакихъ сношеній между городомъ и Поселкомъ Осужденныхъ. Это все чистѣйшая сантиментальность. Объ этомъ слѣдовало бы доложить Комитету для Обнаруженія Вырожденія“.

„Я разсматриваю дѣло не съ личной точки зрѣнія“, сказалъ Глава Медицины, съ нѣкоторымъ жаромъ. „Таково и мнѣніе моего друга, Старшаго Профессора Физіологіи. Очень жаль, что не всѣ соглашаются съ нашимъ мнѣніемъ“.

„Другими словами“ горячо заговорилъ Глава Церкви, „прикрывать ихъ невѣжество вашимъ воображаемымъ превосходствомъ и дурачить себя, если ужъ нельзя обмануть другихъ... Въ интересахъ истинной религіи, я радуюсь, что немногіе соглашаются съ вашимъ мнѣніемъ“.

Въ эту минуту вошелъ Король, и споръ оборвался. Но сынъ Перваго Министра, слушавшій разговоръ, опечалился такъ сильно, что не могъ спать всю ночь. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, онъ часто видѣлъ сонъ, который пересталъ посѣщать его, когда онъ выросъ. Теперь онъ вспомнилъ о немъ, хотя значеніе сна было для него неясно. Онъ видѣлъ чашу, въ формѣ многолепестнаго цвѣтка, плывущую въ чистомъ темномъ пространствѣ; и въ нея спускался вихрь изъ чистаго, бѣлаго пламени и наполнялъ ее до краевъ. Когда онъ раздумывалъ надъ значеніемъ этого дѣтскаго сновидѣнія, имъ овладѣлъ страхъ, что усиліе Короля создать расу боговъ, можетъ потерпѣть неудачу. Эти его сомнѣнія сдѣлались подъ конецъ такъ очевидны, что и его причислили къ числу городскихъ преступниковъ. Защищая себя, онъ заявилъ, что если бы сохранилъ букву закона, онъ нарушилъ бы его духъ; болѣе того, онъ нарушилъ бы тотъ внутренній законъ, который праведный человѣкъ долженъ налагать на свою собственную душу. Въ виду этого, онъ былъ оффиціально изгнанъ изъ города и переправленъ въ одеждѣ преступника въ Поселокъ Осужденныхъ, приговоренный къ пожизненному изгнанію.

Оставшись одинъ, онъ впалъ въ отчаяніе. Обуреваемый сомнѣніями, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ призывалъ онъ Невѣдомую Силу, чтобы она указала ему средство, *какъ* спасти родной городъ отъ грозящей ему гибели; гибели, невидимой ни для Короля, ни для Перваго Министра, ни для Главы Церкви, ни для медицинскаго авторитета.

„Укажи мнѣ“, воскицалъ онъ въ душѣ своей, „какъ мнѣ спасти Мечту Короля и выполнить ее!“

И вотъ, вмѣсто отвѣта на его горячую мольбу, онъ оказался изгнаннымъ и лишеннымъ всякой возможности дѣйствовать. Онъ потерпѣлъ неудачу, потерпѣлъ неудачу и Король, и Первый Министръ, и невѣдѣніе этихъ двухъ, разрушавшихъ тамъ, гдѣ они хотѣли созидать, доводило сердце молодого человѣка до агоніи. И тѣло его страдало отъ грязи и нищеты окружающаго. Въ Поселкѣ Осужденныхъ не было закона; каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, и послѣдствіемъ была полная анархія; немногіе считались съ интересами другихъ и каждый искалъ личнаго удовлетворенія. Угрюмый цинизмъ этого мѣста налегъ свинцовой тяжестью на сына Перваго Министра. Когда онъ нарушалъ законъ, онъ считалъ себя правымъ, но теперь стыдъ за свою отверженность овладѣлъ имъ; физическое униженіе раздавило его. Ему захотѣлось спрятаться даже отъ взоровъ своихъ товарищей - преступниковъ.

Онъ заперъ двери своей камышевой хижины и закрылъ ставни. По ночамъ онъ выходилъ, крадучись, чтобы купить хлѣба и вина у старой женщины, которая была такъ бѣдна, что готова была и въ полночь отпирать двери покупателямъ. Позднѣе, когда онъ вглядѣлся, сколько нужды и тяжкаго труда выпало на долю этой женщины, онъ началъ жалѣть ее; въ началѣ же онъ испытывалъ только содраганіе отъ ея убожества и нечистоты, и ему тошно было ѣсть хлѣбъ, сдѣланный ея руками.

По ночамъ онъ сидѣлъ и плакалъ, какъ плачутъ дѣти надъ сломанной игрушкой; и онъ, дѣйствительно, сломалъ всѣ игрушки, которыми утѣшался въ теченіе своей жизни. Въ одну ночь, когда сердце его словно окаменѣло отъ скорбной безнадежности и отъ сознанія своего собственнаго безсилія, онъ вышелъ, какъ всегда, чтобы купить хлѣба.

Была лунная ночь и когда онъ вступилъ въ грязную, дурно пахнувшую улицу, ему показалось, что онъ слышитъ музыку, не ясную, нѣжную и далекую, словно отдаленный волшебный хоръ тихо распѣвалъ въ тактъ порывамъ вѣтра и шуму потоковъ.

Онъ оставилъ свою дверь открытой; въ городѣ были воры, но у него не было имущества, кромѣ стула, стола и кучи соломы, на которой онъ спалъ, а глиняный кувшинъ и тарелку онъ бралъ съ собой.

Онъ купилъ хлѣба и вина и возвратился въ свою хижину; войдя, онъ почувствовалъ запахъ цвѣтовъ; пахло голубыми колокольчиками, скошенной травой, сырой землей и мохомъ. Онъ остановился въ дверяхъ, стараясь разглядѣть, *гдѣ* находились цвѣты.

Онъ не увидѣлъ никакихъ цвѣтовъ, но въ полумракѣ разглядѣлъ или ему показалось, что онъ разглядѣлъ, блѣдное личико, прозрачное, какъ бѣлая горная мгла, сквозь которую просвѣчиваетъ солнечный свѣтъ, съ бездонными голубыми глазами; подобно свѣтящемуся туману, растилающемуся среди лѣсныхъ деревьевъ, видѣніе пронеслось мимо него и растаяло въ темнотѣ. Одинъ лишь запахъ цвѣтовъ остался въ хижинѣ. Въ теченіе пяти ночей находилъ онъ тотъ же запахъ цвѣтовъ въ своей хижинѣ, каждый разъ, когда возвращался послѣ покупки хлѣба, но онъ не видѣлъ болѣе блѣднаго личика, съ бездонными голубыми глазами. Когда пришла шестая ночь, онъ ускорилъ шаги, приближаясь къ двери; онъ спѣшилъ, охваченный страхомъ, что не услышитъ болѣе запаха цвѣтовъ. И страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что онъ остановился и въ груди его поднялись рыданія отъ ужаса передъ тѣмъ одиночествомъ, которое настанетъ для него, когда

исчезнетъ нѣжное благоуханіе цвѣтовъ. До этой минуты онъ и не зналъ, какое оно значеніе получило для него. Когда онъ переступилъ порогъ, онъ сразу почувствовалъ запахъ цвѣтовъ. Въ хижинѣ—онъ ясно видѣлъ это—стояла дѣвочка; у нея было блѣдное личико, которое свѣтилось, словно за нимъ горѣлъ огонь, сіявшій изъ ея бездонныхъ голубыхъ глазъ; дѣвочка была босая, въ одеждѣ изъ небѣленой ткани, волосы ея были распущены и отъ нихъ исходилъ запахъ ночного вѣтра, сырой земли и лѣсныхъ цвѣтовъ; она держала въ рукѣ сосновую вѣтку, перебросивъ ее черезъ лѣвое плечо; на вѣткѣ виднѣлись молодыя зеленыя кисточки, распустившіяся нынѣшней весной, которыя весело отдѣлялись отъ темной зелени сосновыхъ иголъ и отъ бронзовой чешуи смолистыхъ шишекъ.

Молодой человѣкъ не спускалъ съ нея глазъ; глиняный кувшинъ выпалъ изъ его рукъ и разбился; вино потекло по каменному полу прямо къ босымъ ногамъ удивительной дѣвочки.

„Ты не могъ слышать мой голосъ, когда я говорила съ тобой въ теченіе этихъ шести ночей“, сказала она, „поэтому я должна была притти сама изъ лѣсовъ. Почему ты все плачешь по ночамъ?“

Женщины не стыдятся своихъ слезъ, но мужчины чувствуютъ иначе. Онъ покраснѣлъ и, вмѣсто отвѣта, спросилъ: „это ты приносила запахъ цвѣтовъ въ мою хижину“?

— Ты слышалъ запахъ потому, что я была здѣсь.

— Въ такомъ случаѣ ты не...—началъ онъ.—Кто ты? Ты кажешься ребенкомъ. Изъ человѣческой породы, но ребенкомъ удивительнымъ.

Она засмѣялась.

— Такова я и есть,—отвѣтила она.—Мой отецъ—лѣсничій въ королевскихъ лѣсахъ, а моя мать собираетъ и выращиваетъ лекарственныя травы, и такъ какъ оба они были мудры мудростью невинной простоты, я была рождена у нихъ; зная, что Лѣсные Духи сродни мнѣ, они не препятствуютъ мнѣ уходить и приходить, когда вздумаю.

— Меня удивляетъ, что они позволяютъ тебѣ приходить въ это дурное мѣсто.

— Я иду, куда меня зовутъ. Правду сказать, и это мѣсто, и то, въ которомъ ты раньше жилъ, куда какъ невзрачно. Но какъ же иначе? Народъ, строившій ихъ, еще не научился своему искусству.

— Правда,—отвѣтилъ онъ съ грустью,—и я тоже думаю.

— Можетъ отъ этого ты плакалъ?

— Отчасти. Скажи мнѣ, какъ могло случиться, что ты была здѣсь, а я не видѣлъ тебя?

— Ты еще мало ознакомился съ Міромъ Сновидѣній—вотъ почему. Но ты уже слышалъ запахъ цвѣтовъ и разъ даже видѣлъ мое лицо.

— Въ такомъ случаѣ, ты—Сновидѣніе?

— Ты будешь считать меня сновидѣніемъ, когда проснешься, но когда ты спишь, я дѣйствительно существую. Когда я была совсѣмъ маленькой, мать укладывала меня въ горницѣ, выходившей окнами въ лѣсъ. Свѣтъ въ ней былъ блѣдно-зеленый отъ деревьевъ въ лѣсу; она ставила мою постель въ лунный свѣтъ (мать ея матери,—она была мудрая,—научила ее всему), раскрывала окна настежь, усыпала полъ, порогъ и крыльцо молодыми вѣтками орѣшины и буковицы и обращалась съ молитвой ко всѣмъ добрымъ Силамъ Лѣса, чтобы онѣ охраняли ея дитя; пожелавъ послѣ того мира всѣмъ входящимъ и выходящимъ изъ горницы, и окруживъ все мѣсто кольцомъ своей материнской любви, она оставляла меня одну. И тогда добрыя Силы проникали въ горницу и выносили меня на лунный свѣтъ; тѣло мое оставалось спящимъ въ зеленой прохладной комнатѣ, а я сама блуждала съ моимъ Народомъ и узнавала Страну Сновидѣній. Съ тѣхъ поръ я странствую каждую ночь; моя мать и отецъ знаютъ въ своей мудрой простотѣ, что это должно быть такъ. Когда пройдетъ срокъ и я сдѣлаюсь взрослой, я приду по порученію своего Народа въ вашъ городъ; и въ это мѣсто я тоже приду, если здѣсь останется хотя бы одинъ способный слышать, и я буду повсюду провозглашать то, что мнѣ велѣно.

— Что же будешь ты провозглашать?

— Что мнѣ велѣно. Когда ты видѣлъ Чашу-Цвѣтокъ, наполненную бѣлымъ огнемъ до краевъ, ты видѣлъ срокъ, о которомъ я говорю. Я буду восклицать: Я Голосъ Грядущей Вѣры! Смотрите! Вы изгнали Красоту, а вмѣстѣ съ ней и Гармонію; вы изгнали Красоту, дѣлающую Мудрость видимой! И я призову ихъ назадъ, нѣкоторыхъ въ самое лоно Мудрости, которая лежитъ и грезитъ у самаго сердца Природы и въ своихъ грезахъ творитъ красоту для тѣхъ, кто способенъ видѣть. Другихъ я призову къ старому полузабытому сну, не вполнѣ утерянному, но пришедшему въ забвеніе, когда основывались ваши города; слѣдуя по его тропѣ, *эти* узнаютъ мой Лѣсной Народъ, который и приведетъ ихъ въ Садъ Мудрости, въ Садъ Душъ, соединенныхъ воедино.

— Ты будешь взывать напрасно,—отвѣтилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Ты будешь провозглашать вѣсть кучѣ пепла.

Жизнь ушла изъ города и время сравняетъ его съ землей. И въ этомъ мѣстѣ ты будешь взывать напрасно, потому что никто не услышитъ тебя. Здѣсь есть жизнь, но это—жизнь самого ада.

— А что ты называешь жизнью ада?—спросила она, размахивая своей сосновой вѣткой, какъ кадильницей и наполняя заструившимся отъ нея ароматомъ его хижину.—Однажды я подошла близко къ ногамъ мудраго человѣка, который училъ своихъ учениковъ въ уединенной долинѣ у подножія холмовъ, и одинъ изъ его послѣдователей спросилъ его: „скажи намъ, о мудрый, въ чемъ природа грѣха и въ чемъ природа добродѣтели?“ Мудрый отвѣтилъ ему: „есть Скрытая Сила, которая стремится проявить себя во времени и пространствѣ; желая создать добродѣтель, она создаетъ зло, ибо зло есть лишь неудавшееся проявленіе добра, а добро есть лишь неудавшееся проявленіе той Силы, которая—ни то и ни другое. И это будетъ познано въ тотъ часъ, когда постигнута будетъ истинная суть этой Силы, т. е. въ день жатвы и достиженія“.

Онъ вздохнулъ.

— Можетъ быть, сказалъ онъ,—но посмотри сюда, или лучше не смотри, о чудное Дитя, ибо мѣсто это не для твоихъ взоровъ. Прошлое этихъ людей должно пребывать для нихъ навсегда. Пока сохраняется память, и грѣхи праведника не перестаютъ пребывать.

— Слышала я и такія рѣчи,—сказала она;—одинъ изъ учениковъ мудраго человѣка сказалъ: „нѣтъ грѣха, кромѣ невѣдѣнія, вмѣстѣ съ знаніемъ исчезнетъ и грѣхъ“, а другой восклицалъ: „грѣхъ есть невѣдѣніе, а невѣдѣніе—вѣчная возможность, поэтому и грѣхъ пребываетъ во вѣкъ“! А другой восклицалъ: „жизнь можно снова пережить и измѣнить по новому“. Таковъ законъ. Все—Мысль. Пусть грѣшникъ овладѣетъ Мыслью своего прошлаго и онъ можетъ измѣнить его; такъ прощаются и вычеркиваются грѣхи; такъ спасаются люди Вѣрой.

— Это все слова,—сказалъ онъ.

— И я тоже думаю,—отвѣтила она.—Потому то я и оставила ихъ разговаривающими и пошла по тропинкамъ Страны Сновидѣнія къ этому мѣсту. На половинѣ пути между этимъ мѣстомъ и городомъ, я видѣла Охранителя города въ человѣческомъ видѣ.

— Охранителя города?—переспросилъ молодой человѣкъ;—ты можетъ быть говоришь о Королѣ?

— До нѣкоторой степени,—отвѣтила она;—они говорятъ, что разумъ Короля отражается въ его разумѣ. А я думаю, что онъ отражается какъ полный мѣсяцъ въ маленькомъ лѣсномъ озеркѣ,

у котораго я часто сижу по ночамъ съ моимъ Народомъ и смотрю, какъ бѣлыя лиліи покачиваются на водѣ и слушаю какъ камыши шелестятъ, когда вѣтеръ проносится, тормоша плакучія березы у самаго края воды; когда сидишь тамъ въ свѣтлую ночь, весь міръ кажется сдѣланнымъ изъ потускнѣвшихъ драгоцѣнныхъ камней, неясно окрашенныхъ, но съ огнемъ, горящимъ въ сердцѣ каждаго изъ нихъ. Ты бы навсегда пересталъ смѣяться и плакать, если бы почувствовалъ тишину такой ночи. Это—настоящее волшебство и миръ пребываетъ въ самомъ средоточіи ея души.

— Но кто тотъ, кого ты назвала Охранителемъ города?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Онъ сидѣлъ въ пыли и на немъ была такая же одежда, какъ на тебѣ.

— Одежда осужденнаго,—проговорилъ онъ тихо и нахмурился какъ отъ боли.

— Какъ у тебя,—повторила она небрежно, какъ бы не придавая этому никакого значенія.—Я преклонилась предъ нимъ, потому что въ нашемъ Лѣсномъ Мірѣ учатъ склоняться передъ тѣми, кто выше насъ. У меня были цвѣты, блѣдныя буковицы и бѣлые анемоны, подобные пѣнѣ на морской волнѣ; я положила мои цвѣты къ его ногамъ и привѣтствовала его какъ святого; я спросила его смиренно: почему онъ сидитъ здѣсь, имѣетъ человѣческій видъ и одѣтъ въ такую неподходящую одежду? Онъ отвѣтилъ: „По причинѣ моего грѣха". Я сказала: „Святитель, можешь ли ты грѣшить?" Онъ же далъ такой отвѣтъ: „Взгляни на тайну! Сегодня я согрѣшилъ въ слугѣ моемъ, управителѣ Главы Церкви, который укралъ три мѣры зерна; а также въ слугахъ моихъ, Главѣ Церкви и Главѣ Врачей, которые преступили правду въ сердцѣ своемъ и въ мысляхъ своихъ приписывали зло и безуміе другъ другу: они превозносили свободу языками, а въ душѣ своей ковали цѣпи рабства, думая презрительно о тѣхъ, которые мыслятъ и говорятъ иначе, чѣмъ они. Вотъ почему я, не затронутый ни грѣхомъ, ни добродѣтелью, все же согрѣшилъ въ нихъ; я надѣлъ эту одежду и сижу въ пыли, потому что ихъ стыдъ—мой стыдъ.

— Но это заблужденіе, о, чудное Дитя! Каждый человѣкъ долженъ самъ отвѣчать и страдать за свои грѣхи.

— И это—правда,—отвѣтила она.—Но подобно всѣмъ истинамъ, и она можетъ превратиться въ ложь, ибо нѣтъ ни одного человѣка, который не страдалъ бы въ извѣстной степени за грѣхи другого. И какъ взрослый человѣкъ отклоняетъ на себя ударъ, направленный на ребенка, хотя бы ребенокъ самъ навлекъ его на

себя, и переноситъ его охотно, чтобы ребенокъ могъ дорасти до полнаго возраста, когда онъ будетъ въ состояніи самъ платить свои долги и съ своей стороны поддерживать младенцевъ, которые еще не родились во времена его собственнаго дѣтства; когда, говорю я, человѣкъ собственной свободной волей навлекаетъ на себя такіе удары, въ эти минуты душа его пріобрѣтаетъ сходство съ Чашей-Цвѣткомъ и она загорается пламенемъ и становится прозрачной. Чистый огонь горитъ и внутри, и внѣ ея, и пламя проникаетъ въ нее безпрепятственно; и если какіе-либо грѣхи изъ его прошлаго еще не уплачены, они прощаются и огонь сжигаетъ ихъ, ибо онъ, взрослый человѣкъ не отличаетъ своихъ собственныхъ грѣховъ отъ грѣховъ младенцевъ, которымъ такъ трудно достаются усилія. Такъ каждый уплачиваетъ въ свою очередь за другого долгъ, который когда то былъ уплаченъ за него.

Она отломила побѣгъ отъ своей сосновой вѣтви и положила на столъ.

— Завтра ночью,—сказала она,—приходи ко мнѣ. Поднимись по холму до болота, перейди болото и вступи въ лѣсъ; въ самомъ сердцѣ его ты найдешь домъ моего отца.

— Но твой отецъ не захочетъ принять чловѣка, носящаго эту одежду.

— Я уже сказала тебѣ, что мой отецъ овладѣлъ Мудростью невинныхъ,—отвѣтила она.—Онъ не боится никакихъ человѣческихъ одеждъ и слухъ его закрытъ для насмѣшекъ и презрѣнія мудрствующихъ людей. Вотъ отчего родилась у него я, Голосъ Грядущей Вѣры.

— Это твое имя?

— Для тебя—да. Возьми этотъ побѣгъ.

Она вложила вѣточку въ его руку и исчезла изъ его взоровъ; пронеслась какъ легкій утренній вѣтерокъ, оставляющій рябь на водяной поверхности. Онъ закрылъ ставни, сѣлъ въ темнотѣ и сталъ думать. Онъ раздумывалъ о Чашѣ-Цвѣткѣ и о Хранителѣ Города и ему казалось, что и онъ также былъ недремлющимъ хранителемъ мятежнаго города, своего собственнаго усталаго, бурями потрясаемаго тѣла и мозга. Время шло, и городъ началъ издавать законы для его руководства. Онъ говорилъ ему о сумасшествіи, о томъ, что маленькій сосновый побѣгъ былъ лишь фантазіей безумца; что онъ вообразилъ запахъ цвѣтовъ потому, что сходилъ съ ума; что дитя съ бездонными голубыми глазами и ея удивительныя рѣчи—лишь порожденіе его больного мозга. Когда пришла ночь, онъ выбросилъ сосновую вѣтку, ска-

завъ себѣ, что онъ могъ сорвать ее самъ во время сна. Онъ рѣшилъ ждать до полуночи, если запахъ цвѣтовъ появится, какъ и раньше, онъ пойдетъ. Въ полночь запаха не появилось и онъ остался безъ желаннаго знака. Онъ сидѣлъ одинъ въ темнотѣ и безмолвіи, когда охранитель его собственной встревоженной тѣлесной жизни заговорилъ съ нимъ такими словами: „Достаточно что *я* знаю, встань и иди!“

Преодолѣвъ колебаніе, онъ всталъ, открылъ дверь и вышелъ изъ своей темной хижины, не дождавшись знака, котораго онъ не переставалъ жаждать. Онъ прошелъ черезъ грязныя улицы къ холмамъ, а затѣмъ долго шелъ по темнымъ пространствамъ болотъ, пока не вступилъ въ большой молчаливый лѣсъ. Это была удивительная прогулка. Лунный свѣтъ и древесная листва придавали окружающему воздуху серебристо-сѣрый волшебный видъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, незримыя крылья воздуха напѣвали мелодію, которую не всякій способенъ услыхать. Всѣ, имѣющіе понятіе о такихъ вещахъ, сами знаютъ какова эта музыка. Музыка, которую слушатель не можетъ уловить, хотя она наполняетъ все, даже самый воздухъ, которымъ онъ дышетъ, *эта* музыка самая совершенная изъ всѣхъ.

Всѣ звуки и ароматы этой ночи неслись изъ самаго сердца Волшебной Страны. Все имѣло особое значеніе, какъ это бываетъ во снѣ; неуловимое, сводящее съ ума днемъ; не имѣющее никакого отношенія къ земному, но полное непередаваемаго значенія въ мірѣ сновидѣній. Спящая земля, черно-синее небо, превратились для него въ символы внутренняго міра, въ которомъ самое сердце его скрытой жизни сохранялось въ великомъ покоѣ. Онъ видѣлъ какъ между стволами деревьевъ мерцающіе огни вспыхивали и перелетали съ мѣста на мѣсто; весь лѣсъ жилъ свѣжемогучей стихійной жизнью и все же былъ полонъ покоя, и магическая святая красота царствовала въ этомъ мірѣ. Трепетаніе листьевъ, шопотъ склоняющихся травъ, журчаніе воды, слагались въ пѣснь, которая проникала всю его душу. Подъ конецъ онъ увидѣлъ деревянный домъ, окруженный распустившимися дубами; въ зеленыхъ вѣтвяхъ пѣлъ соловей и проносился легкій вѣтеръ. Въ открытой двери стояла, ожидая его, Чудесная Дѣвочка; она напѣвала тихую пѣсенку, которая звучала какъ воспоминаніе о давно забытой мелодіи. Она привѣтствовала его поцѣлуемъ и ввела въ домъ; тамъ, хотя было ужъ очень поздно, оба мудрые— и отецъ, и мать—привѣтствовали его; и онъ остался съ ними въ теченіе трехъ дней и ночей. Днемъ онъ раздѣлялъ ихъ работу,

ихъ бесѣду, ихъ простой столъ; ночью онъ спалъ подъ открытымъ небомъ у подножія большого дуба, и ему снились такіе сны, какихъ до тѣхъ поръ онъ не зналъ никогда. Онъ не былъ счастливъ и не былъ печаленъ; вся душа его была охвачена экстазомъ ожиданія; ожиданіемъ сокровеннаго чуда, которое онъ зналъ и не зналъ. Лишь по временамъ его настроеніе нарушалось мыслью о непринятой жертвѣ, объ оставленной безъ отвѣта молитвѣ.

„Вѣдь я пожертвовалъ всѣмъ, что имѣлъ и не достигъ ничего".

На третью ночь, когда онъ лежалъ подъ дубомъ, онъ увидѣлъ равнину, на которой былъ расположенъ городъ и поселокъ осужденныхъ. Спалъ ли онъ или не спалъ, видѣлъ ли онъ тѣлесными глазами, или глазами души, онъ не могъ сказать; онъ не былъ даже увѣренъ, видѣлъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или только зналъ, что это должно быть такъ. Онъ видѣлъ дворецъ Короля, и академіи, и храмы, и свою собственную камышевую хижину въ Поселкѣ Отверженныхъ, и ему казалось, что все это было въ границахъ его собственной души. Затѣмъ онъ увидѣлъ большую сферу, висящую надъ городомъ и надъ Поселкомъ Осужденныхъ, но онъ не зналъ находилась ли она *надъ* городомъ, или самъ городъ находился внутри нея. Она горѣла различными цвѣтами и черезъ нѣкоторое время онъ видѣлъ уже не одну, а много сферъ; каждая изъ нихъ свѣтила своимъ собственнымъ цвѣтомъ, но каждая двигалась въ гармоніи съ другой, проникая одна другую безъ препятствія и помѣхи; когда онѣ сливались, цвѣта ихъ разгорались все ярче и ярче въ великое сіяніе; и все же каждая сфера сохраняла свою собственную форму и свой цвѣтъ. Отъ большой сферы какъ бы молніи и пучки различныхъ цвѣтовъ выбрасывались и устремлялись въ городъ или въ поселокъ; они дрожали и трепетали какъ живые; иногда по нимъ возносился вверхъ темный трепетъ и тогда вся огромная сфера приходила въ содроганіе; и каждый разъ послѣ того изъ сердца ея вырывалось бѣлое пламя, внутри котораго вспыхивала искра, какъ бы отъ луннаго свѣта на голубой стали, и когда этотъ свѣтъ устремлялся въ отвѣтъ на содраганіе темноты, сферы становились еще ярче и изъ нихъ изливались еще большіе потоки свѣта. Когда онъ смотрѣлъ на это чудо, онъ почувствовалъ, что чудесное Дитя стояло около него; онъ обратился къ ней съ такими словами:

— Скажи, *такъ ли* охраняется городъ?

— Такъ,—отвѣтила она.—Пріобщаются къ этой охраняющей жизни тѣ, которые умѣютъ также отдавать свою жизнь. Но среди

нихъ нѣтъ ни одного, кто бы скорбѣлъ духомъ о томъ, что исполнена молитва его.

— Но моя молитва не была исполнена,—сказалъ онъ смиренно,—я испыталъ одну неудачу.

— Но теперь ты узналъ,—сказала она.—Если бы ты былъ сильнѣе и терпѣливѣе, не нужно было бы и объяснять тебѣ этихъ вещей. Вѣдь въ глубинѣ сердца ты все это зналъ.

Когда она говорила, солнечный лучъ коснулся его лба; онъ открылъ глаза, солнце всходило и на росистой травѣ, рядомъ съ нимъ, стояло Дитя.

— А теперь я пойду,—сказалъ онъ.—Пойду въ свою камышевую хижину въ Поселокъ Осужденныхъ. Увижу ли я тебя?

— Да, но не попрежнему; мы будемъ встрѣчаться въ Странѣ Сновидѣній.

— Но, вѣдь, я того не буду знать, когда проснусь?

— А развѣ это важно?

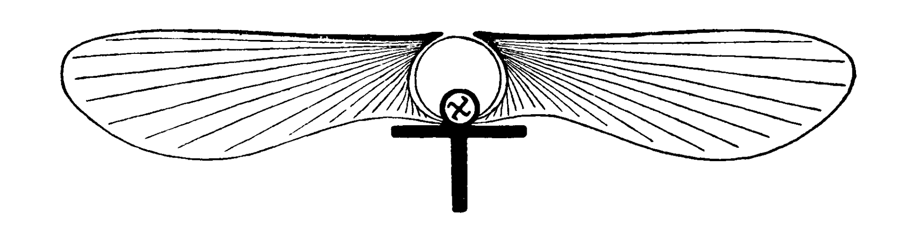
— Нѣтъ, это не важно. Прощай,—сказалъ онъ, но голосъ его немного дрожалъ. Онъ пошелъ черезъ лѣсъ, слушая пѣсни птицъ. Былъ полдень, когда онъ достигъ камышевой хижины въ грязной улицѣ. Онъ вошелъ въ нее и широко распахнулъ окна и дверь, чтобы впустить дневной свѣтъ.

– И здѣсь также свѣтитъ солнце,—сказалъ онъ.

Онъ прожилъ въ этой хижинѣ еще пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ онъ умеръ. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ его жизни, начали появляться и на улицахъ города, и въ поселкѣ цвѣты, которые были посажены не человѣческими руками.

И вокругъ камышевой хижины появились цвѣты, нѣсколько анютиныхъ глазокъ, розмариновъ, богородской травки, но немного. Цвѣты расцвѣтали на дворѣ Главы Врачей и у крыльца Главы Церкви. И много цвѣтовъ, особенно весеннихъ, покрывали Поселокъ Осужденныхъ. А когда онъ умеръ, они стали расти еще краше, еще пышнѣй. Воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ цвѣтовъ, которыхъ никто не сажалъ и никто не выращивалъ. А на пятый годъ послѣ его смерти появилась идущая изъ лѣса дѣвочка; она пѣла и несла въ рукахъ такіе же нѣжные и душистые цвѣты, какіе жители города и поселка научились распознавать и любить; и она вошла въ городъ Короля, восклицая громкимъ голосомъ: „Открывайте всѣ двери! Ибо я—Миръ, я—Красота, я—Мудрость. Я Голосъ Грядущей Вѣры“.

Перев. съ англійскаго **Е. П.**

Изъ дневника Теософа.

2 Іюля, Лондонъ.

Сегодня воскресенье. Лежу въ длинномъ раскидномъ креслѣ на лужайкѣ Maida Vale, отдыхаю и радуюсь солнцу, небу и ласково кивающимъ мнѣ деревьямъ.

Лужайка представляетъ оживленную картину, хотя игры по древне-англійскому обычаю не допускаются. На зеленомъ коврѣ природы устроились пестрыя группы обитателей Maida Vale. Здѣсь идетъ чаепитіе, тамъ чтеніе вслухъ, тутъ веселая бесѣда, а здѣсь въ раскинутыхъ креслахъ радуются воскресному отдыху англичанки. На нѣкоторыхъ скамейкахъ сидятъ няни и бонны, которыя проводятъ свой досугъ за книгой въ зеленомъ саду. Среди гуляющихъ на лугу я замѣчаю маленькаго кривобокаго человѣка, курящаго трубку. Онъ любезно мнѣ кланяется, и я съ удовольствіемъ узнаю въ немъ садовника, который въ будни съ утра до ночи ухаживаетъ за нашимъ садомъ, поливаетъ и стрижетъ траву, чиститъ дорожки. Сегодня онъ расфранченъ, и его загорѣлое лицо еще болѣе кажется смуглымъ отъ сосѣдства съ сильно накрахмаленнымъ стоячимъ воротникомъ. Maida Vale, можетъ-быть подъ вліяніемъ теософическихъ вибрацій, обрѣтаетъ совершенно интернаціональный характеръ. Въ немъ не только представлены многія европейскія державы и народы, но и нѣкоторыя восточныя націи. Недалеко отъ меня собралась индусская семья. Молодая индусска въ живописномъ національномъ костюмѣ и въ накинутомъ сверху розовомъ прозрачномъ шарфѣ, нянчитъ своего первенца, а мужъ ея, въ европейскомъ костюмѣ, но съ типичнымъ восточнымъ лицомъ, нѣжно склонился надъ ребенкомъ. Черное личико малютки подергивается веселой улыбкой и забавными гримасами. Молодой индусъ пріѣхалъ, какъ многіе его

соотечественники, учиться въ англійскомъ университетѣ и привезъ съ собою свою жену; скоро родился и ребенокъ.

Сильно тоскуютъ индусы по своей родинѣ, особенно женатые, и я вспоминаю разсказъ sister Isabel *) о миломъ, трагически погибшемъ юношѣ. Домъ sister Isabel не перестаетъ быть убѣжищемъ для скорбящихъ, больныхъ и одинокихъ, которымъ она умудряется, несмотря на свою большую и сложную работу въ Т. Общ-вѣ посвящать много времени и сердечныхъ заботъ. Приходя къ ней не удивляешься ничему. Часто встрѣчаешь новыя лица, иногда узнаешь неожиданно самыя удивительныя исторіи и драмы. Прошлая зима собрала въ домикѣ ея интересную и живописную компанію: молодую, красивую женщину, недавно выпущенную изъ санаторіи нервно-больныхъ, юнаго студента—индуса и маленькаго златокудраго англійскаго бэби, котораго надо было еще кормить изъ соски и возить въ коляскѣ гулять. Какъ соединились эти столь разные элементы? Однажды знакомый психіатръ, при встрѣчѣ съ sister Isabel, разсказалъ ей грустную исторію молодой женщины, потерявшей любимаго мужа и съ тоски начавшей пить. Нервы ея такъ расшатались, что пришлось ее помѣстить въ санаторію. Теперь она начинаетъ поправляться, но выпустить ее можно только напоруки, а родственники отъ нея открещиваются. „Дайте ее мнѣ на недѣльку“, попросила sister Isabel, „можетъ быть, въ домашней обстановкѣ она скоро и совсѣмъ поправится“. Докторъ обрадовался, согласился, и на другой же день онъ привезъ въ маленькій бѣлый домикъ свою паціентку, которая сразу почувствовала себя хорошо, полюбила sister Isabel и стала помогать ей по хозяйству. Красивая, живая Китти была веселаго нрава, и когда вернулось къ ней душевное равновѣсіе, то ея музыкальный смѣхъ сталъ часто раздаваться въ маленькомъ домикѣ. Sister Isabel радовалась ея радости и всей душой привязалась къ ней. Китти стала членомъ семьи, и прислуга, старая Джэнъ, къ ней также привыкла. Скоро послѣ водворенія Китти, sister Isabel была на студенческомъ вечерѣ и познакомилась тамъ съ молодымъ индусомъ, слушателемъ Эдинбургскаго университета, на медицинскомъ факультетѣ. Почувствовавъ къ ней симпатію и довѣрье, юноша разсказалъ ей, какъ онъ одинокъ, тоскуетъ по Индіи и по своей молодой женѣ Ситѣ. Sister Isabel позвала его къ себѣ, пригрѣла, и молодой индусъ сталъ часто захаживать въ гостепріимный бѣлый домикъ, гдѣ его всегда и ожидали готовый приборъ и сердечная ласка. Скоро и къ нему

*) См. В. Т. 1909 . „Изъ дневника Теософа“.

привыкла старая Дженъ и вечеромъ нерѣдко входила въ гостиную и присаживалась къ камину, чтобы послушать разсказы Раджа Динамурти объ Индіи. Однажды, когда Раджа и Китти весело болтали вечеромъ послѣ ужина, въ гостиную быстро взошла sister Isabel и сѣвъ на диванчикъ между ними сказала: „Вотъ что, дѣти мои: Мэри Стиндеръ, швея, получила такой блестящій заказъ, что она выйдетъ изъ долговъ и поѣдетъ лѣтомъ отдыхать, если только она поспѣетъ съ работой къ сроку, т. е. къ балъ-маскараду. Но она боится, что не поспѣетъ: бэби ей мѣшаетъ, и она въ полномъ отчаяніи. Не взять-ли намъ на мѣсяцъ ея бэби“? Глаза Китти разгорѣлись и она захлопала въ ладоши. „Какая прелесть! Мамачка (она называла такъ своего друга), непремѣнно возьмите бэби! я сама буду его мыть, одѣвать, кормить, я на все готова, только не отказывайтесь!“—„Ну, хорошо, сказала sister Isabel, я согласна, но только при условіи, что Раджа будетъ ежедневно заходить къ намъ и слѣдить за здоровьемъ бэби. Отвѣтственность большая“. Раджа вспыхнулъ отъ удовольствія и далъ обѣщаніе каждое утро аккуратно заходить и слѣдить за физическимъ состояніемъ младенца. Обрадованная и изумленная Мэри Стиндеръ вручила своего ребенка sister Isabel съ полнымъ довѣрьемъ, и бѣлый домикъ обогатился еще однимъ обитателемъ. Каждый день Китти и sister Isabel вывозили колясочку; рядомъ шелъ важно Раджа. Всѣ заглядывали въ лицо малюткѣ, который, почувствовавъ себя центромъ общаго любовнаго вниманія, радостно улыбался. Къ этой оригинальной группѣ прибавилось еще одно существо: большая ньюфаундленская собака, которая пристала къ sister Isabel на улицѣ и больше отъ нея не отходила. Прохожіе часто останавливались при видѣ этихъ счастливо настроенныхъ людей, которыхъ принимали за одну семью, и много веселаго смѣха было въ тѣ дни въ бѣломъ домикѣ по поводу замѣчаній, слышанныхъ на улицѣ о „бабушкѣ, родителяхъ и ребенкѣ“. Такъ прошло 2 мѣсяца. Мэри Стиндеръ закончила свою спѣшную работу и получила обратно своего поздоровѣвшаго и расцвѣтшаго бэби. Китти совсѣмъ поправилась и вернулась къ роднымъ. Только Раджа продолжалъ часто заходить въ бѣлый домикъ, гдѣ его вечеромъ всегда почти заставала sister Isabel. У ногъ его лежала большая черная собака, которая особенно подружилась съ нимъ Раджа читалъ и ласково бесѣдовалъ со своимъ другомъ, но sister Isabel замѣтила, что онъ измѣнился, похудѣлъ и какъ-будто затосковалъ. Въ его разсказахъ объ Индіи слышалась новая патетическая нота. Въ это время sister Isabel должна была отлу-

читься изъ Эдинбурга на 3 недѣли по важнымъ дѣламъ. Вернувшись домой, она узнала отъ старой Джэнъ, что юноша прекратилъ свои посѣщенія. Охваченная смутной тревогой, она поспѣшила въ Теософическое Общество, гдѣ онъ всегда бывалъ по воскреснымъ днямъ. Тамъ, у портрета Е. П. Блаватской красовался чудный букетъ бѣлыхъ розъ; онъ былъ перевязанъ знакомой Индусской ленточкой, но юноши не было тутъ и никто его не видѣлъ за всѣ эти дни. Тогда sister Isabel отправилась къ нему на домъ, въ далекій демократическій кварталъ рабочихъ и студентовъ. Поднимаясь на четвертый этажъ по узкой лѣстницѣ, sister Isabel почувствовала странное сжатіе сердца и какое-то тяжелое предчувствіе. Ей отворила дверь хозяйка. „Раджа Динамурти?"—повторила она съ изумленіемъ—„да развѣ вы не знаете, что его давно уже нѣтъ на свѣтѣ?" Sister Isabel пошатнулась и схватилась за стулъ. „Вы его родственница?" участливо спросила хозяйка. „Нѣтъ, но я его любила, какъ сына". Хозяйка разсказала, что юноша давно тосковалъ, но что послѣднія двѣ недѣли онъ какъ-то особенно былъ печаленъ. Кромѣ того онъ захворалъ какой-то злокачественной лихорадкой и скоро скончался, повторяя: „Индія! Индія!" Передъ самой смертью онъ далъ ленточку хозяйкѣ и попросилъ ее на послѣднія свои деньги купить букетъ бѣлыхъ розъ, перевязать ихъ этой тесьмой и послать въ Теософическое Общество съ запиской, гдѣ значилось, что эти цвѣты должны стоять у какого-то портрета. Въ эту же ночь онъ скончался, и одна хозяйка провожала его на кладбище, такъ какъ никого близкихъ у него не было. Съ тѣхъ поръ прошло уже пять дней... Грустно вернулась sister Isabel домой, гдѣ ее встрѣтили старая Джэнъ и большая собака. Узнавъ объ участи Раджи, старая Джэнъ заплакала, а собака въ этотъ день особенно нѣжно и грустно смотрѣла въ глаза sister Isabel, какъ будто все поняла и участвовала въ общемъ горѣ,..

3 Іюля. Essex-Hall сегодня полонъ народу. Mrs. А. Безантъ читаетъ сегодня въ пользу Мусульманскаго Общ-ва объ Исламѣ. Въ залѣ много восточныхъ лицъ. Нѣсколько мусульманъ въ чалмахъ съ зеленымъ бантомъ на груди. Зеленый цвѣтъ въ залѣ вообще преобладаетъ. На эстрадѣ предсѣдатель Мусульманскаго Общ-ва привѣтствуетъ А. Безантъ. Бѣлая чалма красиво окаймляетъ его умное и тонкое лицо. А. Безантъ встаетъ и все стихаетъ. Въ своемъ бѣломъ платьѣ, со своими бѣлоснѣжными волосами и сіяющими глазами она болѣе походитъ на небесное видѣніе, чѣмъ на человѣческое существо...

Она говоритъ объ Исламѣ, о великомъ пророкѣ Аравіи, рисуетъ его величавый, чистый образъ и переходитъ къ его ученію. Горячо протестуетъ она противъ обычныхъобвиненій Ислама, какъ религіи невѣжества, фанатизма и униженія женщины. Она напоминаетъ о кострахъ инквизиціи и о монастырскихъ застѣнкахъ, которые своей утонченной жестокостью далеко превзошли боевой фанатизмъ мусульманъ. Она напоминаетъ, что въ тотъ мрачный средневѣковый періодъ, когда христіанство открещивалось отъ науки, а церковь преслѣдовала свободную мысль, какъ опасную ересь, что въ это время свѣтъ науки сосредоточился въ философіи арабовъ и мавровъ и отъ нихъ перешелъ къ намъ въ Европу. Затѣмъ она переходитъ къ женскому вопросу, указываетъ, что идеалъ мусульманства есть одна жена и одна любовь, но тѣмъ, которые не могутъ это вмѣстить, разрѣшается имѣть нѣсколько женъ при условіи, что они вполнѣ обезпечатъ ихъ и дѣтей своихъ. Женщина пользуется до самой своей смерти вниманіемъ и уваженіемъ, а не выбрасывается на улицу, вродѣ надоѣвшей игрушки, какъ мы это часто видимъ на Западѣ. У мусульманъ нѣтъ незаконныхъ дѣтей, и женщина гордится, если она становится матерью. Такое многоженство лучше и чище лицемѣрной моногаміи Европы, гдѣ такъ часто мужчина имѣетъ открыто одну жену, а на сторонѣ—нѣсколькихъ женъ и много незаконныхъ дѣтей. Мусульманинъ по крайней мѣрѣ не бросаетъ своихъ женъ и дѣтей и не прикрываетъ свои слабости личиной добродѣтели.

Въ сжатыхъ, мощныхъ чертахъ рисуетъ А. Безантъ ученія Ислама, его призывъ къ сотраданію, къ благочестію, къ правдѣ, иллюстрируя свои слова цитатами изъ Корана, доказывая, что Исламу не чуждо ученіе объ эволюціи и что рядомъ съ ортодоксальнымъ догматизмомъ въ немъ есть струя чистѣйшаго мистицизма. Къ высшей духовной жизни призываетъ Исламъ тѣхъ, кто умѣетъ читать Коранъ. Истинный мусульманинъ не можетъ пить, распутствовать и жить нечисто; онъ не можетъ проходить мимо страданія или мстить за свои обиды. Удивительное отношеніе мусульманина къ своей вѣрѣ свидѣтельствуетъ о силѣ ученія Великаго Пророка Аравіи и о томъ почетномъ мѣстѣ, которое Исламъ долженъ занимать среди великихъ религій міра.

Рѣчь А. Безантъ покрывается восторженными апплодисментами. Нѣсколько мусульманъ взволнованно выражаютъ свою благодарность Президенту Т. Общ-ва. Къ каретѣ А. Безантъ провожаетъ длинная вереница мусульманъ въ бѣлыхъ чалмахъ, и весело ви-

дѣть радостный блескъ многихъ черныхъ глазъ подъ живописнымъ уборомъ Востока.

7 Іюля. Сегодня А. Безантъ говоритъ въ Гельзенмайрѣ, въ 35 миляхъ отъ Лондона.

Послѣ 2½ часовъ быстрой ѣзды въ моторѣ по лугамъ и полямъ Альбіона, пролетѣвъ черезъ два крошечныхъ городка, мы *) въѣзжаемъ въ мѣстечко Гельзенмайръ, и автомобиль нашъ сворачиваетъ въ сторону къ домику ожидающей насъ г-жи Руссель, которая радостно насъ встрѣчаетъ. Ея усадьба расположена на нѣкоторой возвышенности и стоитъ вся въ цвѣтахъ и въ зелени. А. Безантъ отправляется въ приготовленную ей комнату и сейчасъ же располагается у окна, чтобы писать; она привыкла нигдѣ и никогда не терять времени и пользуется каждой свободной минутой для работы. Мы же съ хозяйкой и сыномъ ея отправляемся въ садъ; въ нашемъ распоряженіи до лэнча цѣлыхъ полтора часа. Какой удивительный садъ! Онъ не поддается описанію. Чудныя, синѣющія дали, сосновыя рощи, дикіе кустарники, верескъ, лопухъ, какіе-то овраги съ тропинками, и среди всей этой прелести нетронутой природы какъ бы случайно попали и расцвѣли чайныя розы, резеда, геліотропъ... Ни помину о клумбахъ, бесѣдкахъ и обыкновенныхъ дорожкахъ цвѣтника: все дышитъ и растетъ свободно, въ какихъ-то новыхъ, удивительно простыхъ и дивныхъ сочетаніяхъ. Мы садимся въ рощѣ подъ сѣнью сосенъ и слушаемъ щебетанье птицъ. Далеко, далеко остался Лондонъ со своими свистками, моторами и суетой...

Гонгъ насъ призываетъ къ лэнчу. Маленькая столовая съ раскрытой дверью въ садъ вся убрана цвѣтами. Привѣтливо улыбается г-жа Руссель, усаживая насъ за столъ. Изъ подъ бѣлаго чепца ея выбиваются сѣдые локоны и окаймляютъ ея еще красивое, морщинистое лицо. Гостепріимство, которое она намъ оказываетъ, поистинѣ царское и вмѣстѣ съ тѣмъ—удивительно простое и задушевное.

Послѣ лэнча мы снова отправляемся въ садъ; къ всеобщей радости А. Безантъ соглашается отдохнуть ½ часа въ ожиданіи своей лекціи и идетъ съ нами въ рощу. Она располагается на гамакѣ, а мы—у ногъ ея, на травѣ. Воцаряется молчаніе. А. Безантъ закинула руки за голову и смотритъ на небо, синѣющее между соснами. Она отдыхаетъ, а мы радуемся этому неожидан-

*) По приглашенію А. Безантъ ее сопровождаютъ представители Великобританскаго Т. Общ-ва Г-жа Модъ Шарпъ, секретарь Президента, Миссъ Эстеръ Брайтъ и представитель Р. Т. Общ-ва А. Каменская.

ному отдыху ея на лонѣ природы полѣ столь напряженныхъ дней безпрерывной работы. Въ глубокой тишинѣ, прерываемой лишь жужжаніемъ пчелъ, мы чувствуемъ благословенныя вибраціи ея думъ и глубокія струны души дрожатъ имъ въ отвѣтъ...

Въ четыре часа мы входимъ въ маленькое каменное зданіе, обвитое плющемъ, которое оказывается церковью свободной конгрегаціи. Она вся въ зелени и цвѣтахъ; раскрытыя двери образуютъ раму для синѣющихъ далей, а сквозь разноцвѣтныя готическія окна лучи солнца таинственно играютъ на стѣнахъ. Въ церкви прохладно и уютно. Скамьи всѣ заняты заинтересованой публикой. А. Безантъ всходитъ на небольшое возвышеніе и начинаетъ говорить. Мастерски очерчиваетъ она основныя положенія Теософіи, указывая на глубокія измѣненія, которыя это ученіе вноситъ въ жизнь человѣка и жизнь міра...

Рѣчь кончилась, и А. Безантъ сходитъ съ возвышенія, а публика сидитъ неподвижно, какъ будто все еще ожидаетъ чего-то, какъ-будто трудно ей вернуться къ землѣ, къ обыденнымъ мыслямъ и чувствамъ. Лишь поблѣднѣвшія лица и загорѣвшіеся глаза свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко потрясена ихъ душа, въ которой началась новая, таинственная, творческая работа духа...

Alba.

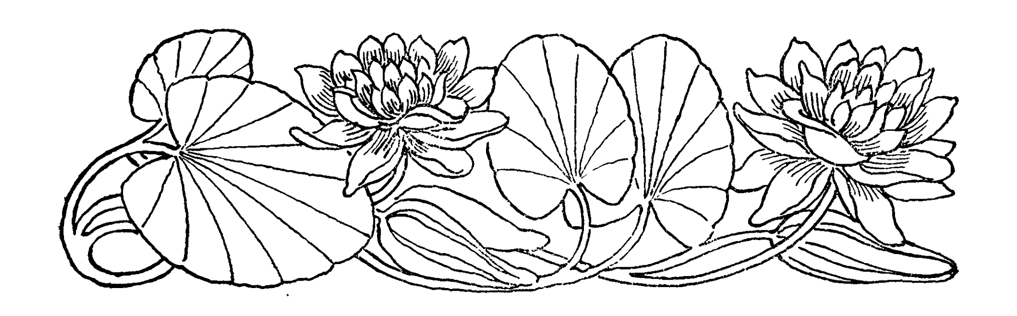

Кто знаетъ другихъ, тотъ уменъ.
Кто знаетъ самого себя, тотъ просвѣщенъ.

Кто превозмогаетъ другихъ, тотъ силенъ.
Кто превозмогаетъ самого себя, тотъ могуществѣнъ.

Кто умѣетъ быть довольнымъ, тотъ богатъ.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

Выставка международнаго союза ручного труда на Теософическихъ курсахъ въ Англіи 1911 года.

Пишу этотъ очеркъ подъ однимъ изъ развѣсистыхъ каштановъ, въ тѣни котораго здѣсь ежедневно устраиваются собранія и лекціи. Вблизи большой деревенскій домъ съ вновь построеннымъ отелемъ среди большого красиваго парка. Болѣе 300 человѣкъ собрались на курсы.

Это любопытное и весьма интересное собраніе. Тутъ люди всевозможныхъ вѣрованій и всѣ они съ утра до вечера заняты лекціями и диспутами то въ рядахъ слушателей, то выступая на платформѣ. Громадный шатеръ вмѣщаетъ болѣе 300 слушателей. Живописныя тропинки ведутъ къ нему со всѣхъ концовъ парка среди зеленыхъ лужаекъ, прудовъ, бесѣдокъ, цвѣтниковъ, группъ разнообразныхъ деревьевъ и пастбищъ. Лекцій такъ много, и онѣ такъ разнообразны, что, признаюсь, при одной мысли внимательно отнестись къ каждой изъ нихъ у меня кружилась голова. Между правильными утренними и вечерними лекціями происходили еще сверхпрограмныя лекціи почти подъ каждымъ большимъ деревомъ, украшавшимъ обширныя зеленыя лужайки. Выносились стулья, кресла и плетеные легкіе диванчики, и каждый лекторъ окружался толпой своей группы слушателей. Здѣсь ежедневно разъяснялись тонкіе тезисы Веданты ученымъ докторомъ-индусомъ, являлись представители различныхъ новыхъ религіозныхъ, философскихъ и этическихъ вѣяній новой теологіи Кэмпбеля, Багаизма и многихъ другихъ. Словомъ здѣсь подъ деревьями дополнялись и обсуждались оффиціальныя лекціи.

Когда являются люди, интенсивно создающіе новыя линіи мышленія жизни, и вынашиваются идеалы, долженствующіе завтра же сдѣлаться достояніемъ и свѣтомъ толпы—возможно ли всю эту работу воспрянувшаго духа умѣстить въ часовой лекціи? И вотъ бесѣды подъ каштанами сразу пріобрѣли важное значеніе, и живописныя группы теософской семьи и ихъ гостей располагаются вокругъ лекторовъ во всѣ свободные часы.

Обозначились и болѣе мелкія группы новыхъ попытокъ духа пробиться въ глубь, въ душу предметовъ, въ значеніе всѣхъ самыхъ простыхъ словъ, которыя мы употребляемъ почти безсознательно, по привычкѣ, ни разу не задумавшись о ихъ первоначальномъ значеніи или, напримѣръ, значеніи имени. Эти маленькія группы избрали себѣ мѣсто около пруда подъ тѣнистымъ ясенемъ, который какой-то добрый человѣкъ окружилъ лавочкой, а вблизи лежала срѣзанная береза; молодежь разсаживалась у ногъ лектриссы на травѣ. Они всѣ жадно внимали новой проповѣди. Птицы примѣшивали свое чириканье къ свободно льющемуся голосу и прибавляли какую-то очень важную и необходимую ноту къ этой задушевной бесѣдѣ. Всѣмъ было, видимо, уютно и хорошо и если кто-либо изъ другихъ группъ присаживался къ импровизованной аудиторіи, его встрѣчали гостепріимнымъ взглядомъ, не прерывая ни рѣчи, ни вниманія.

Это совершенно необыкновенное собраніе, такъ какъ несмотря на такое различіе мнѣній и убѣжденій, высказываемыхъ такъ свободно съ платформы и въ диспутахъ, я не встрѣчала ни разу ни гнѣва, ни раздраженія, ни даже нетерпѣнія.

Съѣздъ не ограничивался исключительно теософами, точно такъ же какъ Международный союзъ ручного труда не есть теософическое учрежденіе. Но такъ какъ цѣль и того и другого—объединеніе, Теософическое о-во любовно оказало собрату гостепріимство.

Въ „Главной залѣ“ нашъ почетный организаторъ союза, А. Л. Погосская, устроила выставку ручного труда. Я провела въ ней цѣлое утро, разсматривала прекрасныя выставленныя работы и слушала, какъ она своимъ неподражаемымъ языкомъ разсказывала о долгихъ годахъ своей работы среди русскихъ крестьянъ и о тѣхъ надеждахъ и цѣляхъ, которыя Международный союзъ ручного труда предполагаетъ осуществить.

„Двадцать лѣтъ“, говорила она мнѣ, „я выискивала средства разбудить любовь къ ручному труду“. На мой взглядъ, она сдѣлала больше. Международный союзъ былъ ея мечтой въ теченіи

двадцати лѣтъ, и вотъ, мечта эта осуществилась, но если бы не эти двадцать лѣтъ подготовительной работы—эта мечта осталась бы лишь мечтой.

Ужъ много лѣтъ она вывозитъ изъ Россіи въ Англію крестьянскія работы, такія работы, которыя основаны на давно забытыхъ традиціяхъ. Возстановленію ихъ помочъ англійскій сбытъ который раньше русскаго оцѣнилъ оригинальный характеръ этихъ издѣлій Исторія возстановленія этихъ древнихъ ремеслъ и искусствъ могла бы составить интересную, объемистую книгу. Если бы могли быть воспроизведены старинные, подлинные образцы, которые занимали большую стѣну и столы вдоль всей залы, попытки и эксперименты возстановленія съ разными матерьялами, свѣтописи, фотографіи и акварели, а также снимки на холстѣ, словомъ всѣ стадіи, черезъ которые терпѣливые труженики прошли, прежде чѣмъ достигли тѣхъ изящныхъ и оригинальныхъ „товаровъ“, выставленныхъ въ прекрасной витринѣ въ другомъ концѣ залы—это былъ бы трудъ который занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ художественныхъ ремеслъ. Я не припомню всего, что слышала объ этой работѣ, но меня поразила простота, съ которой моя собесѣдница приступала къ ней. Напримѣръ въ деревнѣ, когда приходила какая-нибудь крестьянка въ шитомъ головномъ, уборѣ *) или передникѣ, который поражалъ ее тонкостью работы и выдержаннымъ стилемъ, она ей говорила: „Если такъ умѣешь вышивать для себя, не хочешь ли по моему заказу вышивать полоски такого узора?“ И отъ такихъ, повидимому, ничтожныхъ начинаній разростались цѣлые промыслы, продолжающіе развиваться и теперь.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что А. Л. Погосская права, когда говоритъ, что наши болѣзни и нравственные недуги произошли отъ потери постоянной любви къ труду—любви къ труду какъ выраженію души.

Эта пропаганда конечно не нужна тѣмъ людямъ, которые производятъ эти чудныя работы, такъ какъ эта самая любовь къ труду одно изъ очевидныхъ условій ихъ издѣлій. Внѣ этой любви *невозможна* хорошая работа. Но тѣмъ, которые посѣщаютъ депо на улицѣ Бондъ въ Лондонѣ для покупки русскихъ крестьянскихъ издѣлій, идеи моей собесѣдницы кажутъ волшебной сказкой, чѣмъ-то отдѣльнымъ и непонятнымъ для нихъ. Имъ нравится покупать вещи изъ этого волшебнаго міра и только.

---

*) Сорока.

Большинство людей смотрятъ на трудъ какъ на необходимое зло или даже проклятіе. Они неправильно поняли притчу Ветхаго Завѣта въ которой Богъ проклинаетъ землю.—Почему? *Ради человѣка*. Слова эти всегда приводятся отдѣльно отъ связаннаго съ ними текста. Но притча эта выражаетъ истину, свойственную сущности вещей: когда Богъ говорилъ Адаму „я прокляну землю.., *тебя ради*". Это не было неразумнымъ произвольнымъ наказаніемъ, а выраженіемъ милосердія. Это таинство.

Въ книгѣ г-жи Буль „Значеніе психическихъ наукъ *) есть глава, посвященная необыкновенной цѣлительной силѣ „труда", она объясняетъ, какъ во время этого процесса мы, въ сущности, воспринимаемъ жизненную силу изъ невидимаго міра.

Какимъ же образомъ мы утеряли до такихъ колоссальныхъ размѣровъ любовь къ труду?

Это несомнѣнно началось съ ошибки тѣхъ, которые смотрѣли на трудъ, какъ на зло, и потому изыскивали средство уклониться отъ этого долга и привиллегіи зарабатывать свой хлѣбъ насущный. Тогда они поработили своихъ ближнихъ и заставили ихъ работать вдвое и втрое больше своей настоящей доли. На этомъ пути многое спуталось и смѣшалось и выродилось до неузнаваемости. Случайное послѣдованіе различныхъ фазисовъ труда нарушилось. Когда то крестьянки занимались пряжей, которая заполняла всѣ досуги. Всѣ женщины и дѣвушки пряли на посидѣлкахъ, за пѣснями и сказками и въ зимнія вьюги, и въ дождливые дни и вечера выпрядалась тонкая пряжа. И не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ.

Разъ въ годъ, весной въ нѣсколько недѣль одна изъ семьи ткала, и въ эти короткія недѣли приготовлялись шерстяныя и льняныя ткани, на которыя уходилъ весь годовой запасъ приготовленной пряжи.

Появленіе широкаго ткацкаго станка вытѣснило тканье изъ избы *мелкаго производителя* въ болѣе просторныя помѣщенія и неизбѣжно повлекло за собой машинную пряжу. Пряжа относится къ *тканью* такъ же какъ пахотьба, бороненіе, посѣвъ, полотье и общій уходъ за полями къ *жатвѣ*. Жатва есть финалъ цѣлаго цикла процессовъ труда. Такъ точно и тканье есть лишь конечный моментъ предыдущихъ работъ семьи за цѣлый годъ *въ связи* съ общимъ бюджетомъ хлѣбопашца.

---

*) Mrs. Boole. Message of Psychie Science.

Поэтому ошибаются тѣ, которые желая возстановить старинныя ремесла, заводятъ тканье не въ связи съ другими его аттрибутами, какъ воздѣлываніе льна, и т. д. Учить людей ткать и только ткать подобно тому, какъ если бы вздумали учить людей жать круглый годъ, не думая о посѣвѣ и уходѣ за полемъ. Въ результатѣ является необходимость прибѣгать къ машинной пряжѣ и получается ткань, ни въ чемъ не отличающаяся отъ машинной, такъ какъ индивидуальность или красота ткани зависитъ не отъ тканья, а отъ пряжи. Идея ручного тканья безъ ручной пряжи совершенно неестественна — это фабричная идея. Разбивать естественный порядокъ, значитъ разбивать красоту и радость труда.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ препятствій, въ смыслѣ красоты нашихъ современныхъ издѣлій, является наша система химической окраски. Это пошло со временъ Бунзена, открывшаго анилиновыя краски. Старинное искусство растительной окраски почти замерло къ тому времени, когда крестьянская работа „на себя“ смѣнилась, подъ гнетомъ безземелья, работой на продажу—промысломъ. „Какимъ волшебствомъ вернуть его снова къ жизни“? раздумывала моя собесѣдница. Кругомъ всѣ утверждали, что это совершенно невозможно, что это безумная мечта, когда тѣ, которые знали всѣ тайны этого искусства, давно сошли въ могилу, не пытаясь закрѣпить своего опыта и техники чуждой имъ грамотой. Но А. Л. Погосская продолжала собирать рецепты растительной окраски, сохранившіеся въ старинныхъ книгахъ и фамильныхъ архивахъ, разыскивала травяныя лавочки въ провинціальныхъ городкахъ, добывала тамъ матеріалы въ видѣ сушеныхъ цвѣтовъ, коры, листьевъ, ягодъ и орѣховъ, содержавшихъ красильныя свойства, и кромѣ того пригласила въ помощницы старушку-мордовку, которая умѣла окрашивать шерсть. Послѣ предварительныхъ опытовъ она устроила красильню исключительно растительныхъ красокъ.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ экспонатовъ выставки неоспоримо является систематическій экспонатъ г-жи Погосской съ коллекціями пигментовъ, и таблицами окрашенныхъ шелковъ, шерстей, бумажныхъ и льняныхъ нитокъ, затѣмъ образцы тканей всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Посрединѣ стѣны расположены были старинныя русскія одежды и ткани, богатая коллекція кокошниковъ и сорокъ, фаты, кафтанчики, косоклинные парчевые сарафаны, плахты, паневы, все перехваченное старинными серебряными цѣпочками, подвѣсками и старинными шелковыми поясами мягкихъ и нѣжныхъ тоновъ. Все это ясно указывало на источникъ вдохновенія выраженнаго въ выставленной

коллекціи растительной окраски, и сказалось въ тѣхъ же мягкихъ гармоничныхъ цвѣтахъ, вновь выглянувшихъ на свѣтъ Божій послѣ вѣкового забвенія.

Я думаю никто изъ посѣтителей выставки, налюбовавшись на эти чудные оттѣнки и, сравнивая ихъ съ нашими современными жидкими цвѣтами, не приминулъ пожалѣть о сдѣланномъ Бунзеномъ открытіи или, по крайней мѣрѣ, не подосадовалъ на злоупотребленіе, къ которому оно привело.

Спрашивается, не дешевле ли химическая окраска? Нѣтъ, препятствіе къ возстановленію растительнаго крашенія совсѣмъ не въ дѣлѣ матеріаловъ. Что можетъ быть дешевле, напримѣръ, луковаго пера, изъ котораго добывается нѣжный зеленовато-желтый цвѣтъ, или оттѣнокъ стараго золота? Затрудненіе не въ этомъ. Нынѣ господствующая химическая окраска не требуетъ искусства „нажмите пуговку", и дѣло въ шляпѣ. Каждый въ состояніи пользоваться формулой и получить всегда тотъ же самый цвѣтъ. Но растительная окраска аналогична кулинарному искусству; употребляя одинъ и тотъ же рецептъ, одна стряпуха спечетъ прекрасное легкое печенье, а другая тяжелое и неудобоваримое. Хорошій растительный красильщикъ долженъ быть художникомъ, любить свое дѣло, и тогда въ результатѣ получится красота и удовлетвореніе.

Окрашивать прочную, красивую, ручную ткань химическими красками, которыя полиняютъ отъ солнца или воды или даже сырой погоды, или вышивать на такой ткани линючими шелками и лавочной бумагой казалось до того нелѣпымъ и не художественнымъ, что моей собесѣдницѣ не оставалось другого исхода какъ заняться возстановленіемъ стариннаго искусства растительной окраски, и съ тѣхъ поръ это сдѣлалось ея „любимымъ дѣтищемъ".

Интереснымъ мнѣ показались техническія объясненія о стоимости и значеніи протравъ, изъ которыхъ видно, что прочность растительной окраски обусловливается *честностью* красильщика, а такъ какъ ни ткачество ни вышиваніе не могутъ существовать безъ окраски—оно имѣетъ еще и *объединяющія* свойства.

Любопытно также и то, что многія изъ красильныхъ растеній обладаютъ также *лечебными* и противозаразными свойствами. Въ примитивной русской деревнѣ, красильщица часто является и мудрицей (знахарка) и почитается всей общиной.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ мной отъ моей собесѣдницы, она рѣдко дерзала *учить* крестьянъ, для искусства которыхъ она произвела тѣмъ не менѣе такую большую работу.

Когда двадцать лѣтъ тому назадъ она взялась за возстановленіе ткачества и вышивокъ, ея цѣль была разыскать традиціонные рисунки и пріемы, учиться, а не учить. Она такъ заботилась о томъ, чтобы ничего внѣшняго не *навязывать*, а *вызывать* изъ забвенія существующіе наслѣдственные таланты, что въ первые годы не давала въ данной мѣстности рисунковъ и образцовъ другихъ губерній, а терпѣливо искала такихъ женщинъ, которыя еще помнили работу матерей и бабушекъ или, по крайней, мѣрѣ обладали какими-нибудь одеждами, сработанными по старинному способу и узору. На выставкѣ отведено большое мѣсто этимъ стариннымъ образцамъ, которыя она свято сохранила, а рядомъ съ ними новые, возстановленные экземпляры.

Современныя, ремесленныя школы вмѣсто изученія старинной традиціонной работы, вводятъ идеи извнѣ, онѣ не производятъ жизненнаго ничего, что бы выражало работницу, ея любовь и радость въ работѣ; поэтому то такія учрежденія обыкновенно нуждаются въ филантропическихъ мѣрахъ для ихъ существованія, что представляетъ ложное и нездоровое построеніе.

Сначала трудно было получить хорошую цѣну за крестьянскія работы. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ ея распоряженіи были не исключительно ручные матеріалы и приходилось вышивать химически окрашенной бумагой и шелками. Какъ только удалось снабжать работницъ ручными тканями и нитками, окрашенными растительными красками, оригинальность и стильность работъ проявились въ такой силѣ, что цѣны, а также и заработная плата могли быть сразу подняты. Вотъ это очень важное условіе, которое можетъ бороться съ „эксплуатаціей“ *) гораздо существеннѣе законодательства.

Одной изъ цѣлей, которой задается выставка международнаго союза ручного труда — показать наглядно какъ различныя народности могутъ и уже помогаютъ одна другой выяснить идею единства, которая лежитъ въ основѣ взаимопомощи. Въ большой витринѣ показаны великолѣпныя работы, въ которыхъ соединился трудъ Россіи и г. Лидсъ. Вся бѣлая работа, холстъ, кружево и строчка сдѣланы были русскими крестьянками, а вся цвѣтная, многодѣльная, изящная вышивка была исполнена профессіональными вышивальщицами г. Лидсъ.

Валлійскіе ткачи и Сицилійскія вышивальщицы соединились въ другомъ большомъ экспонатѣ. И на будущій годъ къ этому

*) Sweating.

большому производству примкнутъ и русскія работницы. Стоило бы подольше остановиться на этихъ прелестныхъ сицилійскихъ работахъ которыя могутъ наглядно служить звеномъ между строчкой и кружевомъ point *). Учрежденіе это выросло въ теченіи всего 8 лѣтъ. Исторія его довольно интересна. Г-жа Гиль, имѣя помѣстье въ Валлисѣ и приглядываясь къ окружающему населенію, нашла возможнымъ придти ему на помощь организуя, сбытъ для шерстяныхъ тканей, которыя выдѣлываются въ этой мѣстности. Случилось такъ, что отецъ ея купилъ помѣстье въ Сициліи и полный такого же сочувственнаго отношенія къ окружающему населенію, устроилъ ремесленную школу для дѣвочекъ. Работы этой школы стали охотно раскупаться, и вскорѣ дѣйствовало уже 8 школъ, и для большинства работъ стали употреблять Валлійскія шерстяныя ткани. Такимъ образомъ изготовляются цѣлыя платья, блузы, подушки, портьеры и занавѣси. Вскорѣ все это учрежденіе вошло въ составъ ассоціаціи домашнихъ художественныхъ искусствъ **) которое помѣщаются въ знаменитомъ зданіи Albert-Hall и устраиваетъ разъ въ годъ индустріальную выставку. Землетрясеніе въ Мессинѣ разрушило пять изъ этихъ школъ. Но такъ какъ они уже встали на прочную ногу и имѣютъ свой магазинъ въ Лондонѣ, можно надѣяться, что школы эти снова возродятся.

Другой ткацкій экспонатъ выставленъ маленькой общиной фабричныхъ дѣвушекъ, которыя по иниціативѣ одной изъ своей группы, стремясь промѣнятъ фабричную атмосферу на сельскую, устроились въ одной изъ деревень Кента, на разстояніи часа ѣзды отъ Лондона и завели ткацкую. Опытъ первыхъ лѣтъ доказалъ и въ этомъ случаѣ неудовлетворительность тканья изъ машинной пряжи, и съ помощью русскаго склада въ Лондонѣ въ настоящее время ткутъ изъ пряжи, выпряденной русскими крестьянками.

Многіе изъ посѣтителей этой выставки высказывали такое мнѣніе, что трудно ожидать художественныхъ способностей отъ британцевъ, которые такъ давно разобщены съ своей примитивной жизнью. Но и на это выставка даетъ краснорѣчивый отвѣтъ, Были въ ней экспонаты, обнаруживающіе вполнѣ врожденныя способности британскихъ женщинъ, когда имъ даны шансы развитія, хотя эти индустріальныя гнѣзда, за исключеніемъ Ирландіи, и не многочисленны и должны бороться съ большими затрудненіями, чѣмъ Россія—кустарныя промыслы которой въ тѣсной связи съ

*) Иголочное кружево.

**) Home Arts association.

землепашествомъ. Руководители, воскресшаго въ Англіи движенія въ пользу „мелкихъ надѣловъ“ *) серьезно задумываются надъ вопросомъ побочныхъ зимнихъ промысловъ для всѣхъ тѣхъ, которые въ настоящее время отдались тягѣ къ землѣ **). Страшно было слышать аргументаціи русской женщины, взявшей на себя трудъ не только приводить аргументы въ пользу существованія англійскаго народнаго творчества, но и позаботившейся выставить старинные и современные образцы его.

На ряду съ русскими крестьянскими серебряными и латунными ювелирными работами, поражавшими своей оригинальностью и дешевизной, выставлены были тонкія ювелирными работы и г-жи Прейсъ изъ „города-сада“ Лэтчьвортъ.

Въ маленькихъ витринахъ по стѣнамъ выставлены были дѣтскія платьица изумительной англійской работы изъ Сальсбюри, Вильтшайръ и другихъ мѣстностей, затѣмъ вышивки по русскому холсту и русскими бѣлыми и цвѣтными нитками, изготовляемыми исключительно калѣками.

Нельзя не остановиться на одномъ изъ самыхъ крупныхъ англійскихъ центровъ ручного труда въ маленькомъ живописномъ городкѣ Гэзельмиръ. Это „общество крестьянскихъ искусствъ“. Эта группа не поддалась весьма общей ошибкѣ неопытныхъ энтузіастовъ, производить товары, не озаботясь о ихъ сбытѣ. Общество имѣетъ два магазина, одинъ въ Лондонѣ, другой въ Гэзельмирѣ. Кромѣ того, оно купило недавно цѣлый музей и открыло его для публики и многочисленныхъ туристовъ въ Гэзельмирѣ. Эти образцы старинныхъ народныхъ издѣлій будутъ всегда служить вдохновеніемъ для современныхъ издѣлій этой мѣстности. Кромѣ того общество служитъ агентомъ для итальянскихъ и германскихъ ручныхъ работъ, что снова объединяетъ народности. Среди же послѣднихъ выставлена керамиковая посуда для дачъ и артистическія мѣдныя издѣлія въ старинномъ стилѣ: грѣлки, кувшины, вазы, котелки и всевозможная домашняя утварь.

Пріятно было увидать также большой столъ, сплошь уставленный посудой съ безвредной поливой ***). Пора подумать и о томъ, какими жертвами мы безсознательно пользуемся въ ежедневномъ обиходѣ.

---

*) Small holdings.

**) Back to the land movement.

***) Leadles glaze. Свинецъ въ поливѣ производитъ страшныя болѣзни рабочихъ на фарфоровыхъ и фаянсовыхъ фабрикахъ.

Весьма хорошенькій экспонатъ г-на Ловетъ привлекалъ всѣ сердца: крошечныя вазочки, наполненныя растущими альпійскими растеніями. Мнѣ сообщили, что эти альпійцы могутъ расти повсюду на балконахъ, на косякахъ оконъ и т. д. и нуждаются въ водѣ только разъ въ недѣлю. Такимъ образомъ бѣдные горожане, тѣснящіеся въ крошечныхъ квартиркахъ, могутъ доставить себѣ роскошь постоянной живой зеленью.

Я не могу, конечно, дать даже приблизительное описаніе превосходныхъ работъ, которыя видѣла. Надо *видѣть*, чтобы оцѣнить ихъ. Время, мѣсто и мои собственныя способности ограничиваютъ сказанное. Поэтому я заключу словами нашего организатора: „нашъ трудъ есть любовь". Его цѣль—возстановить утерянную любовь къ труду и черезъ трудъ и любовь товарищей,—любовь всего человѣчества. Кто придетъ къ намъ на помощь?

Флорэнсъ Даніель.

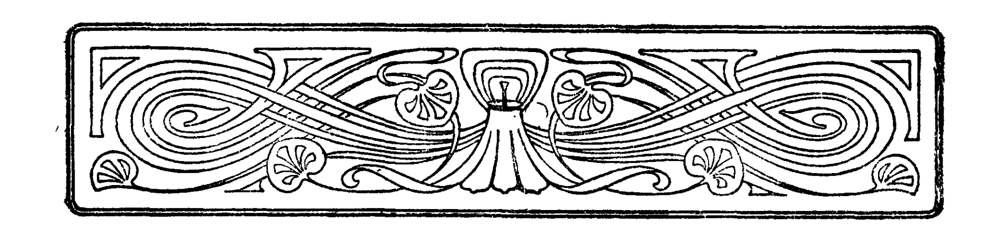
Составъ комитета Международнаго союза ручного труда:

Президентъ—Вальтеръ Крэнъ.
Вице-президентъ— г-жа Деспардъ.
Предсѣдатель—Д. Н. Донлопъ.
Организаторъ—А. Л. Погосская.
Казначей—А. Бозманъ.
Секретари: г-жа Лейзенрингъ, г-жа А. Смитъ.
Главная квартира: Blavatsky institute Hall Cheshire.
Лондонскій отдѣлъ: 41 Old Bond St. London w.

Оставьте мудрость и бросьте умственность, и благоденствіе народовъ во сто разъ увеличится.

(Изреченіе изъ Лао-Тзе).

Хроника Теософическаго движенія.

— VI международный Конгрессъ Теософическаго Общества, назначенный на 17—21 сентября въ Генуѣ, не состоялся, такъ какъ А. Безантъ, Президентъ Всемірнаго Теософическаго Общества, не могла на немъ быть. Предсѣдательница Россійскаго Теософическаго Общества А. А. Каменская предложила собравшимся использовать съѣздъ для ознакомленія съѣхавшихся съ работой на мѣстахъ и для обсужденія какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ вопросовъ по Теософіи. Предложеніе было принято единогласно и, избравъ А. А. Каменскую предсѣдательницей, съѣхавшіеся приступили къ работѣ.

— Въ теченіе истекшаго лѣта шла чрезвычайно дѣятельная теософическая работа въ Англіи. Президентъ Теософическаго Общества А. Безантъ прочла въ Лондонѣ серію публичныхъ и двѣ серіи лекцій для членовъ Теософическаго Общества. Публичныя лекціи были на слѣдующія темы:

„Неизбѣжныя физическія перемѣны въ скоромъ будущемъ".

„Вселенская Религія".

„Пришествіе Вселенскаго Учителя".

„Революція или самопожертвованіе"?

„Догматизмъ и мистицизмъ".

А. Безантъ читала лекціи также во многихъ другихъ городахъ Англіи и Шотландіи.

Закончился теософическій сезонъ въ Англіи Великобританскимъ съѣздомъ 8—11 іюля, на который съѣхались представители всѣхъ англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ центровъ. Были также представители отъ Франціи, Швеціи, Норвегіи, Голландіи, Даніи, Германіи, Америки, Индіи и Россіи. Предсѣдательствовала А. Безантъ. Присутствовали также Кришнамурти (Алькіоне, авторъ книги „У ногъ Учителя", и его братъ. Съѣздъ прошелъ ожи-

вленно и интересно. Онъ открылся вечеромъ, на которомъ труппой любителей-теософовъ была поставлена драма Ибсена „Перъ Гинтъ“. Пьеса сопровождалась интересными комментаріями режиссера, артистки г-жи Паганъ. Слѣдующій день былъ посвященъ дѣловому собранію, на которомъ былъ объявленъ уходъ г-жи М. Шарпъ *) съ поста секретаря и выборы новаго генеральнаго секретаря Ж. Веджвуда. Общество горячо благодарило М. Шарпъ за ея самоотверженную дѣятельность.

Съѣздъ закончился пріемомъ пріѣхавшихъ представителей, общимъ чаепитіемъ и собраніемъ Ордена Служенія, на которомъ читались годовые отчеты примкнувшихъ къ нему группъ. Такихъ группъ въ Англіи оказалось 7:

Помощь слѣпымъ (печатаніе для нихъ теософическихъ книгъ)

Помощь бѣднымъ дѣтямъ.

Борьба съ вивисекціей.

Борьба съ вивисекціей и всякаго рода прививками.

Эсперантисты.

Молитвенный союзъ мира и любви.

Соціальная группа (вопросы воспитанія и тюремные).

Всѣ отчеты указывали на интересные результаты, достигнутые различными лигами Ордена Служенія за кратковременное его существованіе.

На съѣздѣ было объявлено открытіе новаго національнаго Теософическаго Общества, Бельгійскаго.

═ Въ теченіе лѣта было еще три теософическихъ съѣзда въ Англіи: съѣздъ федераціи южныхъ центровъ, съѣздъ федераціи центровъ средней Англіи и съѣздъ сѣверной федераціи, наиболѣе численный и интересный.

Съѣздъ (69-й по числу) сѣверной федераціи происходилъ въ извѣстномъ мѣстечкѣ Харрогэтъ, гдѣ много лѣтъ уже происходитъ серьезная теософическая работа. По случаю съѣзда А. Безантъ прочла 3 публичныя лекціи: „Вселенская религія“, „Оккультная іерархія“ и „Путь къ Посвященію“.

═ Г. П. Синнеттъ снова вступилъ въ Теософическое Общество и принялъ предложеніе А. Безантъ стать вице-предсѣдателемъ Общества **). По этому случаю обнародована слѣдующая переписка Президента съ г. Синнеттъ:

17 іюля 1911 года.
82, Дрэйтонъ Гарденсъ.

---

*) М. Шарпъ уѣзжаетъ на 2 года въ Индію.

**) Субраманія Айэръ оставилъ этотъ постъ по соглашенію съ Президентомъ.

Дорогой г. Синнеттъ!

„Вы такъ много сдѣлали для распространенія Теософіи на западѣ, что странно вамъ стоять до сихъ поръ внѣ Теософическаго Общества. Наши недавнія бесѣды показали, что нѣтъ серьезныхъ причинъ для такого отчужденія, и я убѣждена, что наша работа выиграетъ, если мы соединимся. Поэтому я пишу Вамъ и предлагаю снова принять на себя постъ вице-предсѣдателя Теософическаго Общества, дабы мы могли по всѣмъ текущимъ вопросамъ пользоваться вашими совѣтами, а также оказать Вамъ то вниманіе и честь, которыя Вы заслуживаете.

Остаюсь искренно преданная Вамъ Анни Безантъ,

Президентъ Теософическаго Общества".

На это послѣдовалъ отвѣтъ:

59, Жерминъ стритъ,
19 іюля 1911 года.

Дорогая г-жа Безантъ!

„На Ваше сердечное письмо можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Продумавъ все, чувствую нелѣпымъ оставаться внѣ Теософическаго Общества; если въ чемъ лично мы и не сходимся, то насъ соединяютъ болѣе широкія симпатіи. Кромѣ того, я вѣрю, что Ваше предложеніе находится въ согласіи съ тѣми желаніями, которыя мы оба глубоко чтимъ, и потому я принимаю безъ колебаній Ваше предложеніе.

Радуюсь энтузіазму и интересу Общества, возбужденнымъ Вашей работой въ Европѣ.

Остаюсь всегда искренно преданный Вамъ А. П. Синнеттъ".

= Д. Граамъ Поль снова выбранъ генеральнымъ секретаремъ Шотландіи.

= Въ Венгріи представителемъ Теософическаго Общества выбранъ проф. Робертъ Нэдлеръ, проживающій въ Будапештѣ (Andrassy ut, 71).

= На годовомъ съѣздѣ Скандинавскаго Теософическаго Общества въ Копенгагенѣ генеральнымъ секретаремъ выбранъ снова Густавъ Кинель.

= Въ августѣ, въ Англіи были снова организованы Теософическіе Курсы, подъ названіемъ „Теософическая Лѣтняя Школа" (Summerschool). При курсахъ была организована выставка международнаго союза ручного труда.

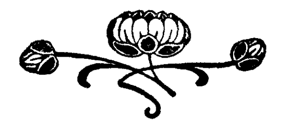
═ По приглашенію Венгерской секціи Предсѣдательница Россійскаго Теософическаго Общества А. А. Каменская прочитала въ Будапештѣ лекцію на тему: „Миссія Теософическаго Общества". Въ тотъ же вечеръ А. В. Унковская сдѣлала докладъ: „Метода—цвѣтъ—звукъ—число".

═ 23 сентября въ Полтавѣ А. А. Каменская прочитала публичную лекцію на тему: „Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры".

═ 21 и 23 сентября въ Одессѣ К. Д. Кудрявцевъ прочелъ двѣ публичныя лекціи на тему: „Основныя положенія Теософіи" и „Излученіе человѣческаго тѣла".

═ 28 сентября въ Кіевѣ К. Д. Кудрявцевъ прочелъ публичную лекцію на тему: „Излученіе человѣческаго тѣла".

═ 17 сентября состоялось первое закрытое Собраніе Теософическаго Общества въ Петербургѣ.

Какъ ни пріятно быть царемъ и ѣхать на четвернѣ, но все-таки лучше, сидя на одномъ мѣстѣ, совершенствоваться въ Тао.

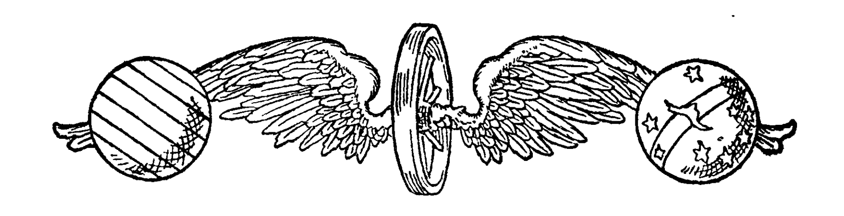
На вражду отвѣчайте добромъ.

Кто богатъ, почитаемъ и гордъ, тотъ самъ себѣ готовитъ несчастья.

Если человѣкъ не боится того, что дѣйствительно страшно, то приходитъ самое страшное.

Истинныя слова непріятны; пріятныя слова не истинны.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

Хроника жизни.

— Изданы „Письма Л. Н. Толстого, собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко“ (т. I и II. К—во „Книга“ 1911 г.). „Это—повѣсть духовныхъ кризисовъ Льва Николаевича, изложенная въ его перепискѣ, охватывающей болѣе чѣмъ шестидесятилѣтній періодъ времени“—такъ говоритъ авторъ замѣтки объ этомъ изданіи въ журналѣ „Аполлонъ“. Первыя страницы этой переписки написаны „самымъ пустяшнымъ малымъ“, безусымъ юношей, а послѣднія—написаны перомъ прославленнаго мудреца своего времени, съ тайнымъ неугасающимъ порывомъ къ „жизни бездомнаго бродяги, которая свойственнѣе всего человѣку, желающему исполнить ученіе Христа“ (письмо отъ 18 февраля 1909 г.). Въ письмахъ Толстого ярко отразились всѣ его „духовные возрасты“. Тутъ и безшабашные юнкерскіе годы... затѣмъ—четверть-вѣковой періодъ жизни образцоваго помѣщика и семьянина, занимающагося литературой „между коростой и навозомъ“ и озабоченнаго расширеніемъ своего земельнаго богатства, и, наконецъ, житіе мыслителя и проповѣдника, котораго проповѣдь личнаго совершенствованія переходитъ въ борьбу съ государственностью, ставящей свои политическія и общественныя нужды выше духовныхъ благъ личности, онъ находитъ свой синтезъ въ полномъ отрицаніи всего земного, временнаго, раскрываясь въ чистой христіанской морали, не связанной съ какимъ-либо опредѣленнымъ культомъ. „Сущность христіанства... въ томъ, пишетъ Толстой, что жизнь человѣка въ этомъ мірѣ, въ короткій срокъ этой жизни, получаетъ вѣчный радостный смыслъ“. (Письмо 5 марта 1905 г.).

— Недалеко отъ Амстердама, въ прекрасной, живописной мѣстности Ларенъ существуетъ уже около 8 лѣтъ „Humanitaire school“ (Гуманитарная школа), учрежденная профессоромъ, вегетаріанцемъ, г. Ванъ-Рейсомъ.

8 лѣтъ тому назадъ профессоръ Ванъ-Рейсъ предоставилъ безвозмездно выдающемуся голландскому педагогу вегетаріанцу г. Коръ-Брайну часть своего дома для обученія нѣсколькихъ дѣтей (тогда ихъ

было семеро) согласно новымъ гуманитарнымъ воззрѣніямъ. Въ виду блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ въ первые годы существованія „гуманитарной школы“, послѣдняя стала быстро расти и развиваться. Ванъ-Рейсъ предоставилъ для школы весь свой домъ съ садомъ и прилегающей землей. Въ школѣ теперь обучаются болѣе 60 учащихся обоего пола. Въ ней нѣтъ ни директора, ни инспектора, а всѣ дѣла школы рѣшаются совѣтомъ преподавателей и преподавательницъ. Весь педагогическій составъ обязательно долженъ состоять изъ вегетаріанцевъ. Воспитанникамъ же предоставляется полная свобода въ выборѣ пищи, однако, результатъ тотъ, что 50% школьниковъ—вегетаріанцы. Дѣти обоего пола воспитываются совмѣстно и изучаютъ также сообща всякія работы, какъ, напримѣръ, рукодѣліе, шитье, лѣпную, плотничью работу, садоводство, пчеловодство, огородничество и пр. Также экскурсіи бываютъ общія. Все это заставляетъ дѣтей съ ранняго дѣтства относиться другъ къ другу съ уваженіемъ и цѣнить всякій трудъ, какъ бы невеликъ и незначителенъ онъ ни былъ. Въ школу принимаются дѣти богатыхъ и бѣдныхъ родителей. Плата зависитъ отъ состоянія и личнаго желанія родителей содѣйствовать этому полезному дѣлу. Учащіеся большей частью приходящіе, только нѣкоторые пансіонеры. Для послѣднихъ—столъ вегетаріанскій. Одна изъ существенныхъ задачъ школы—развитіе индивидуальнаго воспитанія, поэтому у каждаго преподавателя или преподавательницы не больше 12 учащихся. Все это даетъ педагогамъ возможность изучать характеръ каждаго ребенка и соотвѣтственно этому развить его способности. Что же касается религіи, то, не касаясь религіозныхъ воззрѣній родителей воспитанниковъ, „гуманитарная школа“ старается воспитать въ дѣтяхъ чувство любви и уваженія ко всѣмъ главнымъ религіознымъ истинамъ всѣхъ народовъ. Въ особенности стараются научить дѣтей любить ближняго и все живое. Большое вниманіе обращено въ школѣ на болѣе равномѣрное воспитаніе дѣтей, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Для этой цѣли дѣти, кромѣ предметовъ обыкновенной школы, занимаются еще практическими работами въ области физическаго и умственнаго труда. Это воспитаніе дало уже свои плоды въ томъ отношеніи, что дѣти съ большой охотой и удовольствіемъ всегда исполняютъ эти практическія работы, дающія имъ увѣренность въ пригодности и ихъ маленькихъ силъ. Принимаются дѣти отъ 5 до 15 лѣтъ. Кромѣ иностранныхъ языковъ, изучаютъ также эсперанто. Адресъ г. Коръ-Брайна: Голландія. Cor-Bruyn, Blarikum. Laren (Holland). Humanitaire School.

═ Во всѣхъ слояхъ англійскаго общества Библія пользуется большимъ вниманіемъ. Въ текущемъ году тамъ празднуется трехсолѣтіе

изданія Библіи въ общепринятомъ текстѣ на родной языкъ. Событіе это считается національнымъ праздникомъ, и ученые люди, даже далекіе отъ теологическихъ интересовъ, не стѣсняются обнаруживать свой особенный интересъ къ Библіи. Въ самомъ дѣлѣ, Ветхій Завѣтъ это—совокупность письменныхъ документовъ несомнѣнной древности. Какова бы ни была историческая достовѣрность этихъ документовъ во всемъ, что касается человѣка, во всемъ, касающемся флоры и фауны, эта достовѣрность почти безспорна... Упоминаемые въ ней организмы дѣйствительно существовали въ тѣхъ странахъ, гдѣ писались эти книги или гдѣ жили люди, о которыхъ говорится въ этихъ книгахъ, т. е. въ передней Азіи и въ нижнемъ Египтѣ. А это для исторіи организмовъ и ихъ разселенія представляетъ первостепенную важность. И вотъ теперь, по случаю трехсотлѣтняго юбилея англійской Библіи, администрація Британскаго музея намѣрена устроить въ одномъ изъ своихъ залъ спеціальную выставку библейскихъ животныхъ, растеній и минераловъ. Это будетъ самой необыкновенной и оригинальной выставкой, какую только видѣла широкая публика.

═ Царица Тайя. Въ Парижѣ вышла книга „Dieux et Rois d'Egypte", переносящая насъ, силою знанія, въ тѣ древнія области міра, гдѣ процвѣтали наиболѣе пышныя цивилизаціи. Написавшій эту книгу Александръ Морэ—ученый египтологъ, извѣстный своими трудами о древнемъ культѣ египтянъ.

Одна изъ главъ книги посвящена вліянію Египта на гомеровскій эпосъ. Гробницы древнихъ некрополей, какъ извѣстно, охотно посѣщались греками, имѣвшими свободный доступъ въ Египетъ и египетская живопись и скульптура оказали свое вліяніе на слагателей древнихъ греческихъ былинъ,

Авторъ переходитъ затѣмъ къ культу Озириса. Кто такой Озирисъ? Относительно этого существуетъ сомнѣніе. Плутархъ допускаетъ, что преданіе объ Озирисѣ основано на подлинныхъ фактахъ и дѣйствительныхъ событіяхъ. Смерть и воскресеніе Озириса славились въ древности, какъ позднѣе прославились смерть и воскресеніе Христа. Воспріявъ смерть, расчлененіе и погребеніе въ землю, Озирисъ, говоритъ Морэ, принесъ себя въ жертву за всѣхъ, сталъ искупителемъ человѣчества и указалъ ему путь. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Морэ, въ египетской религіи мы находимъ Озириса „спасителя" и упорную надежду на возстановленіе его культа, который будетъ вѣчнымъ.

Великолѣпно написанная глава посвящена таинствамъ Изиды. При перечисленіи религіозныхъ переворотовъ, пережитыхъ Египтомъ, останавливаетъ вниманіе имя Аменофиса III, одной изъ женъ котораго суждено было стать знаменитой: прекрасной Тайѣ, матери Амено-

фиса IV. По смерти своего супруга, она приняла регентство и выдѣлилась среди другихъ правителей страны своей жестокостью и распущенностью. Она произвела наиболѣе важный для Египта религіозный переворотъ, установивъ культъ солнца, вмѣсто культа бога Аммона. Ловкая въ политикѣ, она поддерживала власть хитростью и запугиваніемъ. Въ каирскомъ музеѣ хранится ея портретъ, и она выглядитъ на немъ женщиной съ правильными чертами лица, напоминающей хищное животное. Но вотъ чудо, говоритъ „Siècle“: царица Тайя находится теперь въ Парижѣ и живетъ тамъ въ качествѣ просвѣщенной и изящной женщины, слушающей лекціи въ одномъ изъ парижскихъ учебныхъ заведеній. Послѣ четырехъ воплощеній, о которыхъ она сохранила полное воспоминаніе,—будучи въ этомъ счастливѣе сомнамбулъ,—она появилась въ нашу эпоху.

Сотрудникъ упомянутой французской газеты бесѣдовалъ съ ней и она подтвердила ему всѣ подробности египетской жизни четырнадцатаго вѣка до Р. Х. Но это еще не такъ удивительно: „общіе знакомые“, видѣвшіе въ Каирѣ портретъ Тайи, утверждаютъ, что упомянутая парижанка, считающая себя ея пятымъ воплощеніемъ, и изображенная на портретѣ царица, походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Н. Т.

— Замѣтка изъ „Le Corrèspondent médical“ № Mai, 1911. Громкую сенсацію, чтобы не сказать скандалъ, произвели во французской печати разоблаченія знаменитаго хирурга Дуаэнъ (онъ же основатель извѣстной фирмы шампанскаго); послѣ тридцатилѣтней практики, свѣтило медицинскаго міра, пользующійся всемірной извѣстностью, написалъ статью, въ которой онъ говоритъ приблизительно слѣдующее: „До сихъ поръ въ медицинской наукѣ царили нелѣпые догматы: во-первыхъ, для каждой отдѣльной болѣзни искали специфическаго средства, а, во-вторыхъ, воображали себѣ, что терапевтика ничто иное, какъ химія, тогда какъ все дѣло въ самой *жизни*. Я смѣло поднимаю знамя возстанія противъ лекарствъ, противъ врачей, противъ хирурговъ, всегда жадно ищущихъ случая рѣзать, кроить и потрошить“.

Далѣе Дуаэнъ утверждаетъ, что до сихъ поръ врачи не *лечили* болѣзни, а *поддерживали* ихъ, такъ какъ это было имъ выгодно.

Послѣднее заявленіе и послужило главнымъ образомъ поводомъ къ тому негодующему протесту, съ которымъ была встрѣчена статья Дуаэнъ и мы, въ свою очередь, считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить, что огромное значеніе указанныхъ разоблаченій дѣйствительно сильно поколеблено тѣмъ обстоятельствомъ, что знаменитый хирургъ самъ требовалъ чудовищный гонораръ за свои операціи, что онъ пользо-

вался и пользуется до сихъ поръ репутацiей человѣка крайне падкаго на матерьяльныя блага.

== Мы хотѣли бы подѣлиться съ нашими читателями нѣкоторыми интересными мнѣнiями врачей и теософовъ о растительномъ питанiи, а также кое-какими замѣтками, появившимися за послѣднее время въ печати по данному вопросу и отголосками послѣдняго заграничнаго вегетарiанскаго съѣзда (въ Брюсселѣ).

Не только люди, равнодушные къ вопросамъ питанiя, но сами вегетарiанцы часто думаютъ, что растительное питанiе заключается въ исключительномъ потребленiи продуктовъ растительнаго царства. Между тѣмъ, по мнѣнiю Maurice Largeris, слово „вегетарiанство“ происходитъ не отъ латинскаго vegetalis, а отъ vegetus—здоровый, крѣпкiй. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что многiе вегетарiанцы, потребляющiе главнымъ образомъ растенiя, овощи и плоды, не пренебрегаютъ и продуктами животнаго царства, лишь бы они были получены отъ живого животнаго. Таковы, напримѣръ, масло, молоко, медъ и даже яйца. Правда, нѣкоторые вегетарiанцы придерживаются иного взгляда и кромѣ продуктовъ растительнаго царства, не признаютъ никакихъ другихъ. Ихъ называютъ обыкновенно вегеталiанцами. Поэтому, говоритъ тотъ же авторъ, мы можемъ опредѣлить вегетарiанство, какъ питательный режимъ, включающiй вещества растительнаго и животнаго происхожденiя, но послѣднiя не должны быть получаемы изъ тѣла мертваго животнаго, т. е. изъ трупа, такъ какъ тотчасъ же послѣ смерти, въ животныхъ тканяхъ образуются сильные яды: птомаины и лейкомаины и въ этихъ же тканяхъ присутствуютъ многочисленные продукты дезассимиляцiи, такъ сказать органическiе отбросы, въ родѣ мочевой кислоты, креатинина и проч.

Морицъ Ларжери еще напоминаетъ о древности происхожденiя вегетарiанства; онъ цитируетъ индусскихъ браминовъ, буддистовъ, великихъ мудрецовъ Грецiи, Рима, Египта (Пиѳагора, Плотина, Ямвлиха, Порфирiя, Сенеку, Плутарха и пр.). выдающихся Отцовъ Церкви, Ессеевъ и Терапевтовъ и многiе религiозные ордены, процвѣтавшiе въ среднiе вѣка.

Прибавимъ отъ себя, что мясное питанiе является главной причиной всѣхъ растройствъ питанiя, столь распространеннаго въ наши дни воспаленiя червеобразнаго отростка слѣпой кишки и вообще всѣхъ кишечныхъ заболѣванiй, носящихъ характеръ самозараженiя (autointoxicalton).

Еще шире смотритъ на вегетарiанство докторъ G. Danjou; по его мнѣнiю, этотъ режимъ представляетъ собою сознательное, систематическое и разумное пользованiе всѣми природными средствами, съ цѣлью достиженiя хорошаго и продолжительнаго здоровья.

„Вегетаріанецъ“, говоритъ онъ, „обращается ко всѣмъ природнымъ космическимъ энергіямъ: къ воздуху, къ свѣту, къ солнцу, къ водѣ; онъ не пренебрегаетъ гимнастикой, старается наиболѣе разумно распредѣлить часы своей работы, отдыха и сна; тщательно выбираетъ пищевыя вещества и стремится не только къ совершенствованію своего физическаго организма, но и духовнаго. Поэтому нерѣдки среди вегетаріанцевъ люди, изучающіе міровыя системы: философіи, религіи и науки. Итакъ, по мнѣнію врача Данжу, цѣль вегетаріанства состоитъ въ томъ, чтобы, при содѣйствіи всѣхъ природныхъ силъ, достичь наилучшаго жизненнаго равновѣсія.

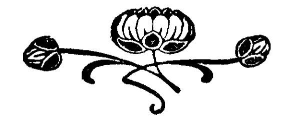
Въ Бельгіи, профессоръ медицинской академіи, Huchard, излагая причины, побудившія его перейти къ растительному питанію, указалъ на долголѣтіе своихъ дѣдовъ, потреблявшихъ мясо только одинъ или два раза въ году и на тѣ блестящіе результаты, которые были получены имъ еще въ 1883 году, при примѣненіи растительно-молочнаго питанія къ своимъ больнымъ.

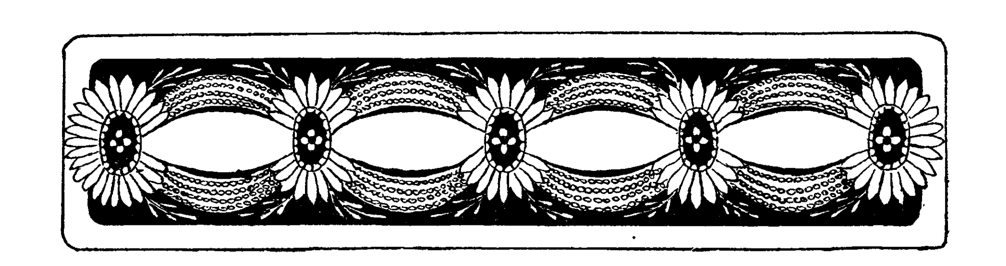
Хирургъ Victor Pauchet высказывается въ томъ смыслѣ, что вегетаріанскій режимъ даетъ чрезвычайно хорошіе результаты при подготовленіи больныхъ къ операціямъ и въ послѣ-операціонномъ періодѣ, въ смыслѣ предотвращенія кишечныхъ броженій.

Въ своемъ очеркѣ о физіологическомъ синтезѣ растительнаго питанія, докторъ Паско говоритъ, что мясо сильно возбуждаетъ, въ особенности пищеварительныя функціи, являясь въ то же время плохимъ стимуломъ долгой мышечной работы, тогда какъ продукты растительнаго царства возбуждаютъ слабо, но продолжительно и отравляютъ мало; что же касается свѣжихъ плодовъ, то они, по свойствамъ своихъ соковъ, являются даже сильными противоядіями.

Упомянемъ еще объ опытахъ, произведенныхъ въ Брюсселѣ надъ 40 дѣтьми, исключительно питавшимися растительной пищей и надъ тремя стами дѣтей въ Манчестерѣ (изслѣдованія Вегетаріанскаго Общества), которые доказали, что умственная дѣятельность, способности, выносливость и прилежаніе къ работѣ этихъ дѣтей были настолько повышены, что позволили отнести ихъ къ категоріи учениковъ, стоящихъ „выше нормальныхъ“. (Journal d'Alsace-Lorraine le 18 Juin 1910).

М. К.

Изъ газетъ и журналовъ.

— Въ газетѣ „Новое Время" былъ фельетонъ М. О. Меньшикова, въ которомъ онъ говоритъ, что знатокъ санскритскаго языка, Т. I. Планге, пересматривая Магабхарату нашелъ легенду о сотвореніи человѣка, разсказанную въ „Ramajana" въ „Разсказахъ и поясненіяхъ" Ведъ. Если все изложенное такъ, какъ утверждаетъ нѣмецкій ученый, то въ разсказѣ Магабхараты за „тысячи лѣтъ" до Пятикнижія Моисея была написана исторія первыхъ людей, очень сходная съ библейскою. Планге приписываетъ библейскому автору передѣлку индійскаго разсказа о сотвореніи человѣка и первородномъ грѣхѣ, причемъ сообразно съ тѣмъ низкимъ положеніемъ, какое занимала женщина у евреевъ, вина первороднаго грѣха переложена съ мужчины на женщину. Библейская критика давно признала, что Пятикнижіе Моисея не можетъ быть приписано одному автору. Изслѣдованія I. Сендернела („Священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта", перев. съ англ. 1907 г.) показываютъ, что раньше всѣхъ другихъ было написано Второзаконіе, но и оно написано не ранѣе какъ между 650—629 годами до Р. X., т. е. приблизительно черезъ 850 лѣтъ послѣ Моисея. Остальныя книги: Бытія, Исходъ, Левитъ и книга Числъ написаны всего лишь за 400—450 лѣтъ до Р. X. Всего вѣроятнѣе, что содержаніе разсказа о сотвореніи человѣка, первородномъ грѣхѣ и потопѣ было заимствовано Евреями у Вавилонянъ, которые, въ свою очередь или сохранили эту легенду отъ арійскихъ предковъ, общихъ съ Индусами, или заимствовали ее отъ послѣднихъ. Въ весьма замѣчательномъ, надѣлавшемъ много шума, изслѣдованіи „Библія и Вавилонъ" проф. Ф. Деличъ доказываетъ на основаніи недавнихъ вавилонскихъ раскопокъ, что сказанія о сотвореніи человѣка, о первородномъ грѣхѣ и потопѣ были записаны клиновидными знаками на обожженныхъ глиняныхъ табличкахъ, и что уже въ Вавилонѣ первой виновницей грѣха является Ева.

Въ книгѣ Чемберлена („Евреи") доказывается грандіозная поддѣлка еврейскихъ священныхъ книгъ—преимущественно въ эпоху Ездры,—поддѣлка, совершенная книжниками и первосвященниками. Безспорно также доказанъ широко распространенный обычай древности прикрывать сочиненія вымышленными именами или именами древнихъ прославленныхъ людей, и чѣмъ глубже изучаютъ ученые санскритологи священную литературу Индіи, тѣмъ болѣе находятъ удивительныхъ аналогій и совпаденій... Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ буддизма проф. Рисъ Дэвисъ говоритъ, что арійцы Индіи еще до буддизма выработали религіозный культъ, во многихъ чертахъ впослѣдствіи повторенный христіанствомъ. Что Индія имѣла въ древности, говоритъ Меньшиковъ, громадное культурное вліяніе на весь міръ, это слишкомъ общеизвѣстно. Именно Индія считается прародиной всѣхъ человѣческихъ цивилизацій. Буддизмъ въ совершенно преображенномъ видѣ былъ занесенъ въ Китай, въ Японію, въ Тибетъ. Весьма допустимо поэтому, что многія идеи индійской религіи были занесены на ближній Востокъ и вошли тамъ въ ткань мѣстнаго религіознаго творчества. Еще недавно, въ восьмомъ столѣтіи послѣ Р. Х., произошелъ любопытный случай въ этомъ родѣ. При дворѣ халифа Алманзора жилъ въ Дамаскѣ св. Іоаннъ (Дамаскинъ), сынъ министра. Принявъ монашество, онъ написалъ нѣсколько книгъ. Въ числѣ другихъ, приписываемыхъ ему сочиненій, говоритъ проф. Рисъ-Дэвисъ, находится религіозный романъ „Жизнь Варлаама и Іосафата". Повѣствовательная часть, какъ теперь вполнѣ доказано, изложена въ джамакскомъ комментаріи (Лапита Выстара). Греческій текстъ этого романа съ латинскимъ переводомъ находится въ патрологіи Мина, Такъ какъ нравоучительный тонъ книги былъ столь популяренъ въ среднихъ вѣкахъ, что романъ былъ переведенъ на разные европейскіе языки, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что герой его впослѣдствіи былъ канонизированъ. Память св. Іосафата празднуется 27 ноября. Милліоны христіанъ въ теченіе тысячи лѣтъ восхищаются житіемъ святого и молятся ему, не подозрѣвая, что подъ нимъ скрывается индійскій царевичъ Готама, основатель буддизма...

Такимъ образомъ, корни великаго нравственнаго движенія, которое называется христіанствомъ, оказываются древне, арійскіе.

Въ статьѣ „Религіозный „эклектизмъ" и „синкретизмъ" авторъ этой статьи (газ. „Русское Слово") В. Варваринъ говоритъ о религіозномъ синкретизмѣ Влад. Соловьева; о томъ, что, дѣйствительно, Влад. Соловьевъ принялъ католическое причастіе и благословеніе отъ папы, не отрекаясь отъ православія, и что онъ предсмертно исповѣдался и причастился у православнаго священника, не раскаиваясь и не сожалѣя о католическомъ своемъ причащеніи. Когда Варваринъ въ

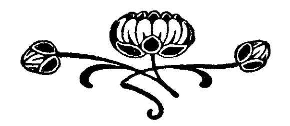
„Мірѣ Искусства“ написалъ маленькую статью „Классификація славянофильскихъ теченій“, въ которой было указано и „мѣсто Вл. Соловьева“, то Вл. Соловьевъ, прочитавъ эту статью, обратился къ нему съ просьбой измѣнить одно слово: вмѣсто „эклектизма“ поставить „синкретизмъ“, опредѣляя эклектизмъ, какъ внѣшнее приспособленіе вещей, понятій или философскихъ системъ другъ къ другу, а синкретизмъ,—какъ „сліяніе“ дотолѣ раздѣльно и противоположно существовавшихъ философскихъ системъ, какъ дѣло „плавки“, а не „сколачиванія“.

Были Волконскіе, Мартыновъ, Гагаринъ, Печеринъ, — говоритъ Варваринъ, — которые переходили въ католичество. Но это ни одной крупицы не клало на вѣсы соединенія церквей, ибо всѣ они въ мигъ перехода отрекались отъ православія. Распря оставалась зіяющая, та же.

Вл. Соловьевъ же сдѣлалъ шагъ совершенно въ сторону, глубочайше оригинальный, личный,—и котораго помѣшать ему сдѣлать никто не могъ: онъ причастился св. Тайнъ подъ одною формою и подъ другою, призналъ своими обѣ іерархіи и черезъ это сталъ католико-православнымъ или православно-католикомъ... Фактъ этотъ былъ утаенъ имъ потому, что ни русская администрація, ни русскій судъ, конечно, не стали бы входить въ его идеи о „синкретизмѣ“ церквей, а просто и формально приняли бы причащеніе по католической формѣ и отъ католическаго священника за переходъ въ католичество... Между тѣмъ, поступокъ его могъ получить все свое значеніе только при открытости, гласности,—только въ случаѣ, если бы изъ „личнаго дѣла“ онъ превратился въ общій „вѣроисповѣдный вопросъ“... Вл. Соловьевъ писалъ въ Россіи, гдѣ на католиковъ постоянно нападали. Въ силу совершившагося въ немъ „синкретизма“, онъ не могъ не считать себя призваннымъ отражать эти нападенія, и, отражая, естественно, казался какъ бы одѣтымъ въ католическую пелерину. Какъ полемистъ, какъ писатель, онъ былъ католикомъ, но—какъ „жилецъ міра“, онъ оставался „православнымъ“. Сила православія не въ умозрѣніи, а въ бытѣ. Даже въ „синкретизмѣ церквей въ душѣ своей“ онъ поступалъ, какъ русскій: подобнаго поступка нельзя вообразить себѣ у католика!

Поступокъ Вл. Соловьева единиченъ, — говоритъ далѣе Варваринъ,—но мысль этого поступка носится, и при томъ независимо отъ примѣра Вл. Соловьева. Русскіе, созерцая общую концепцію христіанства, дѣйствительно оплакиваютъ его раздѣленіе и бытіе отдѣльныхъ, не сообщающихся между собою церквей... у многихъ русскихъ бродитъ мысль не о „соединеніи церквей“ черезъ гармонизацію вѣроисповѣдныхъ формулъ, что недостижимо по вѣчному свойству ума „спорить“, — а о полномъ уравненіи и примиреніи между собою церквей, черезъ выдви-

ганіе высшаго христіанскаго принципа: любви и примиренія. Пусть все и остается раздѣленнымъ и разнообразнымъ; но пусть вѣрующіе, исполняя „свое“ въ каждой церкви, запретятъ себѣ всякую вражду къ „несвоему“... Конкретно: пусть каждый подходитъ подъ благословеніе священника и другой церкви „по нуждѣ“, и съ полнымъ сознаніемъ, что это—„одно въ разныхъ формахъ“, что исповѣдь, причастіе, крещеніе дѣйствуютъ „во избавленіе грѣховъ“ вездѣ, гдѣ они совершаются съ вѣрою во Христа...

Кто многимъ владѣетъ, тотъ многое потеряетъ.
Кто умѣетъ довольствоваться, тотъ не узнаетъ позора.
Кто умѣетъ стоять тихо, тотъ внѣ опасности
И можетъ пребывать долго.

Входить въ жизнь значитъ входить въ смерть. Кто, пользуясь истиннымъ просвѣщеніемъ, возвращается къ своему свѣту, тотъ ничего не теряетъ при разрушеніи своего тѣла.
Это значитъ облечься въ вѣчность.

Заботиться о маломъ значитъ быть просвѣщеннымъ.
Соблюдать мягкость значитъ быть крѣпкимъ.

Знать, что не знаешь, есть высшее.
Не знать, что не знаешь, есть болѣзнь.

Добрыя слова могутъ искупить; добрыя дѣла могутъ сдѣлать еще болѣе.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

Новыя идеи въ физикѣ. Сборникъ № 1: — „Строеніе вещества". Цѣна 60 к. Сборникъ № 2: — „Эфиръ и матерія". Цѣна 80 к. Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуженнаго профессора *И. И. Боргмана.* Издательство „Образованіе", СПБ., Николаевская, 9.

Изданіе имѣетъ цѣлью ознакомленіе читателей съ различными современными воззрѣніями по наиболѣе важнымъ вопросамъ въ физикѣ. Имя проф. И. И. Боргмана достаточно свидѣтельствуетъ о серьезности изданія. Говоря о переходѣ радія въ эманацію, а эманаціи въ новый элементъ—гелій, проф. Боргманъ даетъ блестящее доказательство *непрерывной эволюціи* химическихъ элементовъ. „Мертвая матерія",—пишетъ онъ, —„какою мы представляемъ себѣ металлъ, обнаруживаетъ свойство живого организма,—эта матерія даетъ поколѣніе за поколѣніемъ, непохожія другъ на друга, — она эволюціонируетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ это допускается въ мірѣ животныхъ и растеній, — она эволюціонируетъ безъ всякаго естественнаго подбора, безъ необходимости бороться за существованіе". Интересны свѣдѣнія объ атомахъ отрицательнаго электричества (Корпесли, извѣстное количество энергіи безъ матеріи) и объ ихъ размѣщеніи въ одной плоскости (Сборникъ № 1, стр. 120),—какъ ключъ къ образованію Вселенной.

Замѣтка о книгѣ Howard'a „Garden-Cities of to-morrow" by Ebenezer Howard.

== Книга эта является попыткой обоснованія такого „города-сада", который имѣлъ бы притягательную силу для народа, соединивъ въ себѣ преимущества какъ города, такъ и деревни. Авторъ этого проекта, горячо и увѣренно проводящій свою идею, думаетъ, что устройство подобнаго города-сада могло бы остановить эмиграцію народа изъ деревень въ Лондонъ и создало бы добровольное движеніе его изъ переполненнаго города обратно, ближе къ „матери природѣ, источнику жизни, счастья, здоровья и силы".

Разные проекты о преобразованіи Лондона, для оздоровленія и красоты котораго тамъ должна бы находиться лишь $^1/_5$ всего его тепе-

решняго населенія,—существовали и ранѣе, и то, что всѣ они потерпѣли пораженіе, по мнѣнію автора, говоритъ не о безнадежности такихъ попытокъ, а лишь о существованіи дѣйствительно наболѣвшаго вопроса, который настоятельно требуетъ разрѣшенія, и потому предвѣщаетъ наконецъ успѣхъ одной изъ нихъ. Одною изъ причинъ неудачъ прежнихъ попытокъ такого рода авторъ считаетъ то обстоятельство, что составители этихъ проектовъ не брали во вниманіе потребностей и вкусовъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, предоставляя веденіе всѣхъ работъ власти и контролю управленія. Въ своей схемѣ авторъ думаетъ избѣгнуть этого недостатка, ограничивъ поле дѣятельности городского управленія проектируемаго города-сада лишь необходимыми начальными работами и, исходя изъ того, что городское управленіе можетъ быть лишь выразителемъ вкусовъ и направленія большинства, къ общественнымъ работамъ будутъ призваны и тѣ члены, которыхъ идеалы стоятъ выше средняго уровня, и которымъ—составившимъ такъ сказать „pro-municipal",—будутъ предоставлены работы по устройству, напримѣръ, всѣхъ филантропическихъ и благотворительныхъ, учебно-воспитательныхъ и религіозныхъ учрежденій.

Однимъ, наиболѣе интереснымъ проектомъ такого рода, былъ проектъ Герберта Спенсера, который задался, правда, нѣсколько бóльшею идеей—идеей обоснованія города въ гармоніи съ моральными законами, утвердивъ впервые одинаковыя права всѣхъ людей на обладаніе землею. Этотъ проектъ самъ авторъ долженъ былъ признать невыполнимымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, собственность неизбѣжно влекла за собою злоупотребленія, а во-вторыхъ, явилась невозможность раздѣленія земли совершенно справедливо при тѣхъ условіяхъ жизни, которыя необходимо опираются на все прошлое. Но первое затрудненіе авторъ даннаго проекта думаетъ избѣгнуть тѣмъ, что повышеніе доходности земель и плата за нихъ, вносимая городскому правленію (а не центральному), будетъ принадлежать ему же, а не собственникамъ. Что же касается второго, то авторъ этой книги не задается моральными задачами, поставивъ себѣ цѣлью лишь составить проектъ модели „города-сада", но удачное выполненіе его, говоритъ авторъ, необходимо повело бы за собою и разрѣшеніе многихъ другихъ назрѣвшихъ, связанныхъ съ переполненіемъ города, вопросовъ, какъ-то: пьянства, нищенства, недостатка работъ, съ одной стороны (въ городѣ) и недостатка рабочихъ рукъ, съ другой стороны, въ деревняхъ.

Вопросъ И. Ѳ. Не проявляетъ ли Теософія грубый эгоизмъ, когда поддерживаетъ сжиганіе труповъ, въ виду того, что сжиганіе препятствуетъ возникновенію милліоновъ жизней, которыя должны бы выполнить свое назначеніе? Не есть ли это нарушеніе святой воли Божіей?

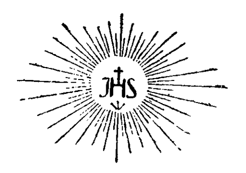
Отвѣтъ. Въ корнѣ поставленныхъ вопросовъ лежитъ идея о воскресеніи во плоти. Если „воскресеніе" понимать матеріально, подразумѣвая, что въ послѣдній день проявленнаго міра всѣ умершіе оживутъ въ своихъ физическихъ тѣлахъ, въ такомъ случаѣ сжиганіе труповъ можно признать нарушеніемъ Воли Божіей. Но такое матеріальное пониманіе разрушается само собой при внимательномъ чтеніи св. Писаній, въ которыхъ говорится о безсмертіи духа, а не плоти, называемой во многихъ мѣстахъ, „тлѣномъ", „прахомъ" и т. д., а у ап. Павла ясно отдѣляемой отъ „тѣла душевнаго" и „тѣла духовнаго".

Изъ св. Писаній гораздо легче заключить, что первые Христіане, также какъ и теософы, считали физическое тѣло временной оболочкой, въ которую духъ облекается для того, чтобы проявиться на короткое время на землѣ и затѣмъ сбросить ее какъ выполнившую свое назначеніе. Мало того; такъ какъ физическая оболочка соединена съ животными отправленьями человѣка, не имѣющими ничего общаго съ его духовной жизнью,—всѣ Святые и Подвижники православной Церкви относились къ тѣлу скорѣй враждебно и никогда не обожествляли его. Теософія, не раздѣляющая этой враждебности, не можетъ стремиться къ сохраненію труповъ уже потому, что признаетъ эволюцію и перевоплощеніе; для нея важна только *жизнь—сознаніе,* которое вѣчно, а не форма, которая всюду погибаетъ, какъ только жизнь покидаетъ ее. Религіозное сознаніе Теософа видитъ *въ этомъ* Волю Божію и потому не можетъ признать грѣха въ сожиганіи труповъ. Мы знаемъ, что въ жаркихъ климатахъ разлагающіеся трупы могутъ причинить большой вредъ живымъ людямъ, но разъ медленное тлѣніе труповъ Воля Божія, по

мнѣнію И. Ѳ.,—она должна быть выполняема во всякомъ климатѣ, слѣдовательно въ *этомъ* случаѣ Воля Божія допускаетъ пожертвованіе живыми въ пользу мертвецовъ, что совершенно не согласуется съ Божественной Благостью и Мудростью.

Что касается до сомнѣнія И. Ѳ., не грѣшимъ ли мы—вводя сжиганіе мертвыхъ тѣлъ—противъ милліоновъ паразитовъ, которые питаются человѣческими трупами, то ограничивать подобное обереганіе низшихъ формъ одними человѣческими трупами, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательно. Мы знаемъ, какъ энергично проявленіе жизни на низшихъ ступеняхъ бытія и какъ легко заводятся всевозможныя бактеріи и насѣкомыя вездѣ, гдѣ скопляются всякія нечистоты. Признавая возникновеніе паразитовъ Волей Божіей, слѣдуетъ и къ водворенію чистоты относиться неодобрительнымъ образомъ, такъ какъ чистота несомнѣнно препятствуетъ возникновенію „милліоновъ жизней“, которыя появляются всюду, гдѣ происходятъ различные виды гніенія.

Кромѣ того, И. Ѳ. нечего безпокоиться объ уничтоженіи разлагающихся частицъ человѣческаго трупа: огонь не уничтожаетъ ихъ, а лишь переводитъ въ болѣе тонкое состояніе.

Желаніе славы—низкое желаніе; когда пріобрѣлъ ее—безпокоишься, какъ бы не потерять, а когда потеряешь ее, то безпокоишься о томъ, чтобы ее пріобрѣсти.

(Изреченіе изъ Лао-Тзе).

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**